

Антология Сатиры и Юмора России XX века



Игорь Уртеньев



Също като виедъ на речуве
Мен спомна Офен
Дивотен мисъ за речуве "Кудин"

Срещи яхна на речуве,
~~Срещи яхна на речуве~~ ~~Срещи яхна на речуве~~ ~~Срещи яхна на речуве~~
~~Срещи яхна на речуве~~ ~~Срещи яхна на речуве~~ ~~Срещи яхна на речуве~~
Кудин мисъ за речуве "Кудин"
Кудин мисъ за речуве "Кудин"
Кудин мисъ за речуве "Кудин"
Кудин мисъ за речуве "Кудин"
Кудин мисъ за речуве "Кудин"

Кудин мисъ за речуве
Кудин мисъ за речуве
Кудин мисъ за речуве
Кудин мисъ за речуве
Кудин мисъ за речуве
Кудин мисъ за речуве
Кудин мисъ за речуве
Кудин мисъ за речуве
Кудин мисъ за речуве
Кудин мисъ за речуве

А мисъ за речуве

А мисъ за речуве
А мисъ за речуве
А мисъ за речуве

Срочно явиться на заседание,
руководителям избрал.
Возвращу через три недели "Рудин".
Ну это скучно, возвращу прав

Курьеру раздал, собравшись
Но все собрание себе,
на заседании, лучше всего,
Делать меньше из КСБ

Григорьевича КСБ.

Вспоминаю всеобщее собрание?
То собрание было в
Тогда же, когда неграмотный,
А на какой-то деле 4-2

Скромнички в основном

Кому-то был во главе,

А как там было тогда, с 3 марта того года

Полностью, полностью, абсолютно

Открытой для 4-х человек

То самое дело

Полностью все было

Но мне - как же тогда он, делал

Рассуждения

Кто

Кому-то было

То самое дело

Полностью все было

Но мне - как же тогда он, делал

Рассуждения

Врата остаются на расклате,
руководитель израл.
Получил через при расклате "Руды"
из из расклате, Товарищ, прав

Киринг? разра собрал шло.

Но все собралась себе,
то расклате, киринг? расклате,
из расклате из расклате

Вдвигается в расклате
то киринг? собрал шло
Товарищ из расклате
А на какой-то расклате

Киринг? в расклате

Киринг? в расклате,

А киринг? в расклате ст 3 киринг? расклате
Киринг? киринг? киринг?
Киринг? киринг? киринг?

То киринг? расклате
Киринг? киринг? киринг?

Но киринг - киринг киринг киринг.

Киринг? киринг? киринг?

Киринг? киринг? киринг?

То киринг? расклате

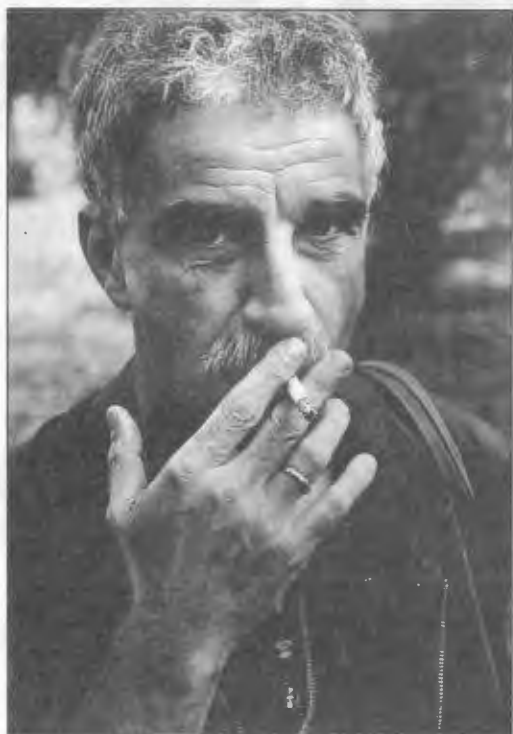
Киринг? киринг? киринг?

Но киринг киринг киринг киринг.

Киринг? киринг? киринг?



Антология Сатиры и Юмора России XX века



U. Zor

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Игорь Уртенев

«ЭКСМО-Пресс» 2000

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
И 77

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА
Игорь Иртеньев

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Игорь Иртеньев,
проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак

Автор серийного оформления
Евгений Поликашин

Художественное оформление тома
Андрей Ирбит

Подготовка макета — ООО РИА «Магазин Жванецкого»
Компьютерная верстка — Дмитрий Амплеев

Шарж на обложке А. Бильжо

В оформлении книги использованы рисунки А. Бильжо.

Иртеньев И. М.

И 77 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 5. —
М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 384 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-004895-5 (Т.5)
ISBN 5-04-003950-6

© И.М.Иртеньев, 2000
© В.С.Жук, вступ. статья, 2000
© А.А.Ирбит, оформление, 2000
© А.Г.Бильжо, графика, 2000
© Ю.Н.Кушак, составление,
примечания, 2000

Содержание

Вадим Жук. <i>Поэт</i> Иртеньев	13
<i>А</i> втобиография	18
« <i>Какое время было, блин!..</i> »	
1979–1985	
Вертикальный срез	24
Странный гость	26
<i>П</i> охвала движению	29
Съедобное	30
«Сияло солнце над Москвою...»	31
Страшная картина	32
«Блестят штыки, снаряды рвутся...»	33
«Конечно, это горько, но...»	34
<i>О</i> дорожное	35
Вступающему в жизнь	36
<i>П</i> еснь	37
Случай на воде	38
<i>М</i> ечта о крыльях	40
«Любовь. На вид простое слово...»	41
«Меня зовут Иван Иваныч...»	42
<i>А</i> втобус	43
<i>Г</i> риппозное	45
<i>Г</i> ородским поэтам	47
<i>П</i> ро искусство	48
<i>Ч</i> асовой	49
<i>Ч</i> то зачем	50
<i>Т</i> анго в стиле кич	51
« <i>Ч</i> тобы написать стихотворенье...»	52
« <i>О</i> чем мечтаешь ты, товарищ...»	53
<i>З</i> емлекоп	54
« <i>Н</i> а стуле женщина сидела...»	55
<i>П</i> одражание французскому	56

<i>Невольное</i>	57
<i>«Желаю восславить любовь я...»</i>	58
<i>Электрический ток</i>	59
<i>Клеветнику</i>	61
<i>Поэт и Муза</i>	62
<i>Баллада о четырех Дедах Морозах</i>	65
<i>Забывтый вальс</i>	67
<i>Отец и сын</i>	68
<i>Астроном</i>	70
<i>Прощание</i>	71
<i>Палехская роспись</i>	72
<i>Электромонтерам</i>	73
<i>Угасший костер</i>	74
<i>Поэт и Прозаик</i>	75
<i>Настораль</i>	77
<i>Пловец</i>	78

1986—1991

<i>«Куда ушли товарищи мои...»</i>	80
<i>«Когда сгорю я без остатка...»</i>	81
<i>Ожентльмен и обмен</i>	83
<i>Цветы и чувства</i>	85
<i>Летающий орел</i>	86
<i>Про Петра</i>	87
<i>Камелия</i>	89
<i>«Бывают в этой жизни миги...»</i>	91
<i>Моя Москва</i>	92
<i>Случай в больнице</i>	93
<i>Меланхолический пейзаж</i>	95
<i>«Ероплан летит германский...»</i>	96
<i>«Подайте, граждане, поэту...»</i>	98
<i>Встреча</i>	99
<i>Прощание матроса с женой</i>	101
<i>«Ах, отчего на сердце так тоскливо...»</i>	103
<i>Попытка к тексту</i>	104

Заявление для печати	105
Монолог на выдохе	107
«Ответь мне, искусственный спутник Земли...»	108
Неопубликованная стенограмма	109
Версия	113
Про Федота	115
Приглашение в Мытищи	117
Ряд допущений	118
Так и живу	119
Застойная песнь	120
Сюжет впотьмах	121
Подражание древним	123
Ходоки	124
Все отлично	125
«Вот дождь прошел, и солнце вышло...»	126
«Печален за окном пейзаж...»	127
Мой ответ Альбиону	128
Овести лет спустя	130
Сделай сам	135
«Есть у меня один эрдель...»	136
Чей старичок?	137
«Я шел к Смоленской по Арбату...»	138
В Стране восходящего солнца...	139
Песнь о юном кооператоре	140
«Я женщину одну любил...»	141
«Во дни державных потрясений...»	142
«Человек сидит на стуле...»	143
«Вот человек какой-то мочится...»	144
Депутатский запрос	145
Елка в Кремле	146
«Ты куда бежишь, нога...»	148
«Кончался век, XX век...»	149
Прогулка на два оборота	150
«Оставил мясо я на кухне...»	152
«Вот ползет по стенке клоп...»	153

На смерть героя	154
Букет цветов	155
«Как на площади Таганской...»	156
«В помойке роется старушка...»	157
«С улыбкой мимолетной на устах...»	158
«Зуляли мы по высшей мерке...»	159
«Когда в вечернем воздухе порой...»	160
«Идет по улице скелет...»	161
«Поймали арабы еврея...»	162
«Вчера явился мне во сне мужик...»	163
«Я раньше был подвижный хлопчик...»	164
«На Павелецкой радиальной...»	165
Девичья	166
Колыбельная	167
«Просыпаюсь с бодуна...»	168
Баллада о гордом рыцаре	169
«Кому-то эта фраза...»	171
«Нам тайный умысел неведом...»	172
«Не нам бродить по тем лугам...»	174
«Уронил я в унитаз...»	175
Старинная казачья песня	176
«Бывало, выйдешь из трамвая...»	177
«Только сел — звонят. Давай скорее...»	178
1992—2000	
«Ночь темна, как камера-обскура...»	180
«Трудно тем на свете очень...»	181
«Провел я молодые годы...»	182
«Некомпетентность правит бал...»	183
«Среди толпы мятежной...»	184
«Я вчера за три отгула...»	185
«Ах, что за женщина жила...»	186
«Жизнь проходит как-то глупо...»	187
«Дружно катятся года...»	188
«В одном практически шнурке...»	190

«Она лежала на кровати...»	192
«Не доливайте водку в пиво...»	193
«Ничего мне так не надо...»	194
«Не могу не вспомнить факта...»	195
«Как хорошо, что мы успели...»	196
«Весь объят тоской вселенской...»	197
Скороговорка	198
«Сгущалась тьма над пунктом населенным...»	199
«Встретил как-то раз девицу...»	200
«Будь я малость помоложе...»	202
«Мне для Алки ничего не жалко...»	203
«Мужчина к женщине приходит...»	204
«Наш Ту-154...»	205
«Стихи мои, простые с виду...»	207
«Кончилось военных великих походов...»	208
Настораль II	209
«Одиноко брожу среди толпы я...»	210
«Уход отдельного поэта...»	211
«Мой друг, побудь со мной вдвоем...»	212
«Порой мне кажется, как будто...»	213
«Выхожу один я на дорогу...»	214
«Я в юности во сне летал...»	216
«Был ты, Лева, раньше бедный...»	217
«Женщины носят чулки и колготки...»	219
Короткие встречи	220
«Три раза в ЗАГС меня водили...»	222
«Страна моя не так уж и проста...»	223
День открытых дверей	224
«Я не ханжа, не фарисей...»	226
«Чей портрет на стенке в школе...»	227
«Что-то главное есть в винегрете...»	228
Плач по атаману	229
«Я всю Америку проехал...»	230
«Возьмем, товарищи, козла...»	231
«Средь шумной халявной тусовки...»	232

<i>«Лежишь бессонными ночами...»</i>	233
<i>Народ. Вход-выход</i>	234
<i>«Моя неизбывная вера...»</i>	236
<i>«Прелюдией Баха хоральной...»</i>	237
<i>Из хорватского дневника</i>	238
<i>Из хорватского дневника II</i>	239
<i>«Как это исстари ведется...»</i>	240
<i>Баллада о железном наркоме</i>	241
<i>«Это кто такой красивый...»</i>	
<i>Случай возле бани</i>	245
<i>Пират дядя Петя</i>	247
<i>Сюрприз</i>	248
<i>Вожатый и трамвай</i>	249
<i>Портрет</i>	252
<i>Иван Петрович и какаду</i>	253
<i>Это кто?</i>	254
<i>Сцена у фонтана</i>	255
<i>Точный адрес</i>	257
<i>Песенка о бесхвостой кобыле</i>	258
<i>Сколько будет четырежды три</i>	260
<i>Точность — вежливость королей</i>	263
<i>Иван Петрович и НЛО</i>	266
<i>Считалочка для всех</i>	267
<i>Концерт на малой эстраде</i>	268
<i>Лесная школа</i>	271
<i>Это что?</i>	272
<i>«Как у нашей Яночки...»</i>	273
<i>Тик-так</i>	274
<i>«Нет, не люблю я этих марсиан...»</i>	
<i>Хозяйке на заметку</i>	277
<i>«В здоровом теле...»</i>	278
<i>«— И неимущим, и богатым...»</i>	279
<i>«Соком живым брызнем...»</i>	280

«С другом мы пошли к путанам...»	281
Картинка с рынка	282
«Тут как-то раз мне дали в глаз...»	283
К NN	284
«КПСС антинародной...»	285
«Меня спросили на иврите...»	286
Опять к NN	287
«Свой путь земной на две прошедши трети...»	288
«Все накрылось медным тазом...»	289
«Иду я против топора...»	290
«Я обычно, как напьюсь...»	291
«Куда Россия подевалась...»	292
«Я в детстве сильно поддавал...»	293
«Кто мне тут киллер приходил...»	294
«Стоит могила...»	295
«Промышленность не может быть тяжелой...»	296
«Выпивать поэтам нужно в меру...»	297
«Ну сколько можно о говне...»	298
«Такого кризиса...»	299
«Нет, не люблю я этих марсиан...»	300
 «Российский правдоруб простой...»	
«Я человек язвительны и колкий...»	303
«Отвратительно, страшно, мохнато...»	304
«В тоске французы, в панике японцы...»	305
«Дело пахнет керосином...»	306
«Хорошо, что рядом тот, кто за все в ответе...»	307
«Ну ты делов наделал, Билл...»	308
«Ходил недолго в президентах...»	309
«Много лет ты славно правил...»	311
«Американская эскадра...»	312
«Мальчик Сережа подрастает быстро...»	313
«Внешний вид товарный...»	314
«Максимыч справный был служака...»	315
«Международные бандиты...»	316

«О, дай воспеть мне силы, муза...»	317
«Коммерсант» сегодня — не просто газета...»	318
«Закончен творческий простой...»	319
«Никто не считает русофобы...»	320
«Депутатская прощальная»	321
«За день до выборов»	322
«Я пережил внезапный шок...»	323
«Хорошо ли это или плохо...»	324
<i>Каждый охотник желает знать, где сидит фазан</i>	
Трансцендент в трамвае	327
Про человека	330
Звезда Капюшонова	331
Критерий	334
Каждый охотник желает знать, где сидит фазан	336
Проверка	339
Мягкий характер	341
Вы здесь не стояли	343
Записка	345
Добродеев и Некодяев	347
Про Колю и его маму	349
Железная игра	351
Экскурсия	354
Николай — мужик что надо	356
Как я встречался со знаменитостями	359
Примечания	363
Книжные издания	383

Поэт Иртеньев

В разные времена в моду входят разные собаки.

То широкогрудые овчарки крепили непоколебимость нашего с вами образа жизни. То кокетливо украшали садики букеты пуделей-гиацинтов. Нынче все больше встречаешь полусвиной на кривых ножках.

Но хозяевами среды обитания были и остаются дворняги. Дворняги, с их евангельскими очами. Иногда они обретают владельцев, чаще — сами по себе. Она, Каштанка, существо тертое, но не втирающееся, лукавое и незлобное. Не ученое, но, по природной одаренности, без труда овладевает любыми трюками — дает лапу, берет барьер, пишет в рифму. Команды «фас» и «апорт» выполняет только по велению сердца. Не продукт династической «вязки», а дитя любви и просторов.

Теперь посмотрите в честные глаза И.М., почувствуйте прикосновение его неухоженных ушей, оцените поджарую, небольшую, готовую к действию и противодействию статью. Попробуйте сказать, что сказанное выше — не о нем. Что? Снижаю облик поэта? Не много же вы смыслите — как в собаках, так и в поэзии.

Я, кстати, не очень понимаю, для кого это пишу. Варианты: для Игоря, для вас, для себя. Идеальный вариант — совмещающий. На самом деле первой прочтет текст Алла Боссарт, жена объекта, неимоверно талантливая журналист и исторически швейцарская подданная. Обычно швейцары гоняют дворняг. Эта его полюбила. Слава богу, не сумела оказать влияние на его творчество, но до известной степени приватизировала.

В семейном интервью в «Огоньке», например, она вместе с ним же, слабохарактерным, выясняет, что поэт

Иртеньев не то чтобы лирик. Конечно, это от пробелов в образовании обоих: а) на журфаке, б) в Ленинградском институте киноинженеров. Лирика, по их мнению, — это где о чувствах. О чувствах-с. Слово и вправду скомпрометированное. Стоит ли говорить, что многочисленные сиреневые издания, где оно стояло на обложке, отношения к лирике (поэтическому выражению своих собственных взглядов и, подчеркиваю, чувств) — вовсе не имели. Мой сын в малолетстве написал стихотворение, которое так и называлось — «Чувства». Там была могучая тавтологическая строчка — «Чувства я чувствую». Иртеньев именно что очень и очень чувствует чувства. Вот, скажем, какие. Слушает он музыку и вспоминает:

И все то, что в жизни прежней
Испытать мне довелось.

Страсть.
Надежда.
Горечь.
Радость.
Жар любви
И лед утрат,
Отрезвонившая младость,
Наступающий закат...

А дальше финал, раскрывающий, чем, собственно, этот киноинженер человеческих душ нам интересен:

Слезы брызнувшие пряча,
Я стоял лицом к стене,
И забытый вальс собачий
Рвал на части
Душу мне.

Не обязательно устраивать заплывы в собственных соплях. Но так чувствовать и давать своим лирическим переживаниям такой неожиданный и такой безумно смешной оборот может, сдается мне, только Игорь. Редко-редко он выражает свой пылающий внутренний мир напрямую, как в моем любимом:

Весь объят тоской вселенской
И покорностью судьбе,
Возле площади Смоленской
Я в троллейбус сяду «Б».

Слезы горькие, не лейтесь,
Сердце бедное, молчи,
Ты умчи меня, троллейбус,
В даль туманную умчи.

Едет он, едет в этом изъезженном окуджавском
транспорте — и вот как бы уже и летит:

Чтоб исчезла в дымке нежной
Эта грешная земля.

Чтоб войти в чертог твой, Боже,
Сбросив груз мирских оков,
И не видеть больше рожи
Этих блядских мудаков.

Я не люблю, когда в печатной речи — непечатные слова. Но здесь они надиктованы слишком острой горечью, — и что поделать, если у них именно такие, достающие до самого раненого сердца рожи? Достали его.

Сказав, по существу, главное, перехожу к такой материи, как язык поэзии Иртеньева.

Слов он знает очень много.

«Потому что искусство поэзии требует слов
.....
Спускаюсь в киоск за вечерней газетой»

И. Бродский

Слова у него — помимо «нормальных» литературных — газетные, телевизионные, новорусские, блатные, все возникающие неправильности бытового языка, штампы высокой поэтической речи. Щегольски и необыкновенно органично употребляемые им «непоэтические» единицы речи, уличные речевые конструкции лишний раз доказывают, что в живом языке лишнего не бывает. Как не

бывает дурного и незаконного. Язык сам прекрасно разберется в жемчуге, зернах и плевелах. Отбросит ненужное и полетит себе далее с Пушкиным на козлах и Иртеньевым на запятках.

Кстати, о Пушкине. Дворянка тем и привлекательна, что совмещает в себе множество кровей. То же и с Иртеньевым. Повторяю: он — поэт очень сам по себе, очень в своем роде, но рискну предположить, на каких пустырях снюхивались его дедки и бабки.

Конечно, оба Валеры — нежный, незащитный, едкий Валерий Катулл и горький Марк Валерий Марциал; великий бомж Франсуа Вийон; Сирано — именно не Ротстан, а его поэтический образ; ну, ясно, Пушкин — этот ни одну собачью свадьбу не минует; безусловно, гениальный К.Прутков и отдельно — остроумнейший из русских А.К. Толстой. Никакой, между прочим, не Саша Черный: обэриуты в меньшей (формальной) степени, чем мне казалось при первоначальном знакомстве со стихами И.М.

Еще, должно быть, поэтическая группа, к которой Иртеньев принадлежал. Обожаемая им и в самом деле космическая Нина Искренко...

Но все не так, все не по-людски было у И.Иртеньева; не так, как у «настоящего поэта», о котором писал Пастернак (и настоящий, и один из любимых):

Так начинают. Года в два
От мамки рвутся в тьму мелодий...

.....

Так начинают жить стихом.

Наш присел на своего кривого Пегаса чуть ли не в тридцать лет! (Как-то даже перед Лермонтовым неловко.) До этого вроде бы писал какие-то юмористические вещицы. Меня тошнит от обоих последних слов. Мне очень жаль, что аудитория знает Игоря в основном, как Правдоруба. В этой каторжной и требующей дисциплины работе Иртеньев безусловно «профи». Среди правдорубских вещей получаются настоящие. Можно посмотреть, послушать, подсчитать. Но прежде — его надо читать. Читать, чтобы лишний раз не понять: откуда что берется? Алексей Гер-

ман, высоко ставя первый фильм Сокурова «Одинокий голос человека», сказал: «Я не понимаю, как это сделано!» Я, сожравший не одну свору, и дворняг в том числе, повторяю: я не понимаю, как это сделано.

Впрочем, стихи не делаются. Это Маяковский с понтом под «левым фронтом» сморозил.

Стихи... Вот объяснение. Божье дело.

Трудно писать о хорошо знакомом человеке. О дружке. О верном и ласковом друге. Мы живем в разных городах. Мы очень часто видимся. Москва для меня стала невозможной без Иртеньева.

Кажется, я ни одной крупной пошлости не сказал? А то ведь на пошлость у него тончайшее чутье. Собачье, дворняжье.

Да! Чуть не забыл. Он очень остроумный. Как, впрочем, любая чистокровная дворняга.

Вадим ЖУК

Родился я в Москве в 1947 году. Мои родители были

так называемыми типичными представителями советской интеллигенции. Отец, Моисей Давыдович, — историк, мать, Ирина Павловна, по первому образованию также историк (вместе с отцом они перед войной окончили Московский историко-архивный институт), по второму — специалист по лечебной физкультуре. До начала 70-х жили в опять же типичной московской коммуналке в Марксистском переулке, чем мое знакомство со всеильным учением и ограничилось. Этого двухэтажного деревянного дома, фотография которого приведена на обложке, давно уже нет, как, впрочем, и патриархальной слободской Таганки. Сейчас это полновесный Центр, а когда я учился в первом классе, одна семья, притом еврейская, через два дома от нас, держала корову. Нет и родителей. Отец умер в 1980 году, мама — в 1995-м.

После окончания четвертой по счету школы нигде долго не задерживался, — покрутившись в какой-то конторе, поступил на заочное отделение Ленинградского института киноинженеров и почти одновременно пришел на телевидение механиком по обслуживанию киносъемочной техники. Работал в отделе хроники, за двадцать лет объездил всю страну, ни малейшей тяги к инженерству не испытывал, поэтому диплом так и не пригодился. Зато на шесть лет отодвинул действительную военную службу, каковую я мучительно проходил с 1972 по 1973 год в Забайкальском военном округе. Женился довольно рано, в двадцать один год. С Лорой Злобиной мы прожили четыре года легко и весело, а расставшись, сохранили добрые отношения на всю жизнь. Те же отношения сохранил и со второй женой, Соней Ир-

теньевой, хотя прожили мы значительно дольше и расставались, соответственно, куда тяжелей. Нашей дочке Яне сейчас девять лет, и сказать, что папу она видит только по телевизору, было бы сильным преуменьшением. С третьей, и, надеюсь, последней, моей женой, известной, тщеславно отмечу, журналисткой Аллой Боссарт, мы вместе восемь лет, а Вера, которой сейчас уже семнадцать, стала мне второй дочкой.

Отец был большим любителем поэзии. Писал и сам, причем вполне складно, но, по природной скромности, не придавал этому серьезного значения, во всяком случае, никаких попыток напечататься не предпринимал, не считая нескольких публикаций во фронтовых газетах. Дома у нас имелась очень приличная поэтическая библиотека, многие книжки были с автографами. К пятнадцати годам я все это хозяйство перечитал по несколько раз, но странным образом избежал юношеской болезни стихописания, во всяком случае, ее наиболее тяжелой для окружающих лирической разновидности.

Писать начал в тридцать с небольшим, публиковать — почти одновременно. Дебют состоялся в 1979 году. В еженедельнике «Литературная Россия» в то время юмором заведовал блестящий автор знаменитого «Клуба 12 стульев» «ЛГ» Владимир Влади́н. Он и напечатал мой рассказик «Трансцендент в трамвае», став, так сказать, крестным литературным отцом. Рассказы я писал до середины восьмидесятых параллельно со стихами, пока Андрей Кучаев, на чей семинар я ходил и чьим мнением дорожу до сих пор, мягко не объяснил мне, что стихи у меня получаются ловчей. В 1982 году я ушел с телевидения и пару лет проработал в газете «Московский комсомолец», в отделе фельетонов у Льва Новоженова.

В середине восьмидесятых познакомился с группой поэтов схожего с моим направления — талантливейшей, но рано умершей Ниной Искренко, Евгением Бунимовичем, Юрием Арабовым, Владимиром Друком, Виктором Коркией, Дмитрием Александровичем Приговым, Андреем Туркиным (его сегодня тоже нет в живых), Тимуром Кибировым и другими широко известными сегодня литераторами. Все вместе мы создали, в пике тогдашнему Союзу писателей, наделавший немало шороху в пере-

строечные годы клуб «Поэзия», который просуществовал до начала 90-х. Присущий мне общественный темперамент на этом не иссяк. Вот уже восемь лет я редактирую иронический журнал «Магазин», учрежденный Михаилом Жванецким. На этом посту сменил прежнего главного редактора Семена Лившина, проживающего ныне в г. Сан-Диего, штат Калифорния. Журнал этот имеет мало общего с традиционными юмористическими органами. Это по-настоящему литературное, как утверждают недоброжелатели, снобистское, стильно оформленное издание, напечататься в котором для многих — вопрос престижа. Для нас же с моим другом, главным художником журнала Андреем Бильжо, это предмет гордости, способ самовыражения и бесперебойный источник головной боли.

Последние три года каждую неделю я появляюсь на экране в популярной программе «Итого», куда пригласил меня другой мой друг, Витя Шендерович, придумав для меня мрачный образ «поэта-правдоруба». Некоторые из этих стихов, написанных по поводу конкретных политических событий, как мне кажется, имеют самостоятельное значение, поэтому я и включил их в предлагаемую вашему вниманию книгу.

Кроме того, в нее вошли также фотографии из моего семейного альбома. Хотя, честно говоря, как такового альбома у меня нет. Его составлением я, видимо, займусь, когда окончательно отойду от дел. А пока все фотки бессистемно рассованы по пакетам и лежат в самом нижнем ящике моего письменного стола.

Кто-то из людей, изображенных на них, знаком читателю больше, кто-то — меньше, кто-то не знаком вообще. Впрочем, это не важно. Важно то, что все они в той или иной степени оставили след в моей жизни, которая, что уж там лицемерить, удалась.

Игорь ИРТЕНЬЕВ

**“Какое время
было, блин!..”**





1979



1985





Вертикальный срез

Посвящается А.С.

Я лежу на животе
С папиросою во рте,
Подо мной стоит кровать,
Чтоб я мог на ней лежать.

Под кроватию паркет,
В нем одной дощечки нет,
И я вижу сквозь паркет,
Как внизу лежит сосед.

Он лежит на животе
С папиросою во рте,
И под ним стоит кровать,
Чтоб он мог на ней лежать.

Под кроватию паркет,
В нем другой дощечки нет,
И он видит сквозь паркет,
Как внизу другой сосед

На своем лежит боку
С телевизором в руке.
По нему идет футбол,
И сосед не смотрит в пол.

Но футбол не бесконечен —
Девяносто в нем минут,
Не считая перерыва
На пятнадцать на минут.

Вот уж больше не летает
Взад-вперед кудрявый мяч,
И служитель запирает
Расписные ворота.

И сосед, разжавши пальцы,
Уроняет на паркет
Совершенное изделие
Из фанеры и стекла.

И, следя усталым взглядом
Телевизора полет,
Он фиксирует внимание
На отверстиях в полу.

Но напрасно устремляет
Он в него пытливый взор,
Потому что в нашем доме
Этажей всего лишь три.

1979

Странный гость

А. Кучаеву

Как-то утром, за обедом,
 засиделся я с соседом,
Что живет со мною рядом,
 на другом конце страны.
Был сырой осенний вечер
 зимней скукою отмечен,
Но вплетались краски лета
 в синь зеленой белизны.
Не в преддверье ли весны?

Помню, темой разговора
 были тезы Кьеркегора
И влияние кагора
 на движение светил.
Нить беседы прихотливо
 извивалась, и на диво
Обстановка климатила,
 и сосед был очень мил —
Он практически не пил.

Словом, было все прекрасно,
 но, однако, не напрасно
Я от тяжести неясной
 все отделаться не мог.
Тишину моей гостиной
 вдруг нарушил очень длинный
И достаточно противный
 электрический звонок.
Кто ступил на мой порог?
Кто же этот гость нежданный,
 что с настойчивостью странной
В этот вечер, столь туманный,
 нарушает мой покой?

Это кто возник из ночи
и на кнопку давит очень?
Неужели на мерзавца
нет управы никакой?
А милиция на кой?!

Звон меж тем раздался снова.
— Что за наглость, право слово?! —
И нахмутив бровь сурово,
повернул я ключ в замке.
Предо мною на пороге,
неулыбчивый и строгий,
Вырос странник одинокий
в старомодном сюртуке
С черной птицей на руке.

Позабывшие страницы
мне напомнил облик птицы,
Утлой памяти границы
вдруг раздвинулись на миг.
Вспомнил я: все это было —
«...мрак, декабрь, ненастье выло...»
И как будто из могилы
доносился хриплый крик,
Вызывавший нервный тик.

Уловив мое смятение,
он шагнул вперед из тени:
— Извините, вы Иртеньев?
У меня к вам разговор.
Мой кисет, увы, непрочен,
а табак дождем подмочен,
Что вы курите, короче?
Я ответил: — «Беломор».
— Боже мой, какой позор, —

Прошептал он с возмущением
И, обдав меня презрением,
Устремился по ступеням
темной лестницы во двор.
Хлопнув дверью что есть мочи,
из подъезда вышел прочь он
И исчез. Но с этой ночи
не курю я «Веломор».
Никогда. О, nevermore!

1979

Похвала движению

О. Чугай

По небу летят дирижабли,
По рельсам бегут поезда,
По синему морю корабли
Плывут неизвестно куда.

Движенье в природе играет
Большое значение, друзья,
Поскольку оно составляет
Основу всего бытия.

А если в процессе движенья
Пройдешь ты, товарищ, по мне,
То это свое положенье
Приму я достойно вполне.

И, чувствуя вдавленной грудью
Тепло твоего каблука,
Я крикну: «Да здравствуют люди,
Да будет их поступь легка!»

1979

Съедобное

Маша ела кашу,
Мама ела Машу,
Папа маму ел.
Ела бабка репку,
Лопал бабку дедка,
Аж живот болел.
Славно жить на свете.
Громче песню, дети!
Шире, дети, круг!
Ни к чему нам каша
На планете нашей,
Если рядом — друг.

1980

* * *

Сияло солнце над Москвою,
Была погода хороша,
И наслаждалась покоем
Моя уставшая душа.
Внезапно сделалось темно,
Затрепетали занавески,
В полуоткрытое окно
Ворвался ветра выдох резкий.
На небе молния зажглась
И долго там себе горела...
В вечернем воздухе,
Кружась,
По небу кошка пролетела.
Она летела
Словно птица
В сиянье грозových огней
Над изумленной столицей
Великой Родины моей.
По ней стреляли из зениток
Подразделения ПВО,
Но на лице ея угрюмом
Не отразилось ничего.
И, пролетая над Арбатом,
К себе вниманием горда,
Она их обложила матом
И растворилась
Без следа.

1980

Страшная картина

Какая страшная картина,
Какой порыв, какой накал!
По улице бежит мужчина,
В груди его торчит кинжал.

— Пстой, пстой, мужчина резвый,
Умерь стремительный свой бег! —
Вослед ему кричит нетрезвый
В измятой шляпе человек. —

Не для того тебя рожала
На божий свет родная мать,
Чтоб бегать по Москве с кинжалом
И людям отдых отравлять!

1980



* * *

Блестят штыки, снаряды рвутся,
Аэропланов слышен гуд,
Куда-то белые несутся,
За ними красные бегут.

Повсюду реки крови льются,
Сверкают сабли там и тут,
Куда-то красные несутся,
За ними белые бегут.

А в небе жаворонок вьется,
В реке играет тучный язь,
И пьяный в луже у колодца
Лежит, уткнувшись мордой в грязь.

1981

* * *

Конечно, это горько, но
Бессмертье мне не суждено —
Оно великим лишь награда.
Нет, не воздвигнут мавзолеей
Во славу памяти моей,
Да мне, признаться, и не надо.

И двое строгих часовых,
От холода едва живых,
Но неподвижных, словно камень,
Не будут около меня,
Судьбу курсантскую кляня,
Стоять с примкнутыми штыками.

Мне предстоит иной покой,
Я знаю, кажется, какой —
Простая гипсовая урна
Да ниша в каменной стене,
Пусть непрестижно будет мне,
Но в остальном вполне недурно.

1981

Дорожное

Вы стояли на перроне,
Мимо поезд проносился
«Темиртау — Воркута».
Вы кричали что-то громко,
Я пытался вас услышать,
Но мешал колесный стук.

Вот перрон пропал из виду,
Ваша стройная фигура
Тоже скрылась из глаз.
Я лежал на верхней полке,
Напряженно размышляя
Над значением ваших слов.

За окном столбы мелькали,
Водокачек вереницы
Уносились в никуда.
Так, под стук колес вагонных,
В тишине бессонной ночи
Эти строки родились.

1982

Вступающему в жизнь

Пока остры твои глаза
И волосы густы,
Пока ты гибок как лоза
И мышцы налиты,

Пока пылает жар в груди,
Пока рука тверда,
Пока сияет впереди
Счастливая звезда,

Пока горит твоя заря
И горизонт открыт,
Не трать, товарищ, время зря
Устраивай свой быт!

1982

Песнь

Словно коршун в синем небе
Кружит серый самолет.
А во ржи, срывая стебель,
Дева юная поет.
Песнь ее летит с мольбой
В неба кумпол голубой,
И слова ее просты,
Как репейника цветы:
«Летчик, летчик, ты могуч,
Ты летаешь выше туч,
Ты в воздушный океан
Устремляешь свой биплан.
Гордо реешь в облаках ты,
Распыляя химикаты.
Ты возьми меня с собой
В неба кумпол голубой.
Там в ужасной вышине
Ты поженишься на мне.
Обязательно должна
Быть у летчика жена!»
Но не слышит авиатор
Девы пламенный напев.
От вредителей проклятых
Опыляет он посев,
Чтоб не смел коварный враг
Портить наш могучий злак.

1982

Случай на воде

Мощным взмахом поднимает...

Из песни

Степан Тимофеевич Разин,
Известный донской атаман,
Немало творил безобразий,
Особенно будучи пьян.

Однажды с крутой похмельюги
С ватагой он плыл по реке
На белом ушкуйничьем струте
С персидской княжною в руке.

Страшась атаманского гнева,
От ужаса бледная вся,
Дрожала несчастная дева,
Монистами робко тряся.

Плескалась медовая брага
Во фряжских черненых ковшах,
Лежала вповалку ватага,
Густым перегаром дыша.

Макая усы в ерофеич,
Хлеща за стаканом стакан,
Все слабже Степан Тимофеич
Удерживал девичий стан.

И после шестого стакана —
Пожалуй, что лишним был он —
Орлиные очи Степана
Смежил исторический сон.

Почувяв нехватку контроля,
Разжалась злодейка рука.
Печальна невольницы доля,
Не быть ей женой казака.

Напрасно хрипела бедняга
В надежде вниманье привлечь.
С оттягом храпела ватага
В ответ на шиитскую речь.

Агония длилась недолго,
Не больше минуты одной,
И воды холодные Волги
Сомкнулись над бывшей княжной.

1982

Мечта о крыльях

Если б кто на спину мне бы
Присобачил два крыла,
Я б летал себе по небу
Наподобие орла.

Я бы реял над планетой,
Гордый пасынок стихий,
Не читал бы я газеты,
Не писал бы я стихи.

Уклоняясь от работы
И полезного труда,
Совершал бы я налеты
На колхозные стада.

Я б сырым питался мясом,
Я бы кровь живую пил,
Ощущая с каждым часом
Прибавленье свежих сил.

А напившись и наевшись,
Я б ложился на матрас
И смотрел бы не мигая
Передачу «Сельский час».

1982

* * *

Любовь. На вид простое слово,
А говорили — тайна в нем.
Но я проник в ее основу
Своим мозолистым умом.

Напрягши всю мускулатуру,
Собрав запас душевных сил,
Свой мощный ум, подобно буру,
С размаху в тайну я вонзил.

Взревел как зверь могучий разум
И, накалившись докрасна,
Вошел в нее, заразу, разом,
Лишь только ойкнула она.

И что же разуму открылось,
Когда он пообвыкся там?
А ничего. Сплошная сырость.
Да паутина по углам.

1982

* * *

Меня зовут Иван Иванович.
Мне девяносто восемь лет.
Я не снимаю брюки на ночь
И не гашу в уборной свет.

Я по натуре мирный житель,
Но если грянет вдруг война,
Надену я защитный китель,
К груди пришпилю ордена.

И в нижнем ящике буфета,
Где у меня военный склад,
Возьму крылатую ракету.
Ужо, проклятый супостат!

Ее от пыли отряхну,
Стабилизатор подогну,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую —
И горе нашему врагу!

1982

Автобус

По улице идет автобус,
В нем едет много человек.
У каждого свои заботы,
Судьба у каждого своя.

Вот инженер тире строитель.
Он строит для людей дома,
И в каждый дом, что им построен,
Души частицу он вложил.

А рядом с ним в большой зюйдвестке
Отважный едет китобой.
Он кашалотов беспощадно
Разит чутунным гарпуном.

А рядом с ним стоит рабочий.
Его глаза огнем горят.
Он выполнил четыре нормы,
А захотел бы — смог и шесть.

А рядом женщина рожает,
Еще мгновенье — и родит!
И тут же ей уступят место
Для пассажиров, что с детьми.

А рядом — футболист известный
С богиней Никою в руках.
Под иберийским жарким небом
Ее он в честном взял бою.

А рядом — продавщица пива
С косою русою до пят.
Она всех пивом напоила,
И вот теперь ей хорошо.

А рядом в маске Дед Мороза
Коварный едет контролер.
Ее надел он специально,
Чтоб всеми узванным не быть.

Но этой хитрою уловкой
Он не добьется ничего,
Поскольку есть у всех билеты,
Не исключая никого.

1983

Гриппозное

Я болен.
Скрутил меня вирусный грипп,
Умолкли веселые песни,
Из легких моих вырывается хрип —
Исхода летального вестник.

Жены моей нет.
На работе она,
А может, сидит в ресторане
На чьих-то коленях
С фужером вина,
Морального краха на грани.

И в воздухе машет
Нагою ногой*,
И тушит окурок в салате,
И стан ее нежный
Ласкает другой.
Покамест лежу на кровати.

Таков этой жизни суровый закон —
В то время как муж умирает,
Жена его честь
Уже ставит на кон
И ею бесстыдно играет.

Все бабы на свете
Друг другу под стать —
Им только мужьям
Изменять бы.

* Вариант: ногою нагой.

Я их повидал —
Это ж страшно сказать!
Но все это было
До свадьбы.

1983



Городским поэтам

Люблю я городских поэтов,
Ну что поделаешь со мной.
Пусть дикой удали в них нету,
Пусть нет раздольности степной,
Пусть нету стати в них былинной,
Пусть попан дедовский завет,
Пусть пересохла пуповина,
Пусть нет корней,
Пусть стержня нет.
Зато они
В разгаре пьянки
Не рвут трехрядку на куски
И в нос не тычут вам
Портянки
Как символ веры и тоски.

1983

Про искусство

Искусство — достоянье масс
И достижение природы.
Оно сияет, как алмаз,
Когда его почистишь содой.
Оно не терпит суеты
И в то же время —
Волокиты.
Его прекрасные черты
Для всех желающих открыты.
Оно вести способно в бой
И может вывести
Из строя.
Оно растет само собой,
Как бюст
На родине героя.
«Ars longa, vita brevis est» —
Сияет надпись горделиво.
Кто не работает — не ест.
И это очень справедливо!

1983

Часовой

Стоит на страже часовой,
Он склад с тушенкой охраняет.
О чем он в этот час мечтает
Своей могучей головой?

Картины мирного труда
Пред ним проходят чередою:
Вот он несет ведро с водою,
Чтоб ею напоить стада.

Вот он кладет умело печь,
Кирпич в руках его играет,
А сердце сладко замирает:
Он в ней олады будет печь.

Вот он, мечи с большим трудом
Перековавши на орала,
Надел свой бороздит удало,
Инстинктом пахаря ведем.

Мечта солдата вдаль зовет,
Несет его к родным пенатам...
О, если был бы он пернатым,
Тотчас пустился бы в полет.

Но, как известно, неспроста
Стоит солдат на страже мира,
И не оставит он поста
Без приказанья командира.

1983

Что зачем

Для чего дано мне тело?
Для того оно дано,
Чтоб в нем жизнь ключом кипела
И бурлила заодно.
Чтобы, сняв с него фуфайку,
Как диктует естество,
Милой деве без утайки
Демонстрировать его.

Для чего даны мне руки?
Чтобы ими пищу есть,
Чистить зубы, гладить брюки,
Отдавать военным честь,
Заниматься разным спортом
И физическим трудом,
Окружать себя комфортом
И достатком полнить дом.

Для чего даны мне ноги?
Есть ли прок какой от ног?
Есть. И очень даже многих.
Их не зря придумал Бог.
Семимильными шагами,
Распевая на ходу,
День за днем
Вперед
Ногами
Вдоль по жизни я иду.

1983

Танго в стиле кич

В лазурь залива солнце село,
Стояли вы, глаза закрыв,
Я вашу руку взял несмело,
Сдержать не в силах свой порыв.

Пьянящий аромат азалий
Все тайной наполнял вокруг.
Вы с дрожью в голосе сказали:
— Я умоляю вас, без рук.

Волна ласкала, набегая,
Покров прибрежного песка,
И я ответил: — Дорогая,
То лишь рукав от пиджака.

Вы мне в лицо захохотали,
Сверкая золотом зубов:
— А я-то думала вначале,
Что вы способны на любов.

Вам не хватает безрассудства,
Вас не манит страстей игра.
Нет, я не верю в ваше чувство,
К тому же мне домой пора.

Блестело море под луною,
Молчал о чем-то кипарис.
Я повернулся к вам спиною,
И мы навеки разошлись.

1983

* * *

Чтобы написать стихотворение,
Кроме авторучки и листа,
Требуется также вдохновение,
Без него не выйдет ни черта.

Вдохновенье — штука ненадежная,
Есть оно — валяй себе строчи,
Не пришло, что вещь вполне возможная, —
И хана, хоть лбом о стол стучи.

Чтобы было все по справедливости,
Чтобы мог поэтом каждый стать,
Мы должны не ждать от музы милости,
А за горло побыстрей хватать.

Стихотворство — дело всенародное,
Каждому второму по плечу.
Не пора ли сеть водопроводную
Подвести к кастальскому ключу?

1983

* * *

О чем мечтаешь ты, товарищ,
Когда в рассветный тихий час
Себе яйцо на кухне варишь,
Включив для этой цели газ?

В каких ты эмпиреях реешь,
Когда, на завтрак съев яйцо,
Электробритвой «Харьков» бреешь
Еще не старое лицо?

Какие жгучие проблемы
Терзают твой пытливый мозг
В тот миг, когда посредством крема
На обувь ты наводишь лоск?

Какой пленительной надеждой
Ты тешишь мысленный свой взор,
Когда, окутав плоть одеждой,
Упругим шагом меришь двор?

Мой друг, мой брат, мой современник.
Что мне сказать тебе в ответ?
Конечно, плохо жить без денег.
А где их взять, когда их нет.

1983

Землекоп

Вот землекоп траншею роет,
Вгрызаясь в грунт
За пядью пядь.
То пыль со лба стряхнет порою,
То потную откинет пядь.

Русоволосый, конопатый,
Предрасположенный к вину,
Сжимая верную лопату,
Кряхтя, уходит в глубину.

Вот он в земле почти по шею,
Вот он совсем пропал из глаз.
Растет и ширится траншея,
Такая нужная для нас.

А завтра утром
В час рассветный
Сюда он явится опять
И будет столь же беззаветно
Ее обратно засыпать.

О Русь, загадочная Русь,
Никак в тебе не разберусь.

1983

* * *

На стуле женщина сидела
С улыбкой легкой на устах
И вдаль задумчиво глядела,
Витая мыслью в небесах.

Поток мерцающего света
Струил ее нездешний взор,
Она курила сигарету,
Роняя пепел на ковер.

И молвил я, от дыма морщась:
— Прошу прощения, но вы
Отнюдь не чтите труд уборщиц
И этим крайне не правы.

Поняття ваши о культуре
Большой пробел в себе несут,
В местах общественных не курят
И пепел на пол не трясут.

Советской женщине негоже
Табачный дым в себя глотать,
Какой пример для молодежи
Вы этим может подать!

Дымилась в пальцах сигарета,
Молчал за стенкой телефон.
Я долго ждал ее ответа
И, не дождавшись, вышел вон.

1984

Подражание французскому

Один кюре, слуга усердный Бога,
Известный благочестием своим,
Решил купить французского бульдога.
Откладывая каждый день сантим,
К Страстной неделе накопил он сумму,
Которая позволила кюре
Приобрести породистую суку.
Он сколотил ей будку во дворе,
Купил ошейник из мягчайшей кожи
И красоты нездешней поводок.
О, если б знал он, милостивый Боже,
Какую шутку с ним сыграет рок!
Раз в воскресенье,
Отслуживши мессу,
Узрел кюре, придя к себе домой,
Что тварь, поддавшись наущенью беса,
Кусок стащила мяса.
— Боже мой! — вскричал святой отец
И в гневе диком,
Забыв когда-то данный им обет,
Весь задрожал и с почерневшим ликом
Сорвал висящий на стене мушкет,
И грянул выстрел по законам драмы.
А вечером, когда взошла звезда,
Он во дворе киркою вырыл яму
И опустил собачий труп туда.
Смахнув слезу и глянув исподлобья
На дело обагрённых кровью рук,
Соорудил он скромное надгробье
И незабудки посадил вокруг.
Затем кюре передохнул немного
И высек на надгробье долотом:
«Один кюре, слуга усердный Бога...»
И дальше все, что с ним стряслось потом.

1984

Невольное

Я Аллу люблю Пугачеву,
Когда, словно тополь стройна,
В неброском наряде парчовом
Выходит на сцену она.

Когда к микрофону подходит,
Когда его в руки берет
И песню такую заводит,
Которая вряд ли умрет.

От диких степей Забайкалья
До финских незыблемых скал
Найдете такого едва ли,
Кто песню бы эту не знал.

Поют ее в шахтах шахтеры
И летчики в небе поют,
Солдаты поют и матросы,
И маршалы тоже поют.

О чем эта песня, не знаю,
Но знаю — она хороша.
Она без конца и без края,
Как общая наша душа.

Пою я, и каждое слово
Мне сердце пронзает иглой.
Да здравствует А.Пугачева,
А все остальное — долой!

1984

* * *

Желаю восславить любовь я,
Хвалу вознести ей сполна,
Полезна она для здоровья,
Приятна для сердца она.

Любовь помогает в работе,
Любовь согревает в быту,
Мой дух отделяя от плоти,
Бросает она в высоту.

И дух мой по небу летает,
Как горный орел все равно,
То крылья свои распластает,
То ринется камнем на дно,

То тайны познает Вселенной,
То съест на лету червяка —
Отважный, как будто военный,
Привольный, как Волга-река.

Взирая с высот равнодушно
На трудности местных властей,
Парит он в пространстве воздушном,
Охвачен игрою страстей.

А не было б в мире любви,
Сидел бы забившись в углу,
Поскольку подобных условий
Никто не создал бы ему.

1984

Электрический ток

Электрический ток,
Электрический ток,
Погоди, не теки,
Потолкуем чуток.
Ты постой, не спеши,
Лошадей не гони.
Мы с тобой в этот вечер
В квартире одни.

Электрический ток,
Электрический ток,
Напряженьем похожий
На Ближний Восток,
С той поры, как увидел я
Братскую ГЭС,
Зародился к тебе
У меня
Интерес.

Электрический ток,
Электрический ток,
Говорят, ты порою
Бываешь жесток.
Может жизни лишит
Твой коварный укус.
Ну и пусть,
Все равно я тебя не боюсь!

Электрический ток,
Электрический ток,
Утверждают, что ты —
Электронов поток,

И болтает к тому же
Досужий народ,
Что тобой управляют
Катод и анод.

Я не знаю, что значит
«Анод» и «катод»,
У меня и без этого
Много забот.
Но пока ты течешь,
Электрический ток,
Не иссякнет в кастрюле
Моей кипяток.

1984

Клеветнику

Твоих стихов охульных звуки
До слуха чуткого дошли,
Была охота пачкать руки,
А то б наелся ты земли.

Но не покину пьедестала,
Хоть мести жар в груди горит,
С зоилом спорить не пристало
Любимцу ветреных харит.

Тебе отпущено не много,
Так задирай, лови момент,
Свою завистливую ногу
На мой гранитный постамент!

1984

Поэт и Муза

ПОЭТ (*мечась по комнате*).
Опять в душе пожар бушует
И пальцы тянутся к перу.
Ужель сегодня напишу я
Стихотворенье ввечеру?
Ужель наитие проснется,
Чтоб с уст немых
Сорвать печать?
Ужель, как прежде, содрогнется
В ответ центральная печать?

Появляется Муза. Подходит к Поэту,
кладет ему ладонь на лоб.

МУЗА.
Ах, полно, друг мой,
Успокойся,
Не расточай свой скромный дар.
Водой холодною умойся,
Плядишь, уляжется пожар.
Глаза горят,
Власы подъяты,
Несутся хрипы из груди...
Сними с себя шлафрок измятый
И срочно в ванную поди.
Там под струей упругой душа
Недуг твой снимет как рукой,
И вновь в израненную душу
Войдет целительный покой.

ПОЭТ (*отпрянув*).
Чур-чур! Изыди! Сгинь, виденье!
Растай! Исчезни без следа!
Наперекор тебе сей день я
Вкушу желанного плода.

Ты, словно камень, тяжким грузом
Висишь на шее у меня.
Нет, ты не Муза,
Ты — обуза.
Коня!
Подайте мне коня!

МУЗА (*в сторону, встревоженно*).
Совсем свихнулся бедный малый!
Последний разум в нем угас.
Еще мгновенье — и, пожалуй,
Сюда заявится Пегас.
Опять носиться до рассвета,
Пути не ведая во тьме...
Ах, эти чертовы поэты!
У них одно лишь на уме.
В моем ли возрасте почтенном,
Пустившись в бешеный галоп,
Скакать с безумцем дерзновенным
Всю ночь
Того лишь ради, чтоб
Пяток-другой четверостиший
Под утро из себя, кряхтя,
Он выжал?
(*Поворачиваясь к Поэту.*)
Эй, нельзя ль потише?
Ведь ты не малое дитя,
И потакать твоим причудам
Моей охоты больше нет.
Иди-ка спать,
Давай отсюда,
А я закрою кабинет.

ПОЭТ.
Молчи, проклятая старуха!
Твой рот беззуб,
Твой череп гол!

Коль моего коснулся слуха
Испепеляющий глагол,
Ничто сдержать меня не сможет!
Все поняла?
Тогда вперед!

МУЗА (в сторону).
Ну, что вы скажете?
О боже,
Из всех щелей безумство прет!
Я не хотела, право слово,
Его губить во цвете лет,
Но, видно, выхода иного
В подобном положении нет.
(Наполняет стоящий на столе бокал
вином, незаметно подсыпая в него яд.
Затем протягивает Поэту.)
Ну что ж, согласна.
И в дорогу
С тобой мы тронемся сейчас.
Плотни, мой друг, вина немного,
Пока не подоспел Пегас.

ПОЭТ (поднимая бокал).
Вот так давно бы!
Неужели
Нельзя нам было без помех
Отправиться к заветной цели?
За мой успех!
(Пьет.)

МУЗА (в сторону).
За наш успех!

Занавес

1984

Баллада о четырех Дедах Морозах

Вечером очень поздно,
Под самый под Новый год,
Четыре Деда Мороза
В дальний собрались поход.

Не тратя даром минуты,
Вместе вошли в метро
И там решили маршруты
Выбрать по розе ветров.

— С детства путем караванным
Мечтал пройти я Восток,
Мне снились далекие страны,
Пустынь горячий песок.

Багдада пестрые рынки,
Древний, как мир, Тибет.
Поеду-ка я в Кузьминки, —
Первый промолвил дед.

— Отправился бы с охотой
В Кузьминки я хоть сейчас,
Если б не знал, что кто-то
На Западе нужен из нас.

Так что чиста моя совесть,
У каждого жребий свой —
С такими словами в поезд
До Тушинской сел второй.

— А мы на Север поедem, —
Третий вздохнул тогда. —
К свирепым белым медведям,
В царство вечного льда.

Звезды холодные светят,
Полярная ночь тиха.
Право же стоит за этим
Махнуть на ВДНХ.

Четвертый сказал: — Отлично,
Достался мне, кажется, Юг.
Не знаю, кто как, но лично
Я подустал от вьюг.

Поеду в Беляево — это
Хотя и не Индостан,
Но все ж по соседству где-то
Находится Теплый Стан.

Вечером очень поздно
Взошли с четырех сторон
Четыре Деда Мороза,
Каждый на свой перрон.

В жизни каждому надо
Правильный выбрать путь.
Об этом моя баллада,
А не о чем-нибудь.

1984

Забытый вальс

Вы играли на рояле,
Тонкий профиль наклона,
Вы меня не замечали,
Будто не было меня.
Из роскошного «Стейнвея»
Дивных звуков неся рой,
Я стоял,
Благоговея
Перед вашей игрой.
И все то, что в жизни прежней
Испытать мне довелось,
В этой музыке нездешней,
Страшным образом сплелось.
Страсть,
Надежда,
Горечь,
Радость,
Жар любви
И лед утрат,
Отрезвонившая младость,
Наступающий закат.
Слезы брызнувшие пряча,
Я стоял лицом к стене,
И забытый вальс собачий
Рвал на части
Душу мне.

1984

Отец и сын

— Скажи мне, отец,
Что там в небе горит,
Ночной озаряя покров?
— Не бойся, мой сын,
Это метеорит —
Посланец далеких миров.

— Я слова такого не слышал, отец,
И мне незнакомо оно,
Но, чувствую, свету приходит конец
И, стало быть, нам заодно.

— Не бойся, мой милый,
Авось пронесет,
Не даст нас в обиду Господь,
Он наши заблудшие души спасет,
А если успеет — и плоть.

— А вдруг не успеет?
Отец, я дрожу,
Сковал меня гибельный страх.
— Уж больно ты нервный, как я погляжу,
Держи себя, сын мой, в руках.

— Отец, он все ближе,
Минут через пять
Наступит последний парад,
Не в силах я больше на месте стоять,
Настолько здоровый он, гад!

— Не бойся, мой сын,
Я когда-то читал,
Теперь уж не помню, когда,
Что это всего лишь железный металл,
Отлитый из вечного льда.

— С небесным железом, отец, не шути,
С обычным-то шутки плохи.
Похоже, что нету другого пути,
Давай-ка рванем в лопухи.

— В какие, мой сын?
— Да вон те, за бутром.
Отсюда шагах в двадцати.
Да что ж ты стоишь,
Разрази тебя гром!
Нам самое время идти.

— Скажу тебе, сын,
Как тунгусу тунгус,
Чем шкуру спасти в лопухах,
Я лучше сгорю, как последний Ян Гус,
И ветер развеет мой прах.

Найду себе гибель в неравном бою,
Прости, коли был я суров.
Дай, сын, на прощанье мне руку твою.
— Как знаешь, отец,
Будь здоров.

1985

Астроном

Н. Чугаю

На небе звезд довольно много,
Примерно тысяч двадцать пять,
В одном созвездье Козерога
Их без очков не сосчитать.

Трудна работа астронома —
Воткнув в розетку телескоп,
В отрыве от семьи и дома
Он зрит светил небесных скоп.

Приникнув к окуляру глазом,
Забыв про сон, за часом час
Терзает он свой бедный разум,
Постичь картину мира тщась.

Ну что ему земные беды,
Когда он видит Млечный Шлях,
Когда туманность Андромеды
Родней жилплощади в Филях.

Гордись, полночный соглядатай,
Своей нелегкою судьбой.
Пускай в разладе ты с зарплатой,
Зато в гармонии с собой.

1985

Прощание

Попрощаемся, что ли, родная,
Уезжаю в чужие края.
Эх, кровать ты моя раскладная,
Раскладная подруга моя!

Не стираются в памяти даты,
Знаменуя истории ход,
Я купил тебя в семьдесят пятом
У Петровских тесовых ворот.

Дело было двадцатого мая,
Запоздалой московской весной.
Чем ты мне приглянулась, не знаю,
Но вполне допускаю — ценой.

Пусть не вышла ты ростом и статью,
Нет причины о том горевать.
Ты была мне хорошей кроватью,
Это больше, чем просто кровать.

Я не брошу тебя на помойку
И не сдам в металлический лом.
Пусть покрытая славою койка
Под музейным хранится стеклом.

И пока не остыла планета,
Свой последний свершив оборот,
У музея-кровати поэта
Будет вечно толпиться народ.

1985

Палехская роспись

Озаряя ярким светом
Вековую темноту,
Едет по небу ракета
С человеком на борту.

Человек с научной целью
Из ракеты смотрит вниз,
Вот уж ровно две недели,
Как он в воздухе повис.

В рамках заданной программы
Дни и ночи напролет
Он в пролет оконной рамы
Наблюдение ведет

Из глубин межзвездной бездны.
Через толстое стекло
Ископаемых полезных
Он фиксирует число.

Независимый как птица,
Он парит на зависть всем
И на землю возвратиться
Не торопится совсем.

Но когда придет команда
Завершить ему полет,
Приземлится там, где надо,
И домой к себе пойдет.

1985

Электромонтерам

До чего же электромонтеры
В электрическом деле матеры!
Невозможно понять головой,
Как возможно без всякой страховки,
Чудеса проявляя сноровки,
Лезть отверткой в щит силовой.

С чувством страха они незнакомы,
Окрылены заветами Ома
Для неполной и полной цепей,
Сжав зубами зачищенный провод,
Забывают про жажду и голод.
Есть ли в мире работа святей?!

Нету в мире святее работы!
Во Всемирную Книгу Почета
Я б занес ее, будь моя власть.
Слава тем, кто в пределах оклада
Усмиряет стихию заряда,
Чтобы людям во тьме не пропасть!

Слава им, незаметным героям,
Энергичным в оценках порою,
Что поделаешь, служба не мед...
В некрасивых штанах из сатина
Электрический строгий мужчина
По огромной планете идет.

1985

Угасший костер

Романс

Костер пылающий угас,
Его судьба задула злая.
Я больше ненавижу вас,
Я знать вас больше не желаю.

Моей любви прервался стаж,
Она с обрыва полетела,
И позабыл я голос ваш,
Черты лица и форму тела.

И адрес ваш, и телефон,
И дату вашего рожденья
Я вычеркнул из сердца вон
С жестоким чувством наслажденья.

Любовь исчезла без следа,
Хотя имела в прошлом место.
Прощаясь с вами навсегда,
Хочу сказать открытым текстом:

— Пусть любит вас теперь другой,
А я покой ваш не нарушу.
С меня довольно. Ни ногой
К вам не ступлю отныне в душу.

1985

Поэт и Прозаик

А. Кабакову

Квартира Прозаика. Появляется Поэт, приглашенный по случаю дня рождения хозяина.

ПОЭТ (светясь).

Какие, друг мой, наши годы!
Нам генетические коды
Сулят на много лет вперед,
Что жизнь внутри нас не умрет.

ПРОЗАИК (брюзжливо).

Такие, друг мой, наши годы,
Что ломит кости от погоды;
И атмосферы перепад
Душевный нарушает лад.

ПОЭТ (с идиотским энтузиазмом).

Какие, друг мой, перепады,
Когда стихов моих громады
И прозаический твой дар
В сердцах людей рождают пар!

ПРОЗАИК (сварливо).

Такие, друг мой, перепады,
Что большей нет душе отрады,
Чем, ноги войлоком обув,
Их водрузить на мягкий пуф.

ПОЭТ (пламенея).

Какие, друг мой, наши ноги,
Когда бессмертье на пороге?!
Оно звонит в дверной звонок,
Держа под мышкою венки.

ПРОЗАИК (страдальчески морщась).

Такие, друг мой, наши ноги,
Что не поднять мне с пуфа ноги,

А что касается венка,
То шутка явно не тонка.

ПОЭТ (из последних сил).
Какие, друг мой, наши шутки!
Вставай, в прудах проснулись утки,
Заря за окнами горит,
И радость в воздухе парит.

ПРОЗАИК (прислушиваясь к себе).
Такие, друг мой, наши шутки,
Что мне седьмые кряду сутки
Пищеварительный мой тракт
Не может краткий дать антракт.

ПОЭТ (внезапно обмякнув).
Какие, друг мой, наши тракты!
Всего возвышенного враг ты.
До глубины душевных пор
Меня измучил этот спор.
(Падает.)

ПРОЗАИК (не меняя позы).
Такие, друг мой, наши тракты,
Что частые со мной контакты
Иных служителей искусств
Лишить способны ряда чувств.

ПОЭТ (помертвевшими губами, чуть слышно).
Какие?

ПРОЗАИК (с раздражением).
Такие.

Занавес

1985



Пастораль

Пляжу в окно. Какое буйство красок!
Пруд — синь,
Лес — зелен,
Небосклон — голуб.
Вот стадо гонит молодой подпасок,
Во рту его золотой сияет зуб.

В его руках «Спидола» именная —
Награда за любимый с детства труд.
Волшебным звукам
Трепетно внимая,
Ему вослед животные идут.

На берегу водоема плачет ива,
Плывет по небу облаков гряда,
Симптом демографического взрыва —
Белеет аист
В поисках гнезда.

Младые девы
Пестрым хороводом
Ласкают слух,
А также тешат глаз...
Все это в сумме
Дышит кислородом,
А выдыхает — углекислый газ.

1985

Пловец

Плывет пловец в пучине грозной моря,
Разбился в щепки ненадежный плот,
А он себе плывет, с волнами споря,
Плывет и спорит,
Спорит и плывет.

Над ним горят бесстрастные Плеяды,
Под ним ставрида ходит косяком,
А он, считай, шестые сутки кряду
Живет в открытом море босиком.

В морской воде процент высокий соли,
К тому ж она довольно холодна.
Откуда в нем такая сила воли,
Что он никак достичь не может дна?

Быть может, воспитание причиной?
А может быть, с рожденья он такой?
Факт тот, что с разъяренною пучиной
Он борется уверенной рукой.

Он будет плыть,
Покуда сердце бьется,
Он будет плыть,
Покуда дышит он,
Он будет плыть,
Покуда не спасется
Либо не будет кем-либо спасен.

1986



1991



* * *

Куда ушли товарищи мои,
Что сердцу были дороги и милы?
Одни из них заплыли за буи,
А сил назад вернуться не хватило.

Другие в неположенных местах
Копали от рассвета до заката.
Они сложили головы в кустах,
Не вняв предупреждению плаката.

А третьих бес попутал, говорят.
Кого из нас не искал лукавый?
Забыв про все, рванули в левый ряд,
Хоть был еще вполне свободен правый.

Четвертые — народец удалой,
Те никого на свете не боялись,
Стояли — руки в боки — под стрелой
И, по всему похоже, достоялись.

Ушли друзья в неведомую даль,
Наделав напоследок шуму много.
Но не скажу, что мне их очень жаль,
Ушли, и ладно —
Скатертью дорога.
Я на своем остался берегу,
Решать свои
Конкретные
Задачи.
Я здесь стою
И не могу иначе,
Но за других
Ручаться не могу.

1986

* * *

Когда сгорю я без остатка
В огне общественной нужды,
Идущий следом вспомнит кратко
Мои невнятные труды.

И в этот миг сверкнет багрово
Во тьме крошечной и густой
Мое мучительное слово
Своей суровой наготой.

Причинно-следственные связи
Над миром потеряют власть,
И встанут мертвые из грязи,
И упадут живые в грязь.

И торгаши войдут во храмы,
Чтоб приумножить свой барыш.
И воды потекут во краны,
И Пинском явится Париж.

И сдаст противнику без боя
Объект секретный часовой,
И гайка с левою резьбою
Пойдет по стрелке часовой.

И север делается югом,
И будет западом восток,
Квадрат предстанет взору кругом,
В лед обратится кипяток.

И гильза ляжет вновь в обойму,
И ярче света станет тень,
И Пиночет за Тейтельбойма
Опустит в урну бюллетень.

И дух мой, гордый и бесплотный,
Над миром, обращенным вспять,
Начнет туда-сюда витать,
Как перехватчик беспилотный.

1986

Джентльмен и обмен

Басня

А. Кабакову

Один какой-то джентльмен
Затеял раз произвести обмен.
Он был, заметим, страшным снобом,
В родном благоустроенном дому
Ничто не нравилось ему,
Как это свойственно любым высоколобым,
Что мыло русское едят,
А сами в сторону глядят.
Так вот,
Моральный этот, стало быть, урод,
А может быть, наоборот,
Урод, быть стало, аморальный этот,
Чтоб цели той достичь
Порочный выбрал метод,
Не наш, отметим, кстати говоря.
Примерно в середине октября,
Идя по улице, столкнулся со столбом,
Представьте, лбом.
И, вследствие такого столкновенья,
Он на столбе заметил объявление.
Его такая же писала джентльменка,
По ней, понятно, тоже плачет стенка.
Короче, текст такой на этом был листке:
«Квартиру от Кольца не遠деке,
Две комнаты, метро почти что рядом,
Поблизости к тому же с зоосадам,
Что даст возможность вникнуть в быт фазанов,
Плюс в двух шагах живет Эльдар Рязанов,
На площадь большую желаю поменять, раз в пять,
И за мечту за эту голубую
Согласна сумму отвалить любую».
И наш герой,
Вместо того

Чтоб путь продолжить свой
И делом наконец каким-нибудь заняться,
Решил, представьте, обменяться.
Содрав с обменщицы весьма солидный куш,
Сей муж,
Нечистый на руку к тому ж,
Живет теперь в двухкомнатной квартире.
Мораль: доколе можно прибегать к сатире,
Когда давно пора топить таких в сортире.

1986



Цветы и чувства

Когда я нюхаю цветы,
Живой рассадник аромата,
Мне вспоминается, как ты
Со мной их нюхала когда-то.

Мы подносили их к лицу
И, наслаждаясь благоуханьем,
Сдували с пестиков пыльцу
Совместным трепетным дыханьем.

Ты обрывала лепестки,
Народным следуя приметам,
Любовь до гробовой доски
Тебе мерещилась при этом.

Но я-то знал, что жизнь — обман
И должен поздно или рано
Любви рассеяться туман,
Как это свойственно туману.

И я решил начистоту
Поговорить тогда с тобою,
Поставить жирную черту
Под нашей общею судьбою.

Наш откровенный разговор
Вошел в критическую фазу,
И в результате с этих пор
Тебя не видел я ни разу.

Но вдаль несут меня мечты,
Когда в саду в часы заката
Один я нюхаю цветы,
Что вместе нюхали когда-то.

Летающий орел

Летит по воздуху орел,
Расправив дерзостные крылья.
Его никто не изобрел,
Он — плод свободного усилья.
В пути не ведая преград,
Летит вперед,
На солнце глядя.
Он солнца — брат
И ветра — брат,
А самых честных правил — дядя.
Какая сила в нем и стать,
Как от него простором веет!
Пусть кто-то учится летать,
А он давно уже умеет.
Подобно вольному стиху —
Могуч и малопредсказуем, —
Летит он гордо наверху,
А мир любитесь внизу им.
Но что ему презренный мир,
Его надежды и страданья...
Он одинокий пассажир
На верхней полке мирозданья.

1986

Про Петра

*Опыт синтетической
биографии*

Люблю Чайковского Петра!
Он был заядлый композитор,
Великий звуков инквизитор,
Певец народного добра.

Он пол-России прошагал,
Был бурлаком и окулистом,
Дружил с Плехановым и Листом,
Ему позировал Шагал.

Он всей душой любил народ,
Презрев чины, ранжиры, ранги,
Он в сакли, чумы и яранги
Входил — простой, как кислород.

Входил, садился за рояль
И, нажимая на педали,
В такие уносился дали,
Какие нам постичь едва ль.

Но, точно зная, что почем,
Он не считал себя поэтом
И потому писал дуплетом
С Модестом, также Ильичем.

Когда ж пришла его пора,
Что в жизни происходит часто,
Осенним вечером ненастным
Не досчитались мы Петра.

Похоронили над Днепром
Его под звуки канонады,
И пионерские отряды
Давали клятву над Петром.

Прощай, Чайковский, наш отец!
Тебя вовек мы не забудем.
Спокойно спи
На радость людям,
Нелегкой музыки творец.

1986

Камелия

Женщина в прозрачном платье белом,
В туфлях на высоком каблуке,
Ты зачем своим торгуешь телом
От большого дела вдалеке?

Ты стоишь, как кукла разодета,
На ногтях сверкает яркий лак,
Может, кто тебя обидел где-то?
Может, кто сказал чего не так?

Почему пошла ты в проститутки?
Ведь могла геологом ты стать,
Или быть водителем маршрутки,
Или в небе соколом летать.

В этой жизни есть профессий много,
Выбирай любую, не ленись.
Ты пошла неверною дорогой,
Погоди, подумай, оглянись!

Видишь — в поле трактор что-то пашет.
Видишь — из завода пар идет.
День за днем страна живет все краше,
Неустанно двигаясь вперед.

На щеках твоих горит румянец,
Но не от хорошей жизни он.
Вот к тебе подходит иностранец,
Кто их знает, может, и шпион.

Он тебя как личность не оценит,
Что ему души твоей полет.
Ты ему отдашься из-за денег,
А любовь тебя не позовет.

Нет, любовь продажной не бывает!
О деньгах не думают, любя,
Если кто об этом забывает,
Пусть потом пеняет на себя.

Женщина в прозрачном платье белом,
В туфлях на высоком каблуке,
Не торгуй своим ты больше телом
От большого дела вдалеке!

1986

* * *

Бывают в этой жизни миги,
Когда накатит благодать,
И тут берутся в руки книги
И начинаются читать.

Вонзив пытливые зеницы
В печатных знаков черный рой,
Сперва одну прочтешь страницу,
Потом приступишь ко второй,

А там, глядишь, уже и третья
Тебя поманит вдаль сама...
Ах, кто придумал книги эти —
Обитель тайную ума!

Я в жизни их прочел с десятков,
Похвастать большим не могу,
Но каждой третьей отпечаток
В моем бесчинствует мозгу.

Вот почему в часы досуга,
Устав от мирного труда,
Я книгу — толстую подругу —
Порой читаю иногда.

1986

Моя Москва

Я, Москва, в тебе родился,
Я, Москва, в тебе живу,
Я, Москва, в тебе женился,
Я, Москва, тебя люблю!

Ты огромная, большая,
Ты красива и сильна,
Ты могучая такая,
В моем сердце ты одна.

Много разных стран я видел,
В телевизор наблюдал,
Но такой, как ты, не видел,
Потому что не видал.

Где бы ни был я повсюду,
Но нигде и никогда
Я тебя не позабуду,
Так и знайте, господа!

1986

Случай в больнице

Художественная быль

Острым скальпелем хирург
Разрезал больного,
И узнал в несчастном вдруг
Он отца родного.

Бросил тот свое дитя
В жизни час суровый,
И вот много лет спустя
Свел их случай снова.

Инструмент в руках дрожит,
Сын глядит не видя,
Перед ним отец лежит
В искаженном виде.

Распростерся недвижим,
К жизни вкус утратя,
И не знает, что над ним
Человек в халате.

И не ведает того,
Что внутри халата
Сын находится его,
Брошенный когда-то.

Много лет искал отца
Он, чтоб расплатиться,
И нашел в конце конца
В собственной больнице.

Вот сейчас злодей умрет
От меча науки!
Но хирург себя берет
В золотые руки.

Ощущает сил прилив,
Все отцу прощает
И, аппендикс удалив,
К жизни возвращает.

Со стола отец встает,
Взор смущенный прячет,
Сыну руку подает
И от счастья плачет.

Мы не скажем, случай тот
Был в какой больнице.
Ведь подобный эпизод
В каждой мог случиться.

1987

Меланхолический пейзаж

Девушка склонилась
В поле над ручьем.
Ну скажи на милость —
Я-то здесь при чем?

Хочется девушке
В поле у ручья
Жидкости напиться —
А при чем здесь я?

Солнышко садится,
Вечер настает.
Что мне до девушки,
До ее забот?

На вопросы эти
Не найти ответ.
Сложно жить на свете
В тридцать девять лет.

1987

* * *

Ероплан летит германский —
Сто пудов сплошной брони,
От напасти басурманской,
Матерь Божья, сохрани!

Кружит, кружит нечестивый
Над Престольной в небеси,
Отродясь такого дива
Не видали на Руси.

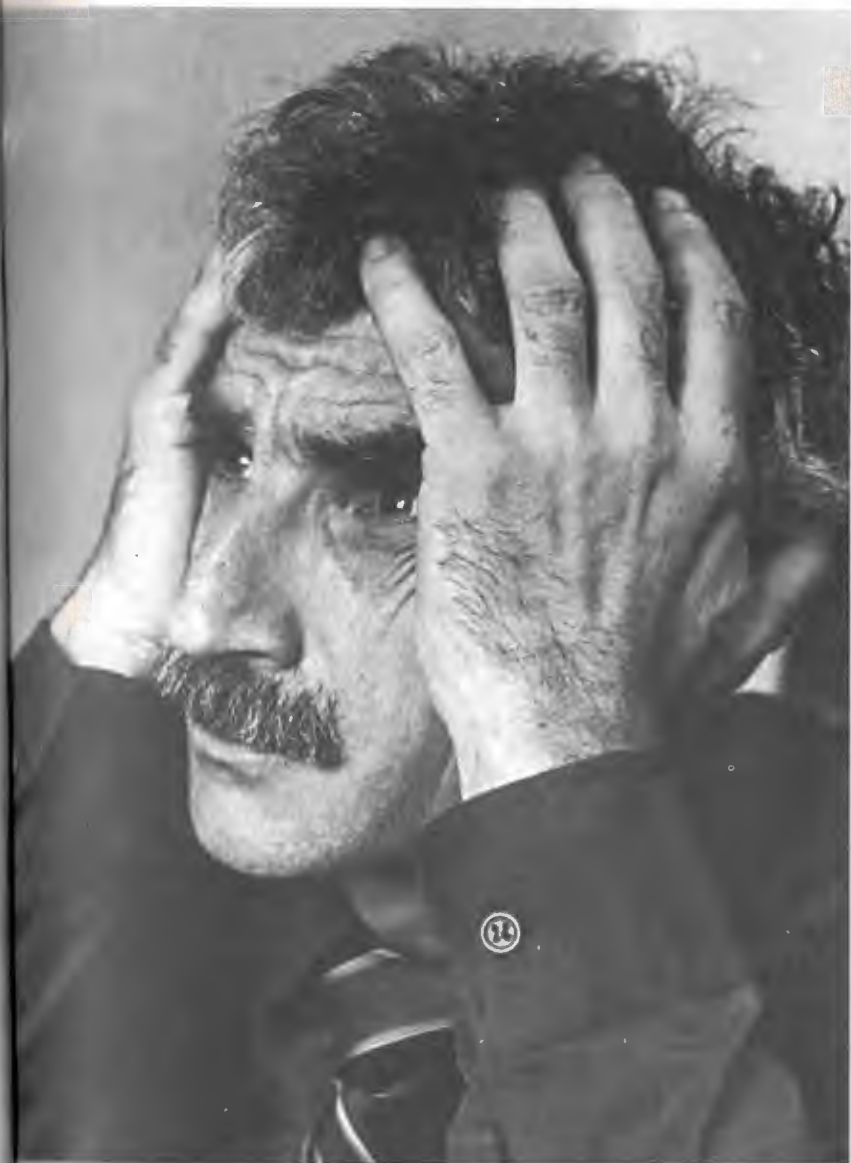
Не боится сила злая
Никого и ничего,
Где ж ты, Троица Святая,
Где родное ПВО?!

Где же ты, святой Егорий?!
Или длинное твое,
Православию на горе,
Затупилося копьё?!

Кружит адово страшило,
Ищет, где б ловчее сесть...
Клим Ефремыч Ворошилов,
Заступись за нашу честь!

Острой шашкою своею
Порази врага Руси,
Чтоб не смог у Мавзолея
Супостат раскрыть шасси.

А и ты, Семен Буденный,
Поперек твою и вдоль!
Иль не бит был Первой Конной
Федеральный канцлер Коль?!



«Какое время было, блин!..»



Детство Иртенъева





**Бабушка
Вера Константиновна**



Дед Павел Львович



**Бабушка
Белла Самойловна**



**Родители — Моисей Давыдович и Ирина Павловна
(Довоенная фотография)**



С отцом



**В начальной
школе**

**В девятом классе.
Игорь — первый слева**



На первом курсе





С Лорой Злобиной



Слева — Женя Власенко,
справа — Лора и ее брат Коля





Улан-Удэ. 1973 год.



**Командировка
в далекий кишлак**



На съемках в Литве



С Соней Иртеньевой и мамой



**С Виталием Витальевым
и Борей Гуреевым.
Где-то на юге**

С Соней и маленькой Яной



С Ниной Искренко



**С Колей Дмитриевым,
Юликом Гуголевым
и Андрюшей Туркиным**





С Леонидом Жуховицким



**С первой школьной любовью Таней Романовой
(случайная встреча в Сан-Франциско)**



Справа — Ефим Григорьевич Эткинд,
г. Юджин, штат Орегон





С Андреем Кучаевым



С Инной Шульженко и Ниной Искренко



С Левой Новоженовым и Вероникой Долиной в Праге

Невский-князь, во время оно
У Европы на виду
Иль не ты крошил тевтона
На чудском неслабом льду?!

Но безмолвствуют герои,
Крепок их могильный сон...
Над притихшею Москвою
Тень простер Армагеддон.

1987

* * *

Подайте, граждане, поэту!
Ему на гордость наплевать.
Гоните, граждане, монету,
Поэтам нужно подавать.

Остановись на миг, прохожий,
И очи долу опусти —
Перед тобой посланник Божий,
Поиздержавшийся в пути.

Отброшен силой центробежной
За социальную черту,
Сидит он в позе безмятежной
На трудовом своем посту.

Под ним струя,
Но не лазури,
Над ним амбре —
Ну нету сил.
Он, все отдав литературе,
Сполна плодов ее вкусил.

Гони, мужик, пятиалтынный
И без нужды не раздражай.
Свободы сеятель пустынный
Сбирает скудный урожай.

1987

Встреча

День весенний был погож и светел,
Шел себе я тихо, не спеша,
Вдруг американца я заметил,
Гражданина, значит, США.

Он стоял, слегка расставив ноги,
Плядя на меня почти в упор.
Как тут быть?
Уйти ли прочь с дороги?
Лечь пластом?
Нырнуть в ближайший двор?

Сотворить ли крестное знамение?
Словом, ситуация не мед.
Кто бывал в подобном положении,
Тот меня, я думаю, поймет.

Вихрем пронеслись перед глазами,
Так, что не успел я и моргнуть,
Детство,
Школа,
Выпускной экзамен,
Трудовой,
А также ратный путь.

Вот уже совсем он недалече —
Обитатель чуждых нам широт.
И тогда, расправив гордо плечи,
На него пошел я —
Как на дзот.

Сжал в руке газету, как гранату,
Шаг, другой — и выдерну кольцо,

Было мне что НАТО,
Что СЕАТО —
Абсолютно на одно лицо.

Побледнев от праведного гнева,
Размахнулся я, но в этот миг
Вдруг возникла в памяти Женева
И Рейкьявик вслед за ней возник.

Ощувив внезапное прозрение
И рассудком ярость победив,
Подавил я старого мышленья
Этот несомненный рецидив.

И пошел, вдыхая полной грудью
Запахи ликующей весны...
Если б все так поступали люди,
Никогда бы не было войны.

1987

Прощание матроса с женой

Уходит в плавание матрос,
На берегу жена рыдает.
Его удача ожидает,
Ее судьба — сплошной вопрос.

На нем широкие штаны.
Он в них прошел огонь и воду,
Но моде не принес в угоду
Их непреклонной ширины.

На ней забот домашних груз,
Ночей бессонных отпечаток,
Да пара вытертых перчаток,
Да полкило грошовых бус.

Мгновений бег неумолим.
В преддверье горестной разлуки
Она заламывает руки,
Расстаться не желая с ним.

Со лба откинув прядь волос,
В глаза его глядит с мольбою.
Перекрывая шум прибоя,
Целует женщину матрос.

И, утерев бушлатом рот,
Он говорит, прощаясь с нею,
Что море вдаль его зовет,
Причем чем дальше, тем сильнее.

Матрос уходит в океан.
Его шаги звучат все глуше,
А женщина стоит на суше,
Как недописанный роман.

Мне эту сцену не забыть,
Она всегда передо мною.
Я не хочу матросом быть
И не могу — его женою.

1987

* * *

Ах, отчего на сердце так тоскливо?
Ах, отчего сжимает грудь хандра?
Душа упорно жаждет позитива,
Взамен «увы» ей хочется «ура!».

Повсюду смута и умов брожение,
Зачем, зачем явился я на свет —
Интеллигент в четвертом приближенье
И в первом поколении поэт?

Безумный брат войной идет на свата,
И посреди раскопанных могил
На фоне социального заката
Библиофила ест библиофил.

Быть не хочу ни едоком, ни снедью,
Я жить хочу, чтоб думать и уметь,
На радость двадцать первому столетию
Желаю в нем цвести и зеленеть.

Неужто нету места в птице-тройке,
Куда мне свой пристроить интеллект?
Довольно быть объектом перестройки,
Аз есмь ея осознанный субъект!

1987

Попытка к тексту

Снег падал, падал — и упал,
На юг деревья улетели,
Земли родной в здоровом теле
Зимы период наступал.

Проснулись дворников стада,
К рукам приделали лопаты
И, жаждой действия объаты,
На скользкий встали путь труда.

Зима входила в существо
Вопросов, лиц, организаций,
И в результате дней за двадцать
Установился статус-кво.

Застыл термический процесс
На первой степени свободы...
Зимы ждала, ждала природа,
Как Пушкин отмечал, А. С.,
И дождалась...

1987

Заявление для печати

Я б вступил в писателей Союз,
Чтоб улучшить свой моральный климат,
Только, честно говоря, боюсь,
Что они меня туда не примут.

Там у них крутые мужики,
Знающие толк в литературе,
На фига нужны им леваки,
Разной нахватавшиеся дури.

Это так. Но разве ж я левак,
Хоть и волос кучерявый малость.
У меня ж прадедушка словак,
От него и метрика осталась.

Я корову с «ятами» пишу,
Я прочел Проскурина до корки,
Я в упор на дух не выношу
Разных там Еременок да Коркий.

Пусть масонский точат мастерок
Под аплодисменты Уолл-стрита.
Не заменит мне весь ихний рок
Нашего разбитого корыта.

Ядовитой брызгая слюной,
Пусть исходит злобою Арабов,
Что готов продать свой край родной
За пучок соленых баобабов.

Им не отскрести поганных рук
От золы отческих пожарищ,
Заявляю вам, товарищ Друк, —
Вы теперь мне больше не товарищ.

Мы сметем вас с нашего пути —
Тех, по ком давно рыдает стенка,
Так что, Нина Юрьевна, прости,
Вы теперь мне больше — не Искренко!

Мне большое дело по плечу,
И душой стремясь к добру и свету,
Я в Союз писателей хочу,
Так хочу, что просто мочи нету.

1988

Монолог на выдохе

В. Долиной

Нет, мы империя добра!
А не империя мы зла,
Как мы тут слышали вчера
От одного тут мы козла.
Не будем называть страну,
Главой которой был козел,
Мечтавший развязать войну,
От наших городов и сел
Чтоб не осталось и следа,
Но мы ему сказали: «Нет!»,
И он был вынужден тогда,
Чтоб свой спасти авторитет
Козлиный, с нами заключить
Один известный договор,
Который должен исключить
Саму возможность всякий спор
Решать насильственным путем,
А нам такой не нужен путь,
Поскольку к миру мы идем,
А если вдруг когда-нибудь
Другой козел захочет вдруг
С пути нас этого свернуть,
Ему мы скажем: «Знаешь, друг,
Вали, откудова пришел!»
И он отвалит — тот козел.

1988

* * *

Ответь мне, искусственный спутник Земли,
Продукт необузданной мысли,
Зачем ты летаешь от дома вдали
В космической гибельной выси?

Зачем ты, вводя в искушение Творца
Своим вызывающим видом,
В любую минуту дожидаться конца
Рискуешь при встрече с болидом?

Затем я летаю от дома вдали,
Чертя за кривою кривую,
Чтоб темные силы вовек не смогли
Войну развязать мировую.

Чтоб мать в колыбели качала дитя,
Не ведая грусти-печали,
Чтоб девы, венки из ромашек сплетя,
Их юношам пылким вручали.

Спасибо тебе, мой искусственный друг,
Иного не ждал я ответа,
Летай же и дальше планеты вокруг
Со скоростью звука и света,

А если когда-нибудь вниз упадешь,
Лишившись физической силы,
Навеки Советской страны молодежь
Запомнит твой облик красивый.

1988

Неопубликованная стенограмма

Любимец уральских умельцев,
Кумир пролетарской Москвы,
Борис Николаевич Ельцин
Седой не склонил головы.

Последний октябрьский пленум
Не выбил его из седла,
Явился он вновь на коне нам,
И конь закусил удила.

Возникнув с карельским мандатом
На главной трибуне страны,
Он бросил в лицо делегатам:
— Винить вы меня не должны.

Имею я полное право
Любые давать интервью.
Даю их не ради я славы,
А ради их правды даю.

Грозит перестройке опасность,
Повсюду разлад и раздор,
Да здравствует полная гласность!
Да сгинет навеки Егор!

Своим выступлением оратор
Поверг в изумление зал,
От ужаса стал вентилятор,
И в обморок кто-то упал.

Настало такое молчанье,
Какое бывает в гробу,
Не веря себе, свердловчане
Застыли с росой на лбу.

Но Бондарев крикнул: — Полундра!
Гаси эту контру, братва!
Загоним в карельскую тундру
Его за такие слова.

Затем ли у стен Сталинграда
Кормил я окопную вошь,
Чтоб слушать позорного гада,
Нам в спину вогнавшего нож?!

Тут, свесясь по пояс с галерки,
Вмешался какой-то томич:
— Пора бы дать слово Егорке,
Откройся народу, Кузьмич.

Свои разногласья с Борисом
До нас доведи, не таясь,
Коль прав он — так снова повысим,
А нет — сотворим ему шмазь.

— Секретов от вас не имею, —
Степенно ответил Егор, —
Сейчас объясню, как умею,
В чем наш заключается спор.

Таиться от вас мне негоже,
Коль речь тут на принцип пошла,
Мы были в стратегии схожи,
Но тактика нас развела.

Борис — экстремист по натуре,
С тенденцией в левый уклон,
Троцкистской наслушавшись дури,
Он делу наносит урон.

И пусть за красивую фразу
Сыскал он в народе почет,
Но нашу партийную мазу
Бориска в упор не сечет.

Родную Свердловскую область,
В которой родился и рос,
На хлеб посадил и на воблу,
А пива, подлец, не завез.

Да хрен с ним, товарищи, с пивом,
Не в пиве, товарищи, суть,
Пошел он вразрез с коллективом,
А это не кошке чихнуть.

Теперь, когда все вам известно,
Пора бы итог подвести,
Нам с Ельциным в партии тесно
Один из нас должен уйти.

При этом не хлопая дверью,
Тут дело не в громких хлопках,
Я требую вотум доверья,
Судьба моя в ваших руках

И маком расцвел кумачовым
Взметнувший мандаты актив:
— С Егором навек! С Лигачевым!
А Ельцина мы супротив.

Я в том не присутствовал зале,
Не дремлет Девятый отдел,
Но эту картину едва ли
Забудет, кто в зале сидел.

Цепляясь руками за стены,
Белей, чем мелованный лист,
Сошел с политической сцены
Освищенный хором солист.

1988

Версия

— Не ходи, Суворов, через Альпы, —
Говорил ему Наполеон. —
Здесь твои орлы оставят скальпы,
У меня тут войска — миллион.

Говорю тебе я как коллеге,
Как стратег стратегу говорю,
Здесь твои померзнут печенег
На конфуз российскому царю.

Знаю, ты привык в бою жестоком
Добывать викторию штыком,
Но махать под старость альпенштоком
Нужно быть последним дураком.

Но, упрямый проявляя норов,
В ратной сформированный борьбе,
Александр Васильевич Суворов
Про себя подумал: «Хрен тебе».

И светлейший грянул, как из пушки,
Так, что оборвалось все внутри:
— Солдатушки, бравы ребятушки,
Чудо вы мои богатыри!

Нам ли узурпатора бояться?!
Бог не выдаст, не сожрет свинья!
Где не пропадала наша, братцы?!
Делай, православные, как я!

И, знаменьем осенившись крестным,
Граф по склону первым заскользил,
Этот миг на полотне известном
Суриков, как мог, отобразил.

Так накрылась карта Бонапарта
Ни за грош, пардон, ни за сантим.
...С той поры мы в зимних видах спорта
Делаем француза как хотим.

1988



Про Федота

Был Федот хороший слесарь,
Им гордился весь завод,
«Вечный двигатель прогресса»
Называл его народ.

В цех придя без опоздания,
Он трудился день-деньской
И за смену три заданья
Выполнял одной рукой.

На Доске висел почета,
Был по шашкам чемпион,
И с идеей хозрасчета
Всей душой сроднился он.

Если б так и дальше длилось,
Стал бы он Герой Труда,
Но однажды приключилась
С нашим Федею беда.

Как-то раз в конце недели,
А точнее, под выходной,
Он смотрел программу теле
На диване в час ночной.

И хоть ту программу кто-то
Окрестил невинно «Взгляд»,
Оказался для Федота
Этот «Взгляд» страшней, чем яд.

Охмурили неформалы
Трудового паренька,
Стал читать он что попало,
Начиная с «Огонька».

Из семьи уйдя рабочей,
Позабыв родной завод,
На тусовках дни и ночи
Он проводит напролет.

За версту бывает слышно,
Как подкуренный Федот
С диким криком «Хари Кришна!»
Вдоль по улице идет.

От его бывшего вида
Не осталось ничего,
Он вот-вот умрет от СПИДа,
И не только от него.

И не зря в народе люди
Меж собою говорят:
— Так с любым Федотом будет,
Кто программу смотрит «Взгляд»!

1988

Приглашение в Мытищи

Если в доме нету пищи,
Газа, света и воды,
Приезжайте к нам в Мытищи,
Полчаса до нас езды.

Вас накормят и напоят,
И оставят ночевать,
Обогреют, успокоят,
Руки будут целовать,

Все недуги вам излечат,
Все условия создадут
И работой обеспечат,
И семьей обзаведут,

И детей пристроят в ясли,
Как родятся — сей же час.
Словно сыр кататься в масле
Вы здесь будете у нас.

А когда на этом свете
Вы устанете душой,
Напечатают в газете
Некролог про вас большой.

Место тихое подыщут.
Добрим словом помянут.
Приезжайте к нам в Мытищи
Хоть на несколько минут!

1988

Ряд допущений

Надену я пиджак в полоску
Или, допустим, брюки в клетку.
Достану с понтом папироску
Или, допустим, сигаретку.

Поеду к девушке любимой
Или, допустим, нелюбимой.
Зовут ее, допустим, Риммой
Или, допустим, Серафимой.

Куплю, допустим, два букета,
Гвоздик, допустим, и пионов,
Или, допустим, два билета
На фильм румынский про шпионов.

Скажу ей, будь моей женою
Или, допустим, не женою.
Ты будешь счастлива со мною
Или, допустим, не со мною.

Она в ответ позеленеет,
Или, допустим, покраснеет,
Или, допустим, почернеет —
Значенья это не имеет.

А после скажет, знаешь, Вася
Или, допустим, знаешь, Петя,
Не для того я родилась
И не затем живу на свете,

Чтоб слушать мне такие речи.
А я на это ей отвечу:
Иди-ка ты заре навстречу,
И сам пойду заре навстречу.

Так и живу

Когда родился я на свет,
Не помню от кого,
Мне было очень мало лет,
Точней, ни одного.

Я был беспомощен и мал,
Дрожал как студень весь
И, хоть убей, не понимал,
Зачем я нужен здесь.

Больное детство проплелось,
Как нищенка в пыли,
Но дать ответ на тот вопрос
Мне люди не смогли.

Вот так, умом и телом слаб,
Живу я с той поры —
Ни бог, ни червь, ни царь, ни раб,
А просто — хрен с горы.

1988

Застойная песнь

Не говори мне про застой,
Не береги больную душу,
Мне прожужжали им все уши,
Меня тошнит от темы той.

Не говори мне про застой,
Про то, что Брежнев в нем виновен,
А я-то думал, что Бетховен,
Ну, в крайнем случае, Толстой.

Не говори мне про застой,
Про то, что нет в стране валюты,
Ведь нашей близости минуты
Летят со страшной быстротой.

Не говори мне про застой,
И про инфляцию не надо,
И в даль арендного подряда
Мечтою не мани пустой.

Не говори мне про застой,
Не объясняй его причину,
Не убивай во мне мужчину
Своей наивностью святой,
Дай мне отпить любви настой!

1989

Сюжет впотьмах

Какая ночь, едрит твою!
Черней Ремарка обелиска,
Стоит звезда, склонившись низко
У бездны мрачной на краю.
Звезда стоит... А что Ремарк?
Он пиво пьет, поскольку немец.
При чем тут пиво?... Вечер темец...
Уже теплей... Пустынный парк
Спит как сурок, без задних ног,
Тот, от которого Бетховен
Никак отделаться не мог,
Поскольку не был бездуховен,
Не то что нынешние мы...
Но тут опять отход от темы,
От темы ночи... темы тьмы...
Никак в проклятой темноте мы
Повествование загнать
Не можем в заданное русло...
Ах, отчего душе так грустно
Рукой усталой окунать
Перо в чернильницыно лоно?..
Опять знакомо все до стога...
Как там? ...«волшебницыных уст».
Там вроде все куда-топлыли...
По направлению к Свану... Или
В том направленье плавал Пруст?..
Марсельцы не забудут Пруста,
Который чуть не сбился с курса
ВКП(б), что Верном был,
Пока компас не подложил
Ему в топор один предатель,
Но, к счастью, видел все Создатель,
И тот потом недолго жил.
Короче ночь... чем день зимой...
Зимой короче день, а летом

Короче ночь... Но, боже мой,
Не проще ль написать об этом,
Сюжет направив в колею,
Куда-то сносит все с которой,
Рукой, уверенной и скорой:
«Какая ночь, едрит твою!»

1989

Подражание древним

Вот и настало оно — время великих свершений,
Вот и настало оно, вот и настало оно...

Цивилизованных строй кооператоров Ленин
Нам завещал уходя, свет за собой погасив.

«Сталина личности культ
много принес нам несчастий» —
Так мне в селенье одном мудрый поведал старик.

Тут кое-где на местах разные мненья бытуют,
Это, товарищи, нас с вами смущать не должно.

«Надо почаще бывать нам в трудовых коллективах» —
Так мне в селенье одном мудрый поведал старик.

Тот же поведал старик, что масоны во всем виноваты.
В чем-то, товарищи, да, но далеко не во всем.

Ельцин, Коротич, Попов, Сахаров,
Гранин, Заславский,
Власов, Станкевич, Дикуль, Друцэ, Собчак, Горбачев.

Мазуров, Гроссу, Белов, Карпов, Масол, Родионов,
Червонопиский, Патон, Гвоздев, Касьян, Горбачев.

Есть преимущество у однопартийной системы,
Но в чем оно состоит, смертному знать не дано.

1989

Ходоки

Увязав покрепче узелки,
Запася в дорогу хлеба-соли,
Шли в Москву за правдой ходоки,
В Комитет народного контроля.

Шли они огромною страной,
Били их дожди, стегали ветры,
Много верст осталось за спиной,
Не считая просто километров.

Встретил их суровый Комитет
Как родных — заботой и приветом,
Пригласил в огромный кабинет,
Ленина украшенный портретом.

Обещал порядок навести
Не позднее будущей недели,
Пожелал счастливого пути
И успехов в благородном деле.

Подписал на выход пропуска,
Проводил сердечно до порога.
И от счастья обалдев слегка,
Ходоки отправились в дорогу.

Шли они огромною страной,
Далека была дорога к дому,
Но настрой их был совсем иной,
И сердца их бились по-другому.

Не утратив веры ни на малость,
Бедам и невзгодам вопреки,
Позабыв про страшную усталость,
Возвращались с правдой ходоки.

Все отлично!

Отличные парни отличной страны
Недавно вернулись с отличной войны,
В отличие от целого ряда парней,
Которые так и остались на ней.

Отлично их встретил отличный народ,
Который в стране той отлично живет,
Отличных больниц понастроил для них,
Где коек больничных — одна на двоих.

Отличным врачам поручил их лечить,
Что руки не могут от ног отличить.
Отлично остаться живым на войне,
Но выжить в больнице — отлично вдвойне.

Отличных наград для героев отлил,
Отличных оград для приличных могил,
А кто не успел долететь до небес —
Отличные пенсии выдал собес.

1989

* * *

Вот дождь прошел, и солнце вышло,
Собою местность осветив,
Природы повернулось дышло,
И, светлых полон перспектив,
Надежд, проектов, вожделений,
Я лиру верную беру.
Нет, нипочем я не умру
В сердцах ближайших поколений
Семи-восьми.

1989

* * *

Печален за окном пейзаж,
Как песня должника,
Но тем не менее он наш,
Советский он пока.

И мы его не отдадим
Ни НАТО, ни ОПЕК,
Покуда жив хотя б один
Непьющий человек.

1989

Мой ответ Альбиону

Еще в туманном Альбионе
Заря кровавая встает,
А уж в Гагаринском районе
Рабочий день копытом бьет.

Встают дворцы, гудят заводы,
Владыкой мира правит труд,
И окружающей природы
Ряды радетелей растут.

Мне все знакомо здесь до боли,
И я знаком до боли всем,
Здесь я учился в средней школе,
К вопросам — глух, в ответах — нем.

Здесь колыбель мою качали,
Когда исторг меня роддом,
И где-то здесь меня зачали,
Что вспоминается с трудом.

Здесь в комсомол вступил когда-то,
Хоть ныне всяк его клеймит,
Отсюда уходил в солдаты,
Повесток вычерпав лимит.

Прошел с боями Подмосковьё,
Где пахнет мятою травой,
Я мял ее своей любовью
В период страсти роковой.

Сюда с победою вернулся,
Поскольку не был победим.
И с головою окунулся
В то, чем живем и что едим.

Я этим всем, как бинт, пропитан,
Здесь все, на чем еще держусь,
Я здесь прописан и прочитан,
Я здесь затвержен наизусть.

И пусть в кровавом Альбионе
Встает туманная заря,
В родном Гагаринском районе
Мне это все — до фонаря!

1989

Двести лет спустя

Маленькая кукольная пьеса

Евг. Бунимовичу

Действующие лица:

МАРАТ.

ДАНТОН.

РОБЕСПЬЕР.

СЕН-ЖЮСТ.

ЕЛЬЦИН.

ЗАСЛАВСКАЯ.

ГДЛЯН.

ШМЕЛЕВ.

Действие первое

Картина первая

13 июля 1789 года. Париж.

Адвокатская контора Робеспьера.

РОБЕСПЬЕР.

Прошу у всех пардон за беспокойство,
Но я вас пригласил сюда затем,
Чтоб обсудить могли мы ряд проблем
Весьма безотлагательного свойства.
Настал момент себя проверить в деле,
Ле жур де глуар нам упустить нельзя,
А где Дантон?

СЕН-ЖЮСТ (мрачно).

Известно где — в борделе!

Появляется Дантон.

ДАНТОН.

Привет, Максимка! Бон суар, друзья!
Я до краев пресытился любовью,
Зизи творила нынче чудеса,
Но, проведя волшебных два часа,
Я вновь к услугам третьего сословья.

РОБЕСПЬЕР.

Итак, продолжим. Франция в беде.
 Благодаря правлению Капета
 Мы оказались по уши в мерде,
 И выхода у нас иного нету,
 Как завтра совершить переворот.
 Начав с утра, управимся к обеду.

СЕН-ЖЮСТ.

Но вот вопрос — поддержит ли народ?
 Нам без него не одержать победу,
 Уж больно узок, господа, наш круг.
 Скажи, Марат, ведь ты народа друг.

МАРАТ.

Народ, заметим антр ну, дурак,
 Но без него не обойтись никак.
 И чтоб увлечь его нам за собой,
 Потребен лозунг ясный и простой.

ДАНТОН (догадывается).

Земля — крестьянам?

МАРАТ (укоризненно).

Извини, мон шер,
 Никак не ожидал, что ты — эсер.
 Призыв доступен должен быть ежу.
 Один момент, сейчас соображу.
 Свобода. Братство. Равенство. Любой
 За эту чушь пожертвует собой.

Картина вторая

14 июля 1789 года.

Париж.

Площадь перед Бастилией.

Много народа.

Бум-бум! Ба-бах!

Вжик-вжик! Та-та-та-та!

Ура! Ура!
Бастилия взята!

Действие второе
Картина третья

24 мая 1989 года. Москва. Квартира Ельцина.

ЕЛЬЦИН.

Товарищи, прошу за беспокойство,
Но я вас пригласил сюда затем,
Чтоб обсудить могли мы ряд проблем
Весьма безотлагательного свойства.
Друзья мои! Советский наш Союз
Идет ко дну, как «Адмирал Нахимов»
И если власть не взять, то, я боюсь,
Придется нам кормить собой налимов,
Которых я привык на завтрак есть,
Пока далек был страшно от народа,
Его сменив на совесть, ум и честь,
Но в сердце постучала мне свобода,
И, жизнь свою поставив на ребро,
Я с треском вышел из Политбюро,
Теперь опять с народом я навеки.
А где Шмелев?

ГДЛЯН (мрачно).

Где, где — в библиотеке!
По мне — собрать все книги да и сжечь,
А перья все перековать на меч.

Появляется Шмелев.

ШМЕЛЕВ.

Привет Госстрою! Добрый день, друзья!
Сегодня мной написана статья.

ЗАСЛАВСКАЯ.

А как назвал?

ШМЕЛЕВ (*гордо*).
«Авансы и долги!»

ЗАСЛАВСКАЯ (*задорно*).
Дрожите, перестройкины враги!

ШМЕЛЕВ.
Я представляю возмущенья шквал,
Но, впрочем, я вас, кажется, прервал.

ЕЛЬЦИН (*мучительно вспоминая*).
О чем бишь я? Да, о народном благе.
О нем одном все помыслы мои.
Пора нам доставать из ножен шпаги,
Друзья, нас ждут великие бои.
Грядет народных депутатов съезд,
Момент подобный упустить нам глупо.

ЗАСЛАВСКАЯ.
Но там у нас всего полсотни мест.
Что сможем мы одной московской группой?
Мы страшно от народа далеки!
(*Всхлипывает.*)

ГДЛЯН (*мрачно*).
Но уж не дальше, чем большевики.

ЗАСЛАВСКАЯ.
Молчи! Тебя послали дашнаки!

ГДЛЯН.
Народ — он кто? Он был и есть дурак,
Но без него не обойтись никак.
И чтоб поднять его в последний бой,
Потребен лозунг ясный и простой,
Способный пробудить активность масс.
«Бей партократов!» было б в самый раз.

Картина четвертая

25 мая 1989 года

Кремлевский Дворец съездов.

Много народа.

— Ура! Долой! —

Несутся крики с мест.

Хлоп-хлоп!

Дзынь-дзынь!

Открылся Первый съезд.

Занавес

1989

Сделай сам

Из куска цветной бумаги,
Взявши ножницы и клей,
Если хватит вам отваги,
Можно сделать пять рублей.

Это слабая подмога
Вашим детям и жене,
Пять рублей совсем немного —
Деньги нынче не в цене.

Можно, правда, сделать десять,
Но и десять не спасут,
Ведь за это срок навесить
Может вам народный суд.

Чтоб могли вы с потрохами
Суд народный закупить,
Нужно деньги ворохами
Круглый год туда носить.

Так что, братцы, в этом деле
Мелочиться не резон,
Раз решили делать деньги,
Надо делать миллион.

1989

* * *

Есть у меня один эрдель,
Зовут его Тото.
Он бородатый, как Фидель,
Но раз умнее в сто.

А я его умнее в два
И больше, может быть,
Поскольку разные слова
Умею говорить.

— Вот ты имеешь в жизни цель?
Я, например, так нет, —
Я говорю, и мой эрдель
Виляет мне в ответ.

— Что наша жизнь? Сплошной бордель!
Кругом обман и бред, —
Я говорю, и мой эрдель
Кивает мне в ответ.

— Корабль наш посадил на мель
Центральный Комитет, —
Я говорю, и мой эрдель
Рыдает мне в ответ.

— В науке, в спорте ли, в труде ль,
Нам не достичь побед, —
Я говорю, и мой эрдель
Зевает мне в ответ.

— Ты невоспитанный кобель,
А я большой поэт, —
Я говорю, и мой эрдель
Чихает мне в ответ.

1989

Чей старичок?

Вот раздался страшный стук,
А за ним ужасный крик,
Потому что это вдруг
На асфальт упал старик.

Вот упал он и лежит,
Словно с сыром бутерброд,
А вокруг него спешит
По делам своим народ.

Я поднял его с земли,
И спросил я напрямик:
— Чей, товарищи, в пыли
Тут валяется старик?

Кто владелец старичка?
Пусть сейчас же подберет!
Он живой еще пока,
Но того гляди помрет.

Это все же не бычок,
Не троллейбусный билет,
Это все же старичок,
И весьма преклонных лет.

Тут из тела старичка
Тихо выползла душа,
Отряхнулась не спеша
И взлетела в облака.

Прислонив его к стене,
Я побрел печально прочь.
Больше нечем было мне
Старичку тому помочь.

* * *

Я шел к Смоленской по Арбату,
По стороне его по правой,
И вдруг увидел там Булата,
Он оказался Окуджавой.

Хотя он выглядел нестаро,
Была в глазах его усталость,
Была в руках его гитара,
Что мне излишним показалось.

Акын арбатского асфальта
Шел в направлении заката...
На мостовой крутили сальто
Два полутолых акробата.

Долговолосые пииты
Слагали платные сонеты,
В одеждах диких кришнаиты
Конец предсказывали света.

И женщины, чей род занятий
Не оставлял сомнений тени,
Раскрыв бесстыжие объятья,
Сулили гражданам забвенье.

— Ужель о том звенели струны
Моей подруги либеральной?! —
Воскликнул скальд, меча перуны
В картины адрес аморальной.

Был смех толпы ему ответом,
Ему, обласканному небом...
Я был, товарищи, при этом,
Но лучше б я при этом не был.

1989

* * *

В Стране восходящего солнца,
Где сакура пышно цветет,
Живут-поживают японцы,
Простой работающий народ.

Живут они там и не тужат,
Японские песни поют,
Им роботы верные служат,
И гейши sake подают.

Но водки при этом ни грамма
Не примет японец с утра.
Еще там у них Фудзияма —
Большая такая гора.

Там видео в каждой квартире,
Там на нос по десять «Тойот».
Там сделать решил харакири,
Бери себе меч — и вперед.

Еще там у них император,
Проснувшись, является вдруг,
На нем треугольная шляпа
И серый японский скюртук.

И пусть там бывает цунами —
Японский народный потоп,
Но я вам скажу между нами,
Что все у японцев тип-топ.

Я зависти к ним не питаю,
Но все же обидно подчас,
Что нам до них — как до Китая,
А им — как до лампы до нас.

1989

Песнь о юном кооператоре

Сраженный пулей рэкетира,
Кооператор юных лет
Лежит у платного сортира
С названием гордым «туалет».

О перестройки пятом годе,
В разгар цветения ея,
Убит при всем честном народе
Он из бандитского ружья.

Мечтал покрыть Страну Советов,
Душевной полон широты,
Он сетью платных туалетов,
Но не сбылись его мечты.

На землю кровь течет из уха,
Застыла мука на лице,
А где-то рядом мать-старуха,
Не говоря уж об отце,

Не говоря уже о детях
И о жене не говоря...
Он мало жил на этом свете,
Но прожил честно и не зря.

На смену павшему герою
Придут отважные борцы
И в честь его везде построят
Свои подземные дворцы.

1989

* * *

Я женщину одну любил
Тому назад лет двадцать,
Но у нее был муж дебил,
И нам пришлось расстаться.

А может быть, не прав я был?
Ведь если разобраться:
Ну эка невидаль — дебил.
Так что ж теперь, стреляться?

Нет, все же прав тогда я был,
Хоть и обидно было,
А то б он точно нас прибил —
Чего возьмешь с дебила?

1989

* * *

Во дни державных потрясений,
В процессов гибельных разгар
На что употребить свой гений?
Куда приткнуть мятежный дар?

Разрушив прежние заносы
На историческом пути,
Национальные вопросы
В порядок должный привести?

Иль, в область устремив иную
Полет свободного пера,
Рывком промышленность больную
Поднять со смертного одра?

Смягчить общественные нравы,
Введя оплату по труду?
А избирательное право?
С ним разве все у нас в ладу?

А офицера злая доля
Культурных центров в стороне?
А потребление алкоголя?
А рубль, что падает в цене?

Грядет в стране великий голод,
Гудят подземные толчки,
Тупеет серп,
Ржавеет молот,
Хрустят разбитые очки.

Лишь я, не изменив присяге,
Судьбой прикованный к перу,
Забив на все,
Слагаю саги
На диком вечности ветру.

1989

* * *

Человек сидит на стуле,
Устремив в пространство взгляд,
А вокруг летают пули,
Кони бешено храпят.

Рвутся атомные бомбы;
Сея ужас и печаль,
Мог упасть со стула он бы
И разбиться невзначай.

Но упорно продолжает
Никуда не падать он,
Чем бесспорно нарушает
Равновесия закон.

То ли здесь числа просчеты,
Что сомнительно весьма,
То ли есть на свете что-то
Выше смерти и ума.

1989

* * *

Вот человек какой-то мочится
В подъезде дома моего.
Ему, наверно, очень хочется —
Но мне-то, мне-то каково?

Нарушить плавное течение
Его естественной струи
Не позволяют убеждения
Гуманитарные мои.

Пройти спокойно мимо этого
Не в силах я как патриот..
Что делать, кто бы посоветовал,
Но вновь безмолвствует народ.

1989

Депутатский запрос

Куда пропало мыло?
Кому оно мешало?
Его навалом было —
И вдруг совсем не стало.

Мне надо вымыть руки
И ноги тоже надо.
Верните мыло, суки!
Верните мыло, гады!

1989

Елка в Кремле

В.Коркиш

Объявлен Новый год в Кремле
Декретом ВЧК.
Играет Ленин на пиле
Бессмертного «Сурка».

Смешались нынче времена
За праздничным столом,
Идет Столетняя война,
Татары под Орлом.

Какая ель, какая ель
В Кремле под Новый год!
Такой не видывал досель
Видавший все народ.

На ней усиленный наряд
Из пулеметных лент,
Висит матрос, висит солдат,
Висит интеллигент.

Метет, метет по всей земле
Железная метла,
Играет Ленин на пиле,
Чудны его дела.

Его аршином не понять
И не объять умом,
Он сам себе отец и мать
В лице своем одном.

В ночи печатая шаги,
Проходит через двор
До глаз закутан в плащ пурги
Лубянский командор.

Железных лях, а может, Лех,
Руси Первочекист,
Он принял грех за нас за всех,
Но сам остался чист.

Подводит к елке Дед Мороз
Снегурочку-Каплан,
Он в белом венчике из роз,
Она прошла Афган.

В носу бензольное кольцо,
Во лбу звезда горит,
Ее недетское лицо
О многом говорит.

Играет Ленин на пиле
Заветы Ильича,
Плутает разум мой во мгле,
Оплавилась свеча.

На хорах певчие блюют,
И с криками «ура!»
Часы на Спасской башне бьют
Бухие любера.

1989

* * *

Ты куда бежишь, нога,
Поздней ночью
От родного очага,
Крыши отчей?

Из домашнего тепла
И уюта
Босиком одна ушла
Почему ты?

Или чем тебя, нога,
Кто обидел,
Что пустилась ты в бега
В голом виде?

Иль нездешние блага
Соблазнили?
Иль чужие берега
Поманили?

Будь там Лондон, будь Париж,
Будь хоть Штаты,
От себя не убежишь
Ни на шаг ты.

Ты ж не баба, не Яга
Костяная,
Ты как есть моя нога,
Коренная.

Так зачем тебе чулки
Да колготки,
Пропадешь ты от тоски
Да от водки.

1989

* * *

Кончался век, XX век,
Мело, мело во все пределы,
Что характерно, падал снег,
Причем, что интересно, белый.

Среди заснеженных равнин,
Как клякса на листке тетради,
Чернел какой-то гражданин,
Включенный в текст лишь рифмы ради.

Он был беспомощен и мал
На фоне мощного пейзажа,
Как он на фон его попал,
Я сам не представляю даже.

Простой советский имярек,
Каких в стране у нас немало.
Увы, забвению обрек
Мой мозг его инициалы.

Лишенный плоти аноним,
Больной фантазии причуда,
Диктатом авторским гоним,
Брел в никуда из ниоткуда.

Вот так и мы — бредем, бредем,
А после — раз! — и умираем,
Ловя бесстрастный оком
Сознания гаснущего краем.

И тот, кто вознесен над всеми,
И отмеряет наше время,
На этом месте ставит крест
И за другой садится текст.

1989

Прогулка на два оборота

Я не был никогда в Австралии,
Где молоко дают бесплатно,
Где, может быть, одни аграрии
Да яблоки в родимых пятнах.

Ю. Арабов. «Прогулка наоборот»

Я не был никогда в Монголии,
Где от кумыса нету спасу,
Где крутлый год цветут магнолии,
Согласно сообщениям ТАССа.

Там что ни житель — то монгол,
А что ни лошадь — то Пржевальского,
Там все играют в халхинбол,
Но из ключа не пьют Кастаньского.

Я не был никогда в Венеции —
Шамбале кинематографии,
Где драматургов нету секции,
Что в переводе значит — мафии.

Там время сжато как пропан,
И вечность кажется минутою,
Там чуть не помер Томас Манн,
А может, Генрих — я их путаю.

Я не бывал в стране Муравии,
Где ям не меньше, чем ухабов,
Я также не бывал в Аравии,
Ну что ж, тем хуже для арабов.

Но я бывал в Голопобоево,
Чьи жители клянут Арабова,
Раскаты дикой лиры коего,
Лишают их рассудка слабого.

Там низок уровень культуры
И редко слышен детский смех.
Ты лучше их не трогай, Юра,
Убогих, Юра, трогать грех.

1989

* * *

Оставил мясо я на кухне,
А сам пошел в консерваторию.
Оно возьми да и протухни —
Такая вышла с ним история.

Но над утратой я не плачу
И на судьбу роптать не смею,
Ведь стал духовно я богаче,
Хотя физически — беднее.

1989

* * *

Вот ползет по стенке клоп —
Паразит домашний,
Я его по морде — хлоп!
«Правдою» вчерашней.

Знают пусть, ядрена вошь,
Все клопы да блохи —
Против «Правды» не попрешь,
С «Правдой» шутки плохи!

1989

На смерть героя

За что убили Чаушеску?
Ведь он ни в чем не виноват,
С ним поступили слишком резко,
В живот направив автомат.

Невинной жертвы образ чистый
Навек впечатался в сердца.
Как подобает коммунисту,
Он им остался до конца.

Ряды героев поредели
В течение считанных недель.
Друзья, мне страшно за Фиделя,
Скажи, ты жив еще, Фидель?

Я не могу без седуксена
В тревожной мгле сомкнуть очей,
Все представляю Ким Ир Сена
В кровавых лапах палачей.

Герои смерть не выбирают,
А я поэт — считай, герой.
Поэты тоже умирают
Не так, как хочется порой.

Но если мой черед настанет,
То я бы так вопрос решил:
Уж если умирать — как Сталин,
А жить — как Чаушеску жил.

1989

Букет цветов

На рынке женщина купила
Букет цветов, букет цветов,
И мне, безумцу, подарила
Букет цветов, букет цветов.

И чтобы не увял он сразу,
Букет цветов, букет цветов,
Я тот букет поставил в вазу,
Букет цветов, букет цветов.

И вот стоит теперь он в вазе,
Букет цветов, букет цветов,
И повторяю я в экстазе:
«Букет цветов, букет цветов».

Навек душа тобой согрета,
Букет цветов, букет цветов,
Лишь два отныне в ней предмета:
Один — букет, другой — цветов.

1990

* * *

Как на площади Таганской
Возле станции метро
Ветеран войны афганской
Мне в живот вогнал перо.

Захлестнула, вероятно,
Парня жгучая тоска,
Мне тоска его понятна
И печаль его близка.

Жалко бедного «афганца» —
Пропадет за ерунду.
И себя мне жаль, поганца,
К превеликому стыду.

1990

* * *

В помойке роется старушка
На пропитания предмет,
Заплесневелая горбушка —
Ее бесхитростный обед.

Горбушку съест, попьет из лужи,
Валетит на ветку — и поет,
Покуда солнце не зайдет.
А там, глядишь, пора на ужин...

1990

* * *

С улыбкой мимолетной на устах,
В поток различных мыслей погруженный,
Брожу порой в общественных местах,
Толпой сограждан плотно окруженный.

Как мне они физически близки,
Те, за кого пред небом я в ответе, —
Солдаты, полотеры, рыбаки,
Саксофонисты, женщины и дети.

Объект их лихорадочных надежд,
Весь замираю от стыда и муки,
Когда моих касаются одежд
Их грязные, доверчивые руки.

Чем я могу помочь несчастным им?
Чего им ждать от нищего поэта,
Когда он сам отвержен и гоним,
Как поздний посетитель из буфета.

1990

* * *

Гуляли мы по высшей мерке,
Ничто нам было нипочем,
Взлетали в небо фейерверки,
Лилось шампанское ручьем.

Какое время было, блин!
Какие люди были, что ты!
О них не сложено былин,
Зато остались анекдоты.

Какой вокруг расцвел дизайн,
Какие оперы лабали,
Каких нам не открылось тайн,
Какие нам открылись дали.

Какие мощные умы
Торили путь каким идеям,
А что теперь имеем мы?
А ничего мы не имеем.

1990

* * *

Когда в вечернем воздухе порой
Раздастся вдруг щемящий голос флейты,
О днях прошедших, друг мой, не жалея ты,
Но флейты звуку сердце приоткрой.

Когда в вечернем воздухе порой
Раздастся вдруг призывный голос горна,
Ты сердце приоткрой свое повторно
Звучанью горна, друг бесценный мой.

Когда ж в вечернем воздухе порой
Раздастся вдруг громовый глас органа,
Не шарь в серванте в поисках нагана,
Но и органу сердце приоткрой.

И всякий раз так поступай, мой друг,
Когда очередной раздастся звук,
Не важен тут источник колебанья...
Ну, я пошел. Спасибо за вниманье.

1990

* * *

Идет по улице скелет,
На нас с тобой похож,
Ему совсем не много лет,
И он собой хорош.

Возможно, он идет в кино,
А может, из гостей,
Где пил игристое вино
И был не чужд страстей.

А может, дома сигарет
Закончился запас,
И в магазин решил скелет
Сходить в полночный час.

Идет себе, ни на кого
Не нагоняя страх,
И все в порядке у него,
Хоть с виду он и прах.

Идет он на своих двоих
Дорогою своей.
Идет, живее всех живых
И мертвых всех мертвей.

1990

* * *

Поймали арабы еврея
И стали жестоко пытаться:
А ну, говори нам скорее,
Как звать тебя, мать-перемать.

Коль скажешь — дадим тебе злата,
Оденем в шелка и парчу,
Подарим портрет Арафата,
Короче, гуляй — не хочу.

Не скажешь — живым не надейся
Тюремный покинуть подвал.
Но имя герой иудейский
Сиона врагам не назвал.

Молчал до последнего вздоха,
Как те ни пытали его,
Он «р» выговаривал плохо
И очень стеснялся того.

1990

* * *

Вчера явился мне во сне мужик,
Его был страшен и причудлив лик,
Глаза огнем горели, а из уст
Свисал сухой смородиновый куст.

Внезапный ужас члены мне сковал,
Видением сраженный наповал,
Не в силах удержать в коленях дрожь,
Я прошептал: — Ну ты, мужик, даешь!

Видал я разных мужиков во сне,
Порою адекватных не вполне.
Но ни один из них, клянусь крестом,
Не посещал меня во рту с кустом.

Мужик воскликнул: — Что за ерунда!
Попал я, вероятно, не туда.
Ты сплюнь-ка через левое плечо,
А я приснюсь кому-нибудь еще.

И он исчез, как был, во рту с кустом,
А я один лежал во сне пустом,
Пока забвенья черная река
Не поглотила на фиг мужика.

1991

* * *

Я раньше был подвижный хлопчик,
Хватал девчонок за трусы,
Но простудил однажды копчик
В интимной близости часы.

Недвижность мною овладела
Заместо прежнего огня,
Ах, девы, девы, где вы, где вы,
Почто покинули меня?

Весь горизонт в свинцовых тучах,
Где стол был яств — стоит горшок,
Умчался фрикции рой летучих,
Веселый петтинг-петушок,

Откукарекавшись навеки,
Вот-вот начнет околевать,
Подайте, граждане, калеке,
Подайте женщину в кровать.

1991

* * *

А.Еременко

На Павелецкой-радиальной
Средь ионических колонн
Стоял мужчина идеальный
И пил тройной одеколон.

Он был заниженного роста,
С лицом, похожим на кремь.
Одет решительно и просто —
Трусы,
Галоши
И ремень.

В нем все значение имело,
Допрежь неведомое мне,
А где-то музыка гремела
И дети падали во сне.

А он стоял,
Мужского рода,
В своем единственном числе,
И непредвзятая свобода
Горела на его челе.

1991

Девичья

Отпусти меня, тятя, на волю,
Не держи ты меня под замком.
По весеннему минному полю
Хорошо побродить босиком.

Ветерок обдувает мне плечи,
Тихо дремлет загадочный лес.
Чу, взорвалась АЭС недалеко.
Не беда, проживем без АЭС.

Гулко ухает выпь из болота,
За оврагом строчит пулемет,
Кто-то режет в потемках кого-то,
Всей округе уснуть не дает.

Страшно девице в поле гуляти,
Вся дрожу, ни жива ни мертва,
Привяжи меня, тятя, к кровати
Да потуже стяни рукава.

1991

Колыбельная

Месяц светит, но не греет,
Только зря висит, сачок.
Засыпай, дружок, скорее,
Засыпай, мой дурачок.

Прислонившись носом к стенке,
В темноте едва видны,
Спят брюнеты и шатенки,
Спят евреи и слоны.

Свет на землю серебристый
Тихо льется с высоты,
Спят дантисты и артисты,
Рэкетеры и менты.

Сквозь волнистые туманы
Продирается луна,
Спят бомжи и наркоманы,
Лишь путанам не до сна.

Спят, забывшись сном усталым,
Сладко чмокая во сне,
Спят под общим одеялом,
Спят на общей простыне.

Все уснуло в этом мире —
Тишь, покой да благодать,
Лишь скрипит в ночном эфире
Наша общая кровать.

Спи, мой милый, спи, хороший,
А не то с кровати сброшу,
Баю-баюшки-баю,
Спи спокойно, мать твою.

1991

* * *

Просыпаюсь с бодуна,
Денег нету ни хрена.
Отвалилась печень,
Пересохло в горле,
Похмелиться нечем,
Документы сперли,
Глаз заплыл,
Пиджак в пыли,
Под кроватью брюки.
До чего ж нас довели
Коммунисты-суки!

1991



Баллада о гордом рыцаре

За высоким забором
Гордый рыцарь в замке жил,
Он на все вокруг с прибором
Без разбора положил.

Не кормил казну налогом,
На турнирах не блистал
И однажды перед Богом
Раньше времени предстал.

И промолвил Вседержитель,
Смерив взглядом гордеца:
— С чем явился ты в обитель
Вездесущего Отца?

Есть каналы, по которым
До меня дошел сигнал,
Что ты клал на все с прибором.
Отвечает рыцарь: — Клал!

Клал на ханжеский декорум,
На ублюдочную власть
И *ad finem seculorum**
Собираюсь дальше класть.

Сохранить рассудок можно
В этой жизни только так.
Бренна плоть, искусство ложно,
Страсть продажна, мир — бардак.

* До скончания веков (лат.).

Не привыкший к долгим спорам,
Бог вздохнул: — Ну что ж, иди,
Хочешь класть на все с прибором —
Что поделаешь, клади.

Отпускаю, дерзкий сыне,
Я тебе гордыни грех,
С чистой совестью отныне
Можешь класть на все и всех.

И на сем визит свой к Богу
Гордый рыцарь завершил
И в обратную дорогу,
Помолившись, поспешил.

И в земной своей юдоли,
До седых дожив годов,
Исполнял он Божью волю,
Не жалеючи трудов.

1991

* * *

Кому-то эта фраза
Покажется пошла,
Но молодость как фаза
Развития прошла.

Беспечные подруги
Давно минувших дней
Уже не столь упруги,
Чтоб не сказать сильней.

А те, что им на смену
Успели подрасти,
Такую ломают цену,
Что господа прости.

1991

* * *

*Василию Белову
(другому)*

Нам тайный умысел неведом
Того, в чьих пальцах жизни нить.
Однажды мы пошли с соседом
На хутор бабочек ловить.

Среди занятий мне знакомых,
А им давно потерян счет.
Пожалуй, ловля насекомых
Сильней других меня влечет.

Итак, мы вышли спозаранок,
Чтоб избежать ненужных встреч
И шаловливых хуторянок
Нескромных взоров не привлечь.

Ступая плавно друг за другом,
Держа сачки наперевес,
Мы шли цветущим майским лугом
Под голубым шатром небес.

«Была весна» (конец цитаты),
Ручей поблизости звенел,
На ветках пели демократы,
Повсюду Травкин зеленел.

Вдруг из кустов раздался выстрел,
И мой сосед, взмахнув сачком,
Вначале резко ход убыстрил,
Но вслед за тем упал ничком.

Как написала бы про это
Газета «Красная звезда»:
«Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда».

Пробила вражеская пуля
Навылет сердце в трех местах.
Но кто же, кто же, карауля
Соседа, прятался в кустах?

Кто смерти был его причиной?
Чей палец потянул курок?
Под чьей, товарищи, личиной
Скрывался беспощадный рок?

Где тот неведомый компьютер,
Чьей воле слепо подчинясь,
Пошли с соседом мы на хутор
В тот страшный день и страшный час?

Смешны подобные вопросы,
Когда, сокрытыя в тени,
Вращая тайные колесы,
Шуршат зловещие ремни.

И мы — что бабочки, что мушки,
Что человеки, что грибы —
Всего лишь жалкие игрушки
В руках безжалостной судьбы.

1991

* * *

Не нам бродить по тем лугам,
Не нам ступать на те отроги,
Где зреет дикий чуингам,
Пасутся вольные хот-доги.

Не с нашей трудною судьбой,
Во власть отдавшись томной неге,
Небрежно закурить плейбой,
Лениво отхлебнув карнеги.

Не наши стройные тела
Гавайским обдуть пассатам,
Не нас природа родила
Под небом звездно-полосатым.

А в том краю, где нас на свет
Произвела она когда-то,
Почти и разницы-то нет
В словах «зарплата» и «заплата».

1991

* * *

Уронил я в унитаз
Как-то тут намедни
Свой любимый карий глаз.
Правый.
Предпоследний.

Дянул он прощальным взглядом
Голубиным оком
Прямо в душу мне с укором,
Уносясь потоком.

И с тех пор все снится мне
Ночью в тишине,
Как он там ресницами
Шевелит на дне.

1991

Старинная казацья песня

Как в Ростове-на-Дону,
На Дону в Ростове
Встретил бабу я одну
С шашкой наготове.

Ой ты, конь мой вороной,
Звонкая подкова,
Уноси меня, родной,
Срочно из Ростова.

Ждут с тобой в родном дому
Жены нас да дети,
А в Ростове-на-Дону
Только шашки светят.

1991

* * *

Бывало, выйдешь из трамвая —
Бурлит вокруг тебя Москва,
Гремит музыка половая,
Живые скачут существа.

Цыганы шумною толпою
Толкают тушь по семь рублей,
Еврей пугливый к водопою
Спешит с еврейкою своей.

Дитя в песочнице с лопаткой
На слабых корточках сидит,
А сверху Боженька украдкой
За всеми в дырочку следит
Озонную.

1991

* * *

Только сел — звонят. Давай скорее.
Тут у нас такое — обалдеешь.
Я такси хватаю. Мчимся пулей.
По дороге мужика сбиваем.

Приезжаем. Вроде все нормально.
Ну не то чтоб прямо все в ажуре,
Но, по крайней мере, чисто внешне,
Чисто визуально — как обычно.

Я как идиот обратно еду.
По дороге в самосвал въезжаем.
Хорошо еще таксист был пьяный,
А иначе б — страшно и подумать.

Слава богу, жив еще остался,
Но пока мотался по больницам,
Дочка замуж вышла. За румына.
Только нам румынов не хватало.

1991

1992

—

2000





* * *

Ночь темна, как камера-обскура,
Дремлет населения душа
У высоких берегов Амура
И на диком бреге Иртыша.

Наготу слегка прикрыв рукою,
Спишь и ты, откинув простыню...
Что бы мне приснить тебе такое?
Хочешь, я себя тебе присню?

Знай, что я не снюсь кому попало,
Редким выпадала эта честь.
Денег я беру за это мало —
У меня и так их много есть.

Я в любом могу присниться виде,
Скажем, в виде снега и дождя
Или на коне горячем сидя,
Эскадрон летучий в бой ведя.

Хочешь — стану юношей прекрасным,
Хочешь — благородным стариком,
Хочешь — сыром обернусь колбасным,
А не хочешь — плавленым сыром.

Иль, принявши образ чайной розы,
У Хафиза взятый напрокат,
Я вплыву в твои ночные грезы,
Источая дивный аромат.

Я войду в твой сон морским прибоем,
Шаловливым солнечным лучом...
Спи зубами, милая, к обоям
И не беспокойся ни о чем.

1992

* * *

Трудно тем на свете очень,
У кого сосед маньяк
Всю дорогу озабочен —
Где, когда, кого и как.

Тем живется много проще,
У кого сосед енот,
И мозги он прополощет,
И рубашку простирнет.

У кого сосед японец,
Тем легко на свете жить,
Можно запросто червонец
У японца одолжить.

У кого сосед Каспаров,
Тем не жизнь, а благодать,
Ведь с Каспаровым на пару
Можно партию сгонять.

Лучше всех тому живется,
У кого майор сосед,
Если вдруг война начнется,
Всех убьет, майора — нет.

1992

* * *

Провел я молодые годы
На лоне девственной природы.
Природы девственной на лоне,
Режима строгого на зоне.

На зоне строгого режима,
На фоне полного зажима
Считал закаты и восходы
В местах лишения свободы.

И все моральные уроды,
И все духовные кастраты
Со мной считали те заходы,
Со мной считали те закаты.

И покидая мир греховный,
Перемещался в мир астральный
То вдруг один кастрат духовный,
То вдруг другой урод моральный.

1992

* * *

Некомпетентность правит бал,
Упала вниз боеготовность,
Цинизм вконец заколебал,
Заколебала бездуховность.

Споили начисто народ,
Идею свергли с пьедестала,
Вдов стало меньше, чем сирот,
Сирот практически не стало.

Наука полностью в огне,
Культура там же, но по пояс.
Никто не моется в стране,
Лишь я один зачем-то моюсь.

1992

* * *

Среди толпы мятежной
Какой-то неформал
На площади Манежной
Рога мне обломал.

Понятно, что свобода
Не падает к ногам,
Но что ж это за мода —
Чуть что, так по рогам?

1992

* * *

Я вчера за три отгула
Головой упал со стула.
Поначалу-то сперва
Подписался я за два,
Но взглянув на эти рожи,
Нет, решил, так не пойдет,
И слупил с них подороже —
Я ж не полный идиот.

1992

* * *

А.Б.

Ах, что за женщина жила
У Курского вокзала!
Она и ела, и пила,
И на трубе играла.

Ходила голая зимой,
Любила Вальтер Скотта
И открывала головой
Никитские ворота.

Паря меж небом и тюрьмой,
Она в любом контексте
Всегда была собой самой,
Всегда была на месте.

Мы с нею не были близки
И рядом не летали,
Она разбилась на куски
И прочие детали.

А я — я что, я вдаль побрел,
Ушибленный виною,
Ее тифозный ореол
Оставив за спиною.

1992

* * *

Жизнь проходит как-то глупо,
Тусклы стали будни,
Съешь в обед тарелку супа
Да тарелку студня.

Ну еще стакан компота,
Два — уже накладно.
Нет, неладно в жизни что-то,
Что-то в ней неладно.

1992



* * *

Дружно катятся года
С песнями под горку,
Жизнь проходит, господа,
Как это ни горько.

Елки-палки, лес густой,
Трюфели-опята,
Был я раньше мен крутой,
Вышел весь куда-то.

Ноу смокинг, ноу фрак,
Даже хау ноу,
У меня один пиджак,
Да и тот хреновый.

Нету денег, нету баб,
Кончилась халява,
То канава, то ухаб,
То опять канава.

Пыльной грудой в углу
Свалена посуда,
Ходит муха по столу,
Топают, паскуда.

На гвозде висит Ватто,
Подлинник к тому же,
На Ватто висит пальто,
Рукава наружу.

У дороги две ветлы,
Вдоль дороги просо,
Девки спрыгнули с иглы,
Сели на колеса.

Не ходите, девки, в лес
По ночам без мамки,
Наберете лишний вес,
Попадете в дамки.

Не ходите с козырей,
Не ходите в баню,
Ты еврей и я еврей,
Оба мы — цыгане.

1992

* * *

В одном практически шнурке
Да с носовым платком
Из дома выйду налегке
Я, замыслом влеком.

Ступая с пятки на носок,
Пойду за шагом шаг,
Мину лужок, сверну в лесок,
Пересеку овраг.

И где-то через две строки,
А может, и одну,
На берег выберусь реки,
В которой утону.

Меня накроет мутный ил
В зеленой глубине,
И та, которую любил,
Не вспомнит обо мне.

Какой кошмар — пойти ко дну
В расцвете зрелых лет!
Нет, я обратно разверну
Свой гибельный сюжет.

Мне эти берег и река
Нужны, как греке рак.
Неси меня, моя строка,
Назад через овраг.

Преодолей в один прыжок
Бездарный тот кусок,
Где, прежде чем свернуть в лесок,
Я миновал лужок.

Верни меня в родимый дом,
Откуда налегке,
Ущербным замыслом ведом,
Поперся я к реке.

Взамен того чтоб в холодке,
Колеблем сквозняком,
Висеть спокойно на шнурке,
Прикрыв лицо платком.

1992

* * *

Она лежала на кровати,
Губу от страсти закусив,
А я стоял над ней в халате,
Ошеломительно красив.

Она мою пыталась шею
Руками жадными обнять,
Ей так хотелось быть моею,
И здесь я мог ее понять.



1992



С Яной

Слева — Клара Новикова, правее — Алла Боссарт,
справа — Марк Розовский







С Петром Вайлем

С Андреем Бильжо и Михаилом Жванецким





С Дмитрием Александровичем Приговым



С Аллой и Верой



На фестивале «Золотой Остап»

С Наумом Коржавиным и Женей Бунимовичем





Открытие памятника Рабиновичу.
Одесса. «Юморина»





**С Андреем
Бильжо**



**С Юрой
Арабовым**



С Герой Дробизом и Кирой Смирновой



С Владимиром Войновичем и двумя Аллами — Боссарт и Гербер



С Григорием Гориным



**С Михаилом Липскеровым
и Валерием Угаровым.**



**С Игорем
Губерманом**



С Яшей Крейнниным и Володей Владиным в «Магазине»



С Валерой Хаитом



**С Александром Журбиным, Аркадием Ининым
и Владимиром Мотылем**



**С Семеном Файбисовичем, Григорием Чхатишвили,
Сергеем Гандлевским и Петром Вайлем**



С Еленой Георгиевной Боннер и Витей Шендеровичем. Бостон



Итого



**С Олей Саваренской, Сеней и Ларой Альтовыми.
Справа — Вадик Жук**



Со Стасом Митиным, Диной Рубиной и Эллой Митиной



С Александром Генисом в Нью-Джерси



Вера и Яна



С Андреем Бильжо в Приднєпровье



«Мне для Алки ничего не жалко...»

* * *

Не доливайте водку в пиво,
Во-первых, это некрасиво.
А во-вторых, снижает слог,
А в-третьих, просто валит с ног.

Не прочищайте пальцем носа,
На это в свете смотрят косо.
Как светских тонкостей знаток
Рекомендую всем платок.

Не зажимайте дам в парадном,
При здешнем климате прохладном
Столь безыскусный стиль сулит
Партнерам лишь радикулит.

Не гладьте брюки на ночь глядя,
Поскольку, брюки на ночь глядя,
Придется снять их все равно,
Чтобы не выглядеть смешно.

Не доверяйте акушерам,
Они завидуют в душе вам.
Когда ж придет пора рожать,
Услуг их следует бежать.

Не ешьте курицу с соседом,
По понедельникам и средам.
А впрочем, и в другие дни
Старайтесь есть ее одни.

Не все прочитанное вами
Возможно выразить словами,
Но тайный смысл заветных строк
И вам откроется в свой срок.

1993

* * *

Ничего мне так не надо,
Ничего мне так не нужно,
Как гулять с тобой по саду
Органично, ненатужно.

Как, забывши час который
И какое время года,
Наслаждаться дивной флорой —
Достиженьем садовода.

Как, обняв тебя рукою,
Чувств отдаться Ниагаре,
Как упасть с тобой в левкои
В ботаническом утаре.

И волос твоих коснуться,
И как контур возбудиться,
И забыться, и уснуть,
И вовек не разбудиться.

1993 ·

* * *

Не могу не вспомнить факта,
Происшедшего со мной,
На коне я ехал как-то
В день погожий выходной.

Ехал, значит, на коне я,
Ехал, стало быть, на нем,
У него я на спине я
Ехал я погожим днем.

Так и ехали мы двое,
По дороге семеня, —
На спине я у него я,
Между ног он у меня.

Были мы душой одною,
Были телом мы одним,
То ли он ли подо мною,
То ли я ли по-над ним.

1993

* * *

Как хорошо, что мы успели,
А ведь могли бы опоздать,
Как хорошо, что все не съели,
И даже было что поддать.

И что положено вручили,
И был к столу допущен всяк.
Как хорошо, что проскочили,
Могли б и мордой об косяк.

1993

* * *

Весь объят тоской вселенской
И покорностью судьбе,
Возле площади Смоленской
Я в троллейбус сяду «Б».

Слезы горькие, не лейтесь,
Сердце бедное, молчи,
Ты умчи меня, троллейбус,
В даль туманную умчи.

Чтобы плыл я невесомо
Мимо всех, кого любил,
Мимо тещинога дома,
Мимо дедовских могил.

Мимо сада-огорода,
Мимо Яузских ворот,
Выше статуи Свободы,
Выше северных широт.

Выше площади Манежной,
Выше древнего Кремля,
Чтоб исчезла в дымке нежной
Эта грешная земля.

Чтоб войти в чертог твой, Боже,
Сбросив груз мирских оков,
И не видеть больше рожи
Этих блядских мудаков.

1993

Скороговорка

Три Петра и два Ивана,
Два Ивана, три Петра
Просыпались утром рано
И херачили с утра.

И завидовал им, пьяным,
Двум Иванам, трем Петрам,
Трем Петрам и двум Иванам
Черной завистью Абрам.

1993

* * *

Сгущалась тьма над пунктом населенным,
В ночном саду коррупция цвела,
Я ждал тебя, как свойственно влюбленным,
А ты, ты, соответственно, не шла.

Я жаждал твоего коснуться тела,
Любовный жар сжигал меня дотла,
А ты прийти ко мне не захотела,
А ты, смотрите выше, все не шла.

Полночный сад был залит лунным светом,
Его залил собою лунный свет.
Сказать такое — нужно быть поэтом,
Так написать — способен лишь поэт.

Поэт, он кратким должен быть и точным,
Иначе не поэт он, а фуфло.
Короче, я сидел в саду полночном,
А ты, как чмо последнее, не шло.

1994

* * *

Встретил как-то раз девицу
Я в саду среди ветвей,
Хватъ ее за ягодицу —
Так и так, мол, будь моей.

Называй любую цену,
Я за ней не постою,
Хошь — в шелка тебя одену,
Хошь — в сосиску напою.

Отвечает дева юна:
Не губи, прошу добром,
Не отдам тебе иммуно-
Дефицитный свой синдром.

Я еще в начальной школе
Тот синдром приобрела
И с тех пор его для дроли
Все хранила, берегла.

Сохраняла что есть мочи,
Недотрогою росла,
И до первой брачной ночи
Донесла, не растрясла.

А как свадьбу мы сыграли,
Так наутро мил-друга
В Красну Армию забрали,
В регулярные войска.

Служит милый на границе,
Служба близится к концу,
И ему ночами снится
Все, что следует бойцу.

Стыдно стало мне, ребята,
Застучала кровь в висках,
Ведь и сам давно когда-то
Я служил в погранвойсках.

И родимая сторонка
Так же снилась мне во сне,
И ждала меня девчонка,
И хранила верность мне.

И, простившись с недотрогой,
От стыда едва живой,
Я побрел своей дорогой
Путь-дорожкой полевой.

1994

* * *

Будь я малость помоложе,
Я б с душою дорогой
Человекам трем по роже
Дал как минимум ногой.

Да как минимум пяти бы
Дал по роже бы рукой.
Так скажите мне спасибо,
Что я старенький такой.

1994

* * *

Мне для Алки ничего не жалко,
Кто бы там чего ни говорил.
Я недавно Алке зажигалку
За пятнадцать тысяч подарил.

Чтоб сумела Алка искру высечь,
От которой можно прикурить,
Мне пришлось ей за пятнадцать тысяч
Зажигалку эту подарить.

Приобрел я зажигалку эту
По такой неистовой цене,
Чтобы, прикуривши сигарету,
Вспоминала Алка обо мне.

На свои купил, на трудовые,
Те, что получил за этот стих.
Бабки, прямо скажем, ломовые,
Алка, прямо скажем, стоит их.

1994

* * *

Мужчина к женщине приходит,
Снимает шляпу и пальто,
И между ними происходит,
Я извиняюсь, черт-те что.

Их суетливые движенья,
Их крики дикие во мгле —
Не ради рода продолженья,
Но ради жизни на земле.

И получив, чего хотели,
Они, уставясь в потолок,
Лежат счастливые в постели
И пальцами шевелят ног.

1995

* * *

Т. Догилевой

Наш Ту-154,
Смекалки русской буйный плод,
Над территорией Сибири
Вершил свой плановый полет.

Под самолетное гуденье
В момент набора высоты
Я погрузился в сновиденье,
Где фигурировала ты.

И лишь в него я погрузился,
Как вдруг, ну прямо как живой,
Явился и не запылится
Мне незабвенный образ твой.

Короче говоря стихами,
На полном, так сказать, лету,
Дыша французскими духами,
Возник он прямо на борту.

Являя всю себя народу,
Ты, внешних данных не тая,
Передвигалась по проходу
(Аллитерация моя. — И.И.).

В руках неопытных держала
Младенца ты не тем концом
И что-то смутно выражала
Своим неправильным лицом.

С подобным выраженьем каждый
Смотрел на мир тогда, когда
Бывал он матерью однажды
Или хотя бы иногда.

...Турбины мощные шумели,
Пилот в руке сжимал штурвал,
В салоне плакали и пели,
И кто-то даже вышивал.

Лишь я один не шевелился,
Боясь спугнуть волшебный сон,
Пока он с глаз моих не скрылся,
В другой проследовав салон.

Как жаль, что в некогда могучей,
В единой некогда стране
Столь яркий материнства случай
Увидишь разве что во сне.

1995

* * *

Стихи мои, простые с виду,
Просты на первый только взгляд,
И не любому индивиду
Они о многом говорят.

Вот вы, к примеру бы, смогли бы
В один-единственный присест
Постичь их тайные изгибы
И чудом дышащий подтекст.

Да я и сам порой, не скрою,
Вдруг ощущаю перегрев
Всей мозговой своей корою,
Пред их загадкой замерев.

В них разом густо, разом пусто,
А иногда вообще никак,
Но всякий раз из них искусство
Свой подает товарный знак.

Идет в моем культурном слое
Неуправляемый процесс,
Формально связанный с землею,
Но одобряемый с небес.

1995

* * *

Кончилось время военных походов,
Мирное время берет свой разбег,
Славься великая дружба народов,
Ельцин и Клинтон — братья навек!

Выколем глаз, кто былое помянет,
Нам ли сегодня грустить о былом.
Клинтон и Ельцин сидят на диване,
Ельцин и Клинтон лежат под столом.

Клинтон и Ельцин кружат над планетой,
Людям Земли посылая привет.
Есть ли картина прекраснее этой?
Этой картины прекраснее нет.

Мог ли об этом когда-то мечтать я?
Нет, и мечтать я об этом не мог!
Ельцин и Клинтон — сиамские братья.
Клинцин и Ельтон — наш общий итог.

1995

Пастораль II

Как увидишь над пашнею раду —
Атмосферы родимой явление,
Так подумаешь — мать твою за ногу!
И застынешь в немом изумлении.

Очарован внезапною прелестью,
Елки, думаешь, где ж это, братцы, я?
И стоишь так с отвисшею челюстью,
Но потом понимаешь: ДИФРАКЦИЯ.

1995

* * *

Одиноко брожу средь толпы я
И не вижу мне равного в ней.
До чего же все люди тупые,
До чего же их всех я умней.

Все другие гораздо тупее,
Нет такого, чтоб равен был мне.
Лишь один себе равен в толпе я.
Лишь один. Да и то не вполне.

1996

* * *

Уход отдельного поэта
Не создает в пространстве брешь,
В такой большой стране, как эта,
Таких, как мы, — хоть жопой ешь.

Не лейте горьких слез, мамаша,
Жена, не бейся об порог,
Тот, кто придет на место наше,
Создаст вакансию в свой срок.

И снова, натурально, слезы,
Транспортировки скорбный труд,
Друзей искусственные позы,
Шопен опять же тут как тут.

Но не прервется эстафета
И к новому придет витку,
В такой большой стране, как эта,
(См. четвертую строку).

И новым женам и мамашам
Настанет свой черед рыдать...
А мы не сеем и не пашем —
За это можно все отдать.

1996

* * *

Мой друг, побудь со мной вдвоем,
Вдвоем со мной наедине,
Чтоб каждый думал о своем:
Я — о себе, ты — обо мне.

Пусть в окружающей тиши,
Располагающей ко сну,
Две одинокие души
Сплетутся в общую одну.

Чтоб узел их связал двойной
В одно единое звено,
Мой друг, побудь вдвоем со мной
И я с тобою заодно.

Мой друг, ты мне необходим,
Не уходи, со мной побудь,
Еще немного посидим
Вдвоем с тобой на чем-нибудь.

1996

* * *

Порой мне кажется, как будто
Вы в грезе мне являлись где-то,
Во что-то легкое обута,
Во что-то светлое одета.

С ленивой грацией субретки,
В призывной позе нимфоманки
Сидели вы на табуретке,
Лежали вы на оттоманке.

Причем ну ладно бы сидели,
Да пес с ним — хоть бы и лежали,
Но не меня в виду имели
И не меня в уме держали.

И не унизившись до просьбы,
Я вас покинул в экипаже,
Хотя и был совсем не прочь бы
И даже очень был бы даже.

1996

* * *

Выхожу один я на дорогу
В старомодном ветхом шушуне,
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
Впрочем, речь пойдет не обо мне.

На другом конце родного края,
Где по сопкам прыгают сурки,
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.

Три ложноклассических японца —
Хokusай, Басё и Як-Цидрак
Сговорились до восхода солнца
Наших отметить только так.

Хорошо, что в юбочке из плюша,
Всем известна зренья остротой,
Вышла своевременно Катюша
На высокий на берег крутой.

И направив прямо в сумрак ночи
Тысячу биноклей на оси,
Грянула Катюша что есть мочи:
— Ну-ка брысь отседа, иваси!

И вдогон добавила весомо
Слово, что не с ходу вставишь в стих.
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.

Я другой страны такой не знаю,
Где оно так распространено.
И упали наземь самураи,
На груди рванувши кимоно.

Поделом поганым самураям,
Не дождется их япона мать.
Вот как мы, примерно, поступаем,
Если враг захочет нас сломать.

1996

* * *

Я в юности во сне летал
И так однажды навернулся,
Что хоть с большим трудом проснулся,
Но больше на ноги не встал.

С тех пор лежу я на спине,
Хожу — ну разве под себя лишь.
Уж лучше б ползал я во сне.
Так ведь всего ж не просчитаешь.

1996

* * *

Л.Новожену

Был ты, Лева, раньше бедный,
Лишь один имел пиджак,
Жил-тужил на грошик медный
И питался кое-как.

До зарплаты в долг канючил:
«Гадом буду, старичок»,
Да курил «Пегас» вонючий,
Да вонючий пил «сучок».

А теперь под облаками
Ты свой, Лева, правишь бал
И своими пиджаками
Всю Москву заколебал.

Ты меня измучил прямо,
Дырку сделал в голове,
Неизбежный, как реклама
На канале НТВ.

Каждый вечер, сидя дома,
Я в тебя вперяю зрак.
Ты — ведущий, я — ведомый,
Ты — начальник, я — дурак.

Впрочем, Лева, эта шутка
Нам понятна лишь двоим,
Симпатичен ты мне жутко
Внешним имиджем своим:

Скорбь библейская во взоре,
Неизбывный груз забот,
И вокруг чужое горе,
И оно тебя, Лева,
 глубоко по-человечески трогает.

Впрочем, Лева, наше слово
Всех больных не исцелит.
Ты ж не мать Тереза, Лева,
И не доктор Айболит.

Так что дуй по жизни, Лева,
Невзирая ни на что —
Все не так уж и фигово,
Пятьдесят — еще не сто.

1996

* * *

Женщины носят чулки и колготки
И равнодушны к проблемам культуры.
20% из них — идиотки.
30% — набитые дуры.

40% из них — психопатки.
Это нам в сумме дает 90.
10% имеем в остатке.
Да и из этих-то выбрать не просто.

1997

Короткие встречи

* * *

Как-то в штрафной Марадону я встретил,
Первенства мира был, помню, финал.
Я сделал вид, что его не заметил,
Он сделал вид, что меня не узнал.

* * *

Встретил Толстого я как-то за плугом,
Оба отделались легким испугом.

* * *

С Папою Римским тут в лифте столкнулся
Прямо в разгаре рабочего дня,
Я отвернулся, и он отвернулся,
Я — от смущения, он — от меня.

* * *

Мы с Ельциным встречались мало,
Все было как-то недосут,
То он пролетом из Непала.
То я проездом в Кременчуг.

* * *

С Николаем встречался я Первым,
Петербургом гуляя сырым,
Он обычно здоровался первым,
А прощался обычно вторым.

* * *

Встретился с Лайзой я как-то Миннелли
На Павелецком вокзале у касс,
Оба в какой-то момент онемели,
Но подошла электричка как раз.

* * *

С N встречали мы рассвет.
Я-то встретил, он-то нет.

* * *

На перекрестке встретясь с Пьехой,
Не мог поверить я глазам,
Махнул рукой — давай, мол, ехай, —
И Пьеха резко по газам.

* * *

Почему-то с Вадимом Жуком
От жены я встречаюсь тайком,
Но при этом с женою Хаита
Почему-то встречаюсь открыто.

1997

* * *

Три раза в ЗАГС меня водили,
Три раза Мендельсон звучал,
Я извивался и кричал,
А вы глаза лишь отводили.

Рвалось к свободе естество
Мое высокое, а вам бы
Хотелось только одного,
Всем трем, — заветной этой блямбы.

Как ненавижу я всех вас,
И в ЗАГС вам вольного поэта
Не затащить в четвертый раз,
Чего б ни стоило мне это.

1997

* * *

Страна моя не так уж и проста,
Как кое-кто наивно полагает,
Не подставляет каждому уста,
Не перед каждым ноги раздвигает.

Немало в ней таится разных «но»,
Неразличимых посторонним взором.
Понять ее от века не дано
Заезжим верхолазам-гастролерам.

Вся — тайна, вся — загадка, вся — секрет,
Неразрешимый ни людьми, ни Богом.
Другой такой на целом свете нет,
И это, кстати, говорит о многом.

1998

День открытых дверей

Первым к нам пришел Василий,
Хоть его и не просили.
А потом пришел Олег —
Неприятный человек.
А потом пришел Аким,
Непонятно за каким.
А потом и Валентин,
Просто редкостный кретин.
А потом еще Вадим
(Девятнадцать раз судим).
А потом еще Андрей,
Хоть бы сдох он поскорей!
Навестил нас также Фима,
Хоть бы раз прошел он мимо.
А за ним ввалился Павел,
Три часа мозги всем парил.
Очень кстати и Ванек
Заглянул на огонек.
Тут же следом и Витек,
Этот сразу хоть утек.
Только дух перевели,
Как приперлась Натали,
Приведя подругу Шуру,
Феерическую дуру.
А потом нагрянул Стас,
Это был вообще атас.
А потом невесть откуда,
Непонятно почему,

Вдруг возникла эта Люда
(Люда — полное му-му).
А потом явился Марк
И по морде Люду — шварк!
А когда пришел Илья,
То не выдержал и я.
Все.

1998

* * *

Я не ханжа, не фарисей
И твердо заявляю это —
Мы впереди планеты всей
Не только в области балета.

Чтоб не прервалась жизни нить,
Чтоб не накрыться медным тазом.
Мы пили, пьем и будем пить
Наперекор любым указам.

Ввиду отсутствия дорог,
Метафизическое пьянство
Есть не общественный порок,
Но пафос русского пространства.

Мы проспиртованы насквозь,
Внутри нас все перебродило,
Но знаменитое «авось»
Ни разу нас не подводило.

1998

* * *

Чей портрет на стенке в школе
Под стеклом висел всегда?
Чья знакома нам до боли
С малолетства борода?

Кто попал однажды в точку,
Спирт, как надо, разведя?
Кто за Блока выдал дочку
Без единого гвоздя?

Элементов всех таблицу
Кто увидел в страшном сне?
Кем Россия вся гордится,
А евреи так вдвойне?

Чей из всех из юбилеев
Самый, дети, основной?
Это, дети, Менделеев
Дмитрий Иванович наш родной!

1998

* * *

Что-то главное есть в винегрете,
Что-то в нем настоящее есть.
Оттого в привокзальном буфете
Я люблю его взять да и съесть.

Что-то в нем от холодной закуски,
Что-то в нем от сумы и тюрьмы.
Винегрет — это очень по-русски,
Винегрет — это, в сущности, мы.

Есть в нем что-то, на вид неказистом,
От немереных наших широт...
Я бы это назвал евразийством,
Да боюсь, что народ не поймет.

1998

Плач по атаману

Гей ты, Петр Афанасьич,
Удалой наш куренной,
Ты лежишь, упавши навзничь,
Из груди сочится гной.

По Донской степи ковыльной
Стелет сотня злой намет,
Телефон звонит мобильный,
Друга милого зовет.

Аль и впрямь даешь ты дуба,
Сердце греючи врагу,
Так кому ж теперь мы «любо!»
Грянем хором на кругу?

Кто, коня огревши плетью,
Рубанет жидя сплеча
В атаманском кабинете
Под портретом Ильича?

Вороной твой «шестисотый»
Над тобой копытом бьет.
Весь ты век прожил босотой,
Все отдал ты за народ.

Ты весь Дон прошел с боями,
А оставил по себе
Лишь недвижимость в Майами
Да расписку в КГБ.

1998

* * *

Я всю Америку проехал
Буквально вдоль и поперек,
Но, хоть убей меня, не въехал,
Кому там нужен Игорек.

Нет, никому он там не нужен
Как гражданин и как поэт,
Там каждый лишь собой загружен,
А до меня им дела нет.

Они устроены иначе
В связи с отсутствием корней,
Пусть в чем-то нас они богаче,
Но в чем-то главном мы бедней.

Я заработал там не много,
Хотя немало повидал,
Была оправдана дорога,
Чего никто не ожидал.

И вот теперь я снова дома,
Среди родных берез и стен.
Мне все до боли здесь знакомо
И незнакомо вместе с тем.

Вернулся я к родным пенатам,
Где, подведя итог земной,
Седой патологоанатом
Склонится молча надо мной.

1999

* * *

Возьмем, товарищи, козла,
Чей внешний вид весьма противен,
Его концепция гнила
И общий вектор негативен.

Теперь пойдем возьмем бобра,
Но — чтоб не рухнула плотина.
Его наружность пусть мокра,
Но сущность в целом позитивна.

Картины мировой разлом
Меж их проходит полюсами,
И мы в борьбе бобра с козлом
Должны свой выбор сделать сами.

1999

* * *

Средь шумной халявной тусовки,
Где запросто вилки крадут,
Я встретил небесной фасовки
На диво стерильный продукт.

В углу притулившись несмело
На периферии стола,
Она нечто постное ела
И легкое что-то пила.

Взирая на хрупкое чудо,
Мешая с бурбоном вино,
Я думал — откуда, откуда
Она здесь, вернее, оно?

Что общего в ней с этим местом,
Где зверя витает число?
Каким, извиняюсь, зюйд-вестом
Ее в сей вертеп занесло?

Меж тем запустили цыганов,
В гостиной затеяли штос,
И рядом стоящий Зюганов
Влепил мне дежурный засос.

И я, человек закаленный
И трезвый не то чтоб всегда,
Поймав ее взгляд изумленный,
Покрылся румянцем стыда.

Вот так, среди адского чада,
Свой свет несказанный лия,
Явилася мне Хакамада,
Неспетая песня моя.

1999

* * *

Лежишь бессонными ночами
И вспоминаешь со стыдом,
Как пил вчера со сволочами
И приглашал мерзавцев в дом.

А завтра те же мизерабли,
Хоть повод вроде не даешь,
Тебе протягивают грабли,
И, что ж вы думаете? Жмешь.

1999

Народ. Вход-выход

Когда я вышел из народа,
Мне было двадцать с чем-то лет.
Оставлен напрочь без ухода,
Небрит, нечесан, неодет,
Я по стране родной скитался
Пешком, голодный и худой,
Сухою корочкой питался,
Сырою запивал водой.
Но годы шли, летели годы,
Короче, где-то через год,
Наевшись досыта свободы,
Решил я вновь войти в народ.
Ему я в пояс поклонился,
Как пионеры Ильичу:
Прости, народ, я утомился
И снова быть в тебе хочу.
Прими меня в свои объятия,
В свои холщовые порты,
Готов за это целовать я
Тебя, куда укажешь ты.
Прости мне прежние метанья,
Мои рефлексии прости,
Прости фигурное катанье
На трудовом своем пути.
Ты дан навеки мне от Бога,
Ты мой навеки господин.
Таких, как я, довольно много,
Таких, как ты, — всего один.
Кто есть поэт? Невольник чести.
Кто есть народ? Герой труда.
Давай шагать с тобою вместе
По жизни раз и навсегда.
Так я стenal, исполнен муки,
В дорожной ползая пыли,
И, видно, пламенные звуки

Куда положено дошли.
Внезапно распахнулись двери
С табличкой «Enter» т. е. «Вход»,
И я, глазам своим не веря,
Увидел собственно народ.
Он мне совсем не показался,
Хоть дело было ясным днем,
Он как-то сильно не вязался
С расхожим мнением о нем.
Он не был сущим и грядущим
В сиянье белоснежных крыл,
Зато он был довольно пьющим
И вороватым сильно был.
Я ослеплен был идеалом,
Я в облаках всю жизнь витал,
А он был занят черным налом
И Цицерона не читал.
Он не спешил в мои объятья,
И тут я понял, что народ
Есть виртуальное понятие,
Фантазии поэта плод.
И понял я, что мне природа
Его по-прежнему чужда,
И вновь я вышел из народа,
Чтоб не вернуться никогда.

1999

* * *

Моя неизбывная вера
Незнамо в кого и во что
Достигла такого размера,
Что еле влезает в пальто.

Такого достатка картины
Рисует рассудок больной,
Что пламенный лох Буратино —
Печорин в сравненье со мной.

И глаз не смыкая бессонных,
Мечтаю всю ночь в тишине,
Как в белых солдатских кальсонах
Спешит мое счастье ко мне.

1999

* * *

Прелюдией Баха хоральной
Наполнив квартиры объем,
Душой ощущаю моральный
Последнее время подъем.

Казалось всегда — на фига нам
Унылый напев немчуры,
А ныне, пленен Иоганном,
Иные постиг я миры.

За ангелов дивное пенье
У райских распахнутых врат,
За дивные неги мгновенья
Спасибо, далекий камрад.

Затянут рутины потоком,
Воюя за хлеба кусок,
Я редко пишу о высоком,
Хотя интеллект мой высок.

Но чувствую в области паха
Предательский я холодок,
Едва лишь прелюдии Баха
Заслышу протяжный гудок.

1999

Из хорватского дневника

Сказать по правде, никогда симпатии
Я к братии двуногой не питал,
Но прошлым летом, будучи в Хорватии,
К хорватам это чувство испытал.

Открытые, беспечные, наивные,
Простые, как дубовая кора...
Я полюбил их песни заунывные
И медленные танцы у костра.

Они едят душистые корения
И лакомятся медом диких пчел...
Я им читал свои стихотворения
И это, кстати говоря, прочел.

Исполненный высокого служения,
Я, бремя белых тяжкое неся,
Дал им азы таблицы умножения,
При том, что мне она известна вся.

А на прощанье лидеру их племени,
Чтоб родины поднять авторитет,
Торжественно вручил я бюстик Ленина,
А он мне — банку «Гиннеса» в ответ.

1999

Из хорватского дневника II*

На полу стоит кроватка,
Маленькие шишечки,
А на ней лежит хорватка,
Маленькие сисечки.

1999



*В соавторстве с А.Боссарт.

* * *

Как это исстари ведется
И в жизни происходит сплошь,
Он незаметно подкрадется,
Когда его совсем не ждешь.

И ты узришь в дверном проеме
Его суровые черты.
Во всем пугающем объеме
Их абсолютной полноты.

1999

Баллада о железном наркоме

Москве товарищ Каганович
Нанес неслыханный урон,
И за сто лет не восстановишь
То, что разрушил за год он.

Привык он действовать нахрапом,
Колол рукою кирпичи,
Недаром сталинским сатрапом
Его дразнили москвичи.

Давно его истлели кости
В могиле мрачной и сырой,
Гуляет ветер на погосте
Ненастной зимнею порой.

Но раз в году, в глухую полночь,
Нездешней силою влеком,
Встает из гроба Каганович,
Железный сталинский нарком.

Встает буквально раз за разом
Железный член Политбюро,
И всякий раз подземным лазом
В метро ведет его нутро.

Вот в освещенные просторы
Ступает он из темноты,
К нему привыкли контролеры,
Его не трогают менты.

Ему спуститься помогают.
— Здорово, деда, — говорят.
Его уборщицы шутают
И добродушно матерят.

Плядит вокруг суровый Лазарь,
Волнения не в силах скрыть,
Ведь это он своим приказом
Народ метро заставил рыть.

Кто, как не он, рукой железной
Людские массы в бой ведя,
Осуществил сей план помпезный,
Дабы порадовать вождя.

Плуша коньяк, дрожа от страха,
Тащил свой груз он как ишак,
Не раз ему грозила плаха,
Не раз светил ему вышак.

Кто укорить его посмеет,
Что избежал он топора?
А что он с этого имеет?
Участок два на полтора.

Он, лбом своим пробивший стену,
Согнувший всех в бараний рог,
Дал имя метрополитену,
Но, правда, отчества не смог.

...Вновь погружается в потемки
Наркома черная душа,
Вокруг товарищи потомки
Спешат, подошвами шурша.

Их дома ждет холодный ужин
И коитус, если повезет.
И, на хер никому не нужен,
Нарком на кладбище ползет.

“Этo ктo тaкoй
красивый...”







Случай возле бани

Атос, Портос и Арамис
Однажды в баню собрались.
Они туда по вторникам ходили.
Атос принес с собой насос,
Портос — шампуня для волос,
А Арамис — мочалку (де Тревиля).

Стоял погожий банный день.
У Нотр-Дам цвела сирень,
А в Лувре тихо музыка играла.
И надо ж было в этот час
Случиться вдруг у банных касс
Гвардейцам господина кардинала.

Отвесив вежливый поклон,
Сказал гвардейцам дю Валлон,
Известный всем под именем Портоса:
— Я рад приветствовать вас здесь,
Но нам в парилку всем не влезть,
Там, господа, не хватит места просто.

Я предлагаю вам пока
Махнуть по кружечке пивка
Или по парку погулять немного,
А часиков примерно в пять
Вернетесь вы сюда опять —
И парьтесь на здоровье, ради бога.

На что гвардеец де Жюссак,
Красавец в завитых усах,
Всегда подтянут, выбрит и надушен,
Ответил, взявшись за эфес:
— Раз в бане не хватает мест,
Придется, господа, вам мыться в душе.



В ответ на эту речь Атос
Мгновенно выхватил насос,
Портос — шампунь, а Арамис — мочало,
И, встав в порядок боевой,
Атаковали вражий строй —
Решительность всегда их отличала.

Но в схватке ни один не пал —
По счастью, кто-то прочитал
Висевшее над входом объявление:
«Сегодня в бане пару нет —
У нас котел не разогрет.
Месье, примите наши извиненья».

Про это дело кардинал
Через миледи разузнал
И принял кардинальное решение —
Чтоб понапрасну кровь не лить,
Он бани приказал закрыть,
А банщиков казнить для устрашения.

Пират дядя Петя

Дядя Петя, мамин брат,
По профессии пират,
Из-за слабого здоровья
Падал в обморок от крови,
А от качки килевой
Целый день ходил не свой.
Если дружный экипаж
Судно брал на абордаж,
Где был храбрый дядя Петя?
Ну конечно, в лазарете.
И пока свистели пули,
Потихоньку ел пилюли.
И, заслышав пушек гром,
Пил не ром, как все, а бром.
Но когда он в отпуск свой
Приезжал к себе домой,
То, едва надев камзол,
Становился дик и зол.
Он по городу гулял
И по вывескам стрелял,
На высоких каблуках
С острой саблей в руках.

1980

— Н

и за что не догадаешься, что я при-

готовил тебе в подарок. — хитро прищурившись, сказал папа, входя в Никитину комнату и держа руки за спиной.

Сердце Никиты сладко заныло, голос от волнения пропал, он еле слышно прошептал:

— Неужели автомат?

Папа прищурился еще хитрее и отрицательно помотал головой.

— Конструктор! — радостно выпалил Никита и, не выдержав, захлопал в ладоши.

— М-м, — сказал папа, почти зажмурив глаза от еле сдерживаемого торжества.

— Бадминтон! — не веря своему счастью, закричал Никита и подпрыгнул чуть ли не до потолка.

У папы от смеха потекли из глаз слезы.

— Все равно не догадаешься, — сказал он и, достав руку из-за спины, показал Никите покрасневший от напряжения кукиш.

1980



Вожатый и трамвай

Что за ужас, ай-ай-ай!
Мчится под гору трамвай.
А за ним бежит вожатый
С головой в дверях зажатой.
Вышел он на остановке,
Чтобы выпить газировки,
Очень жажду иногда
Утоляет нам вода.
В это время тормоза ли
У трамвая отказали,
Или кто-то шутки ради
Подтолкнул беднягу сзади,
Только, с ходу взяв разгон,
Сам поехал вдруг вагон.
И за ним со страшным топом,
Не допив стакан с сиропом,
Но в руке его держа,
Наш вожатый побежал.
Вот бежит он за трамваем,
Вешним ветром овеваем,
И у самого кольца
Настигает беглеца,
Головой бодает дверь
И ревет, как дикий зверь:
— Граждане пассажиры,
Своевременно и правильно
Оплачивайте свой проезд.
Не имеющие разменной монеты,
Покупайте абонементные книжечки.

Удивились пассажиры:
— Ты чего кричишь, служивый?
Опустили мы монеты,
Оторвали мы билеты,
Едем тихо, честь по чести,
На своем законном месте.
И вообще, ты кто такой,
Чтоб тревожить наш покой?!
Мы тебя не знаем даже,
Мы вожатому все скажем.
Тут вожатый входит в раж.
— Я, — кричит, — вожатый ваш.
Вышел я на остановке,
Чтобы выпить газировки,
Но пока я сдачу брал,
От меня трамвай удрал,
И от Яузских ворот
Я бежал, смеша народ.
Я догнал вас еле-еле,
Рад, что все вы уцелели,
Все прекрасно, но теперь
Я прошу открыть мне дверь.
У вожатых, как известно,
Есть положенное место,
И, прошу меня понять,
Я спешу его занять.
Обещаю, что кабину
Я отныне не покину,
Газированную воду
Позабуду на три года
И даю себе зарок —
Пить один морковный сок.



Тут старушка рядом с кассой
Говорит приятным басом:
— Мы тебе, вожатый, верим,
Мы тебе откроем двери.
Ты внутри трамвая нужен
Даже больше, чем снаружи.
Раз уж ты частично здесь,
Так и быть, присутствуй весь.
И когда ведешь трамвай
Больше рот не разевай.

1981



Портрет

На стене висит картина,
Холст, обрамленный в багет,
Нарисован там мужчина
Тридцати примерно лет.

У него густые брови
И холеные усы,
Он отменного здоровья
И невиданной красоты.

На груди его медали
В честь немыслимых побед.
Да, друзья,
Вы угадали,
Это мой висит портрет.

1981



Иван Петрович и какаду

Как-то раз Иван Петрович
Летним днем гулял в саду
И увидел там на ветке
Попугая какаду.

— Добрый день, Иван Петрович,
Вдруг промолвил какаду. —
Что-то вас давно не видно
В нашем маленьком саду.

Ничего Иван Петрович
Не ответил какаду.
Не привык он с кем попало
Разговаривать в саду.

1982



Это кто?

Считалочка для одного

Это кто такой красивый вдоль по улице идет?
Это я такой красивый вдоль по улице иду.
Это кто такой везучий кошелек сейчас найдет?
Это я такой везучий кошелек сейчас найду.

Это кто такой проворный кошелечек подберет?
Это я такой проворный кошелечек подберу.
Это кто его, чистюля, аккуратно оботрет?
Это я его, чистюля, аккуратно оботру.

Это кто его откроет, от волнения чуть дыша?
Это я его открою, от волнения чуть дыша.
Это кто такой наивный не найдет там ни гроша?
Это я такой наивный не найду там ни гроша.

Это кто такой поникший вдоль по улице идет?
Это я такой поникший вдоль по улице иду.
Это кто свою находку тихо за угол кладет?
Это я свою находку тихо за угол кладу.

1982

Сцена у фонтана

Однажды я гулял по парку, и ко мне подошел

какой-то дядя с фотоаппаратом на шее. На голове у него была белая шапочка с козырьком, а на рукаве — повязка с надписью «фото».

— Хочешь сфотографироваться? — спросил меня дядя.

— Не знаю, — сказал я.

— Как это не знаешь? Такой хороший мальчик, а не знает, хочет ли он сфотографироваться. Вот я, когда был маленьким, очень любил сниматься. Ну-ка давай я тебя щелкну на память о нашей встрече, а потом ты скажешь мне свой адрес, и я вышлю тебе снимки по почте. Знаешь, как мама с папой обрадуются.

Я подумал, что маме с папой действительно может быть приятно. Они у меня такие вещи любят.

— Ладно, — говорю, — куда мне встать?

Дядя поставил меня спиной к фонтану и отошел на несколько шагов.

— Стой смирно и смотри в объектив, — сказал он, — сейчас вылетит птичка.

— Не вылетит, — сказал я.

— Это еще почему? — удивился дядя.

— Потому что там впереди линза.

— Ишь ты, — сказал дядя, — акселерат, понимаешь. Ладно, тогда просто так смотри. Только не шевелись.

— Не шевелиться я не могу. Это будет неестественно. Вы лучше выдержку поменьше поставьте.

— Чего-о?

— Выдержку. При этой освещенности должно хватить.

— С тобой никакой выдержки не хватит, — сказал дядя, но выдержку все-таки перевел.

— Готов? — спросил он.

— Я-то готов, а вот вы, по-моему, нет. Диафрагму нужно приоткрыть. На одно деление.

Дядя достал из кармана большой платок и вытер лоб. Потом перевел диафрагму.

— Можно?

— Что-то мне по свету не нравится. Рисунок как-то не чувствуется. Вы немножко правей встаньте, а я на вас развернусь.

— Он еще мне будет указывать, где стоять, — возмутился дядя. — Я на этом месте стоял, еще когда твоя мамка под стол пешком бегала. Молод еще, понимаешь!

Он полез в карман, достал из жестяной коробочки какую-то белую таблетку и положил под язык. Потом встал на то место, которое я ему показал.

— Ну теперь-то можно?

— На фоне фонтана? — спросил я. — Может вы туда еще кадку с фикусом поставите? Так теперь даже на рынках не снимают. Ракурс нужно искать. Выразительную точку.

— Стар я уже твои точки искать. Семья у меня. Внуки тебе ровесники. Ладно, говори, где тебя снимать, только побыстрее. У меня план двести рублей в день, а я с тобой тут уже на триста наговорил.

— Давайте я спрячусь за дерево, потом вы меня позовете, я высунусь, и тут вы меня снимете.

— Надоели мне твои фокусы, — сказал дядя, — прячься где хочешь.

Потом он записал мой адрес и говорит:

— Слушай, а ты не торопишься?

— Нет.

— Тогда, может, ты меня щелкнешь разок? Сколько лет работаю, хоть бы раз кто снял.

— Давайте, — говорю.

— Только, пожалуйста, без этих ракурсов. По-нашему, по-простому. Эх, жаль, фикуса нет. Ничего, к следующему сезону пробьем.

Он встал к фонтану руки по швам, развернул плечи, надул живот и, выгаращив глаза, крикнул:

— Давай!

Я нажал на спуск, и тут вдруг из аппарата вылетела птичка. Честное слово! А может, просто воробей в это время пролетал.

Я не знаю.



Точный адрес

Мы живем недалеко,
Нас найти совсем легко.
Сперва направо вы пойдете,
Потом налево повернете,
И прямо тут же, за углом,
Семиэтажный будет дом.
Такой большой красивый дом,
Но только мы живем не в нем.
Потом войдете вы во двор
И там увидите забор.
В заборе этом есть дыра,
Ее мы сделали вчера.
Но через эту дырку лезть
Старайтесь осторожно,
Там потому что гвозди есть
И зацепиться можно.
Потом свернете резко вправо
И упадете там в канаву.
Пугать вас это не должно,
Поскольку так заведено.
В нее все падают всегда,
Но вылезают без труда.
Потом на землю нужно лечь
И метров сто ползти,
Потом придется пересечь
Трамвайные пути.
А дальше будет детский сад,
А рядом с садом автомат,
Где вам по номеру «05»
Помогут адрес наш узнать.
Ведь мы живем недалеко
И нас найти совсем легко.

1983

Песенка о бесхвостой кобыле

Печальна и уныла
По улице села
Бесхвостая кобыла
Бессмысленно брела.

В глазах ее застыла
Безбрежная печаль,
И было всем кобылу
Ни капельки не жаль.

«Тому, кто в жизни этой
Родился без хвоста,
Пути другого нету,
Чем вниз сигать с моста».

Так думала кобыла,
Соломинку грызя,
И так ей тошно было,
Что передать нельзя.

Вы, лошадь, зря раскисли,
Вы, лошадь, не правы,
Вам нужно эти мысли
Прогнать из головы.

Замечу по секрету,
Что выход очень прост —
Достаточно поэту
Пришить кобыле хвост.



И тут же к вам вернется
Былая красота,
И счастье улыбнется
Вам с кончика хвоста.

1984

Сколько будет четырежды три?

Я уже очень давно просил папу пойти со мной

на Птичий рынок, но у него все не было времени. И вот в воскресенье за завтраком он, как бы между прочим, спросил у мамы:

— Есть у нас какие-нибудь претензии к нашему сыну?

— Да вроде бы нет, — задумчиво сказала мама, — если не считать, конечно, этой ужасной привычки разговаривать с набитым ртом.

— Ну, это дело поправимое. А в остальном все в порядке?

— По-моему, да, — сказала мама, — а к чему ты, собственно, клонишь?

— Я клоню к тому, что решил поехать с ним сегодня на Птичий рынок.

— Ура! — закричал я.

— И что же вы там собираетесь купить? — спросила мама дрогнувшим голосом.

— Ну почему обязательно что-то покупать? Погуляем на свежем воздухе, познакомимся с представителями фауны.

— Между прочим, один такой представитель сегодня утром сгрыз мои шлепанцы, — сказала мама и посмотрела на эрделя Тотошу, который лежал в углу и делал вид, что эти слова к нему не относятся.

— Ладно, — сказал папа, — это все детали. Главное, что я принял решение, а своих решений, как вам известно, я не отменяю никогда. Одевайся, и поехали.

...Мы ходили по рынку уже два часа, когда в самом дальнем углу у забора я увидел дядю в длинном пальто и

смешной вязаной шапочке с помпоном. Из-за пазухи у него торчала голова попугая.

— Извините, пожалуйста, — сказал я, — как называется ваш попугай?

— Ара, — сказал дядя.

— А он говорить умеет?

— Он все умеет. Он даже таблицу умножения знает.

— Не то что некоторые, — сказал папа. — А как его зовут?

Попугай отвернулся и уткнулся в лацкан дядиного пальто.

— Гриша его зовут, — сказал дядя. — Гриша хорошая птичка. Возьмите, задешево отдам.

— А характер у него как? — спросил папа.

— Изумительный характер. С таким характером человека не найдешь, не то что попугая.

— Добрый, значит? — обрадовался папа. — Гриша добрая птичка, да? — и погладил попугая по голове.

Попугай резко повернулся и клюнул папу в руку.

— Эй, ты чего? — крикнул папа. — Ты чего это, брат, дерешься?!

— Играет, — объяснил дядя, — он у меня игрун редко-стный. Возьмите, не пожалеете.

— Ну пусть хоть что-нибудь скажет, — попросил я.

— Гриша, скажи мальчику — какое сегодня число?

Попугай презрительно посмотрел на меня и отвернулся.

— Гриша, — ласково попросил дядя, — ну будь умницей, скажи нам, какое сегодня число.

При этом он незаметно показал попугаю кулак. Но я заметил. И попугай, по-моему, тоже.

— Замерз, наверное, — сказал дядя. — Мы тут с утра стоим. Ничего, дома отогреется и такое вам расскажет!

— А он меня слушаться будет? — спросил я.

— О чем разговор, конечно. Он у меня знаете какой послушный! Правда, Гриша?

В ответ попугай отрицательно помотал головой.

— Что-то я не ощущаю особенного энтузиазма с его стороны, — сказал папа.

— Может, он больной? — испугался я.

Попугай закатил глаза и свесил голову на бок.

— Врет он все, — сказал дядя, — здоров как бык. Ну-ка, хватит придуриваться!

— Я все понял, — сказал папа. — Он просто не хочет, чтобы вы его продавали. Правда, Гриша?

Попугай кивнул головой.

— Может, он к вам привык? — спросил я.

Попугай опять кивнул и потерся о дядин шарф.

— Вообще-то, пожалуй, это к лучшему, — сказал папа, — представляешь, что бы он нам дома устроил?

Попугай закивал изо всех сил и оторвал помпон на дядиной шапочке.

— Вот-вот, — сказал папа, — примерно это я и имел в виду.

— Ну ладно, — вздохнул дядя, — ничего не поделаешь, пошли домой. Век мне с тобой, видно, маяться.

— Ур-ррра! — закричал попугай, — Гр-р-риша хор-рроший!! Мор-р-рально здор-р-ров!! Четыр-режды тр-рри тр-ринадцать!!!

— Между прочим — двенадцать, — сказал я.

— Это он от радости, а так-то знает, — сказал дядя и зашагал выходу.

1985



Точность — вежливость королей

В воскресенье утром мы решили с папой пойти

в парк культуры.

— Тыщу лет там не был, — сказал папа, — последний раз, помню, мы с мамой туда ходили. На первом курсе. Сперва я ее на лодке катал, а потом в кафе угощал шоколадным пломбиром.

— Если мне не изменяет память, — сказала мама, — на лодке тебя в основном катала я. Как только мы оттолкнулись от берега, выяснилось, что ты совершенно не умеешь грести. А пломбир, и это я помню абсолютно точно, был вовсе не шоколадный, а обыкновенный сливочный.

— Кто там из нас не умел грести, мы не будем уточнять по педагогическим соображениям, — сказал папа. — Что же касается пломбира, то он, кажется, действительно был сливочный, но зато с шоколадной подливкой.

— С какой бы подливкой он ни был, — сказала мама, — обед будет готов к трем часам. Прошу не опаздывать.

...Ох и здорово мы отдохнули в тот день! И на качелях покачались, и на каруселях покрутились, и мороженого поели. А когда шли к выходу, папа, кивнув на деревянный павильончик с яркой вывеской, как бы между прочим произнес:

— А не зайти ли нам в тир?

Мне никогда раньше не приходилось бывать в тире, и я изо всех сил закричал:

— Конечно, зайти! Вот здорово! Ура!

— В самом деле, — сказал папа, — отчего бы двум еще не старым мужчинам не испытать меткость глаза и твердость руки столь доступным способом?

В павильончике было пусто. За деревянным барьером сидел дядя в парусиновой кепке. Перед ним была газета с кроссвордом, а на газете стояла банка с квашеной капустой. В левой руке он держал вилку, а в правой — химический карандаш.

— День добрый, — сказал папа. — Не дадите ли нам, любезнейший, шесть пулек? По три на брата.

— Восемнадцать копеек, — сказал дядя. — Остров в Эгейском море из четырех букв, вторая «р», — и, не отрываясь от кроссворда, протянул нам ровно шесть блестящих от масла пулек.

— Каждый делает по три выстрела, — сказал папа, — кто победил, тот молодец.

— А кто нет? — спросил я.

— А кто нет, тот огурец. Ты, кстати, стрелял когда-нибудь из духовушки?

— Нет, — честно признался я.

— Это тебе не из рогатки по стеклам шмолять. Тут, брат, целая система. Сейчас я тебе все объясню, а ты запоминай. Сперва, переламываешь ствол, потом вставляешь туда пульку, далее отводишь ствол в прежнее положение. После этого упираешься локтем в барьер, совмещаешь мушку с прорезью прицельной планки и плавно тянешь на себя спусковой крючок. Усек?

— Усек.

— Ну и отлично. У вас ружья как пристреляны? — обратился он к дяде.

— По центру, — буркнул дядя, — семнадцать вниз. Венгерский живописец.

— Центрального, стало быть, боя, — пояснил папа, — а то еще бывают под обрез. Ладно, поехали. Стреляю в утку. А ты?

— А я в мельницу.

— Эх, — крикнул папа, — где мои семнадцать лет? — и нажал крючок. Пулька отскочила от потолка и попала в банку с капустой.

— Шесть вдоль, — сказал дядя, — крайняя степень увлечения чем-нибудь.

— Механизм заело, — объяснил папа, — ничего, это бывает.

Я зажмурил левый глаз. Ружье было тяжелым и качалось вверх-вниз. Когда оно на мгновение остановилось, я изо всех сил дернул крючок. Крылья мельницы несколько раз повернулись в одну сторону, а потом быстро завертелись в противоположную.

— Случайность, — сказал папа, покосившись в мою сторону, — настоящее мастерство приходит с годами. Носорога видишь?

— Вижу, — сказал я.

— Больше не увидишь, — пообещал папа и вдребезги разнес плитус.

А я, прицелившись как следует, попал в африканского слона.

— Совпадение, — сказал папа, — но задатки есть.

— «Чревовещание» как пишется? — спросил дядя, поплевав на кончик карандаша.

— Не говорите под руку, — рассердился папа, — прицелиться, понимаешь, как следует не дадут. Сбиваю самолет! Трубка два. Прицел ноль.

— Ложись! — крикнул дядя и бросился на пол, но совершенно напрасно, потому что пуля угодила в лампочку сбоку.

— Папа, а можно мне попробовать в самолет? — попросил я.

— Валяй, — согласился папа, — только ты его в жизни не собьешь. Уж если я не смогу...

Он не успел договорить, как самолет уже заскользил вниз по натянутой проволоке.

— Это уже не совпадение, — сказал дядя, — это уже привычка. Молодец, мальчик! Продолжать будете?

— Извините, — сказал папа с достоинством, — но нас к обеду ждут. К пятнадцати ноль-ноль. А точность, как известно, вежливость королей. Так что всего доброго.

— Бывайте, — кивнул дядя, — двенадцать вдоль. Индийский полярный исследователь.

Иван Петрович и НЛО

Идя домой порою поздною
И очень сильно торопясь,
Иван Петрович неопознанный
Объект заметил как-то раз.

Летел он меж землей и звездами,
Не причиняя людям вред,
Никем покуда не опознанный
Чужого разума привет.

Кто в мысли погружен серьезные,
Не будет времени терять.
Иван Петрович неопознанный
Объект не стал опознавать.

Горел закат на небе розовый,
И, оставляя белый след,
Из виду скрылся не опознанный
Иван Петровичем объект.

1986



Считалочка для всех

Раз.
Два.
Три.
Четыре.
Пять.
Шесть.
Семь.
Восемь.
Девять.
Десять.

1986



Концерт на малой эстраде



воскресенье мы с папой гуляли в парке и зашли

в шахматный павильон.

— Уважаемый, — обратился к папе старичок в полотняном костюме, — а не сгонять ли нам партийку-другую?

— Отчего же, — вежливо ответил папа, поправляя очки. — Только я, знаете ли, в этом деле не большой специалист. Вот шашки — дело другое.

— Все мы тут не Каспаровы, — хмыкнул старичок, — присаживайтесь, сделай те милость. Я уже и фигуры расставил.

— Ты погуляй, пока мы с товарищем отношения выясняем, — сказал папа, — а потом подходи. Смотри только — без фокусов!

Я дошел до конца аллеи, обошел тир, где мы были с папой в прошлый раз, вышел к деревянному мостику через пруд и вдруг услышал объявление по радио: «Уважаемые граждане отдыхающие! Сейчас на малой эстраде нашего парка начнется выступление артиста филармонии Федоровского. Приглашаются все желающие. Повторяю...»

Я спросил у продавщицы мороженого, где находится эта малая эстрада, и через несколько минут оказался у небольшого деревянного помоста. Перед ним стояло несколько длинных скамеек. Народу не было никого, только большая ворона клевала оставленный кем-то стаканчик из под мороженого. На помосте стоял стул, а на нем сидел человек с большой трубой. Труба была похожа на свернутый пожарный шланг. Только медный. Это, наверное, и был артист филармонии Федоровский.

Я сел рядом с вороной и приготовился слушать.

— Что ж, — сказал артист, обращаясь ко мне, — будем считать, что это и есть все желающие. Ну, здравствуйте. Это твоя ворона?

— Нет, — сказал я, — общая. А как называется ваша труба?

— Бас-геликон, — сказал артист и почему-то вздохнул. — Однако пора начинать. У меня сегодня еще три концерта. Григ. «Пер Понт». «В пещере горного короля».

При первых же звуках ворона перестала клевать и внимательно уставилась на сцену. Закончив играть, Федоровский встал и поклонился. Я изо всех сил захлопал в ладоши, а ворона крикнула «Кар-р-р!».

— Ну как, — спросил артист, — нравится?

— Да, — сказал я. — Главное — громко.

— Ничего не поделаешь. Такой инструмент. У флейты, конечно, звук нежнее. Да и таскать ее легче. Но у флейтистов свои проблемы. Ладно, не буду утомлять тебя профессиональными тонкостями. Верди когда-нибудь слышал? Марш из оперы «Аида»?

— Нет, — честно признался я.

— Сейчас услышишь. Пляди-ка, нашего полку прибыло.

И точно. Откуда ни возьмись, прилетела вторая ворона и уселась рядом с первой.

Федоровский надул щеки и заиграл: бу-бу, бу-бу, бу-бу-бу-бу, бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу.

Я представил, как мы всем отрядом идем под эти бодрые звуки в какую-нибудь даль, и стал притоптывать ногами в такт музыке. Марш был замечательный. И, когда он закончился, я даже не смог сразу остановиться и еще некоторое время продолжал топтать.

— Стой, раз-два! — сказал артист и, достав из кармана платок, вытер им свое большое лицо. — Что бы тебе еще такое сыграть героическое? «Варяг» знаешь?

— Конечно, — обрадовался я, — как раз то, что надо!

— А слова помнишь?

— Еще бы! «Наверх вы, товарищи, все по местам...»

— Отлично. Ну, три-четыре.

У меня вообще-то слух неважный. И чтобы это было не так заметно, я всегда стараюсь петь очень громко. Тогда все обращают внимание на голос, а про слух как-то забывают.

Я пел так громко и старательно, что не заметил, как начался дождь. Артист тоже увлекся. Дождь становился все сильнее, вороны куда-то улетели, а мы с ним все продолжали.

— Грандиозно, — сказал артист, закончив и выливая из геликона воду. — В следующий раз для такой погоды специально прихвачу водосточную трубу. Что бы ты хотел послушать в заключение нашей творческой встречи?

— «Пусть бегут неуклюже...»

— Сильная вещь, — похвалил Федоровский, — что ж, рискнем.

«Мальчик Дима десяти лет, — послышался вдруг металлический голос откуда-то сверху, — тебя ждет папа у центрального входа».

— Это не тебя, случайно? — спросил Федоровский.

— Меня, — вздохнул я.

— Ну иди, чего сидишь, — сказал он, как мне показалось, немного обиженно.

— А как же песня?

— В другой раз.

— Но вы же обещали.

— Ладно, так и быть. Но потом беги к отцу.

Когда я прибежал к входу, папа ходил там большими крутами, словно тигр в клетке.

— Где ты болтаешься?! — напустился он на меня. — Я тут, можно сказать, себе места не нахожу.

— Артиста Федоровского слушал. На малой эстраде. Марш Аиды из оперы «Пер Понт». А как ты со старичком тем сыграл?

— Обыграл он меня два раза. Зато я его потом в шашки семь раз подряд. Или даже восемь.

Лесная школа

Шел по лесу паренек,
Паренек кудрявый,
И споткнулся об пенек,
Об пенек корявый.

И про этот про пенек,
Про пенек корявый
Все сказал, что только мог,
Паренек кудрявый.

Раньше этот паренек
Говорил коряво.
Научил его пенек
Говорить кудряво.

1987

Это что?

Это что растет у вас
Между глаз,
Извиняюсь за вопрос?
Это нос.

И давно он там растет?
Где-то с год.
А что было до него?
Ничего.

Не мешает ли он вам
По утрам?
Утром нет. Вот ночью — да,
Иногда.

Может, как-нибудь его
Вам того...
Обратились бы к врачу.
Не хочу.

Он, глядишь, и сам пройдет
Через год,
А пока пускай растет
Взад-вперед.

1989



* * *

Как у нашей Яночки
На щеках две ямочки,
Сверху три волосика
И сопля из носика.

1990



Тик-так

На столе часы стоят,
Но на первый только взгляд.
На второй — они идут,
Отмеряя ход минут.

Отмеряя ход минут,
По столу часы идут,
Вот до краешка дойдут
И оттуда упадут.

На пол часики упали
И лежат. На третий взгляд.
А на первый, как вначале
Было сказано, стоят.

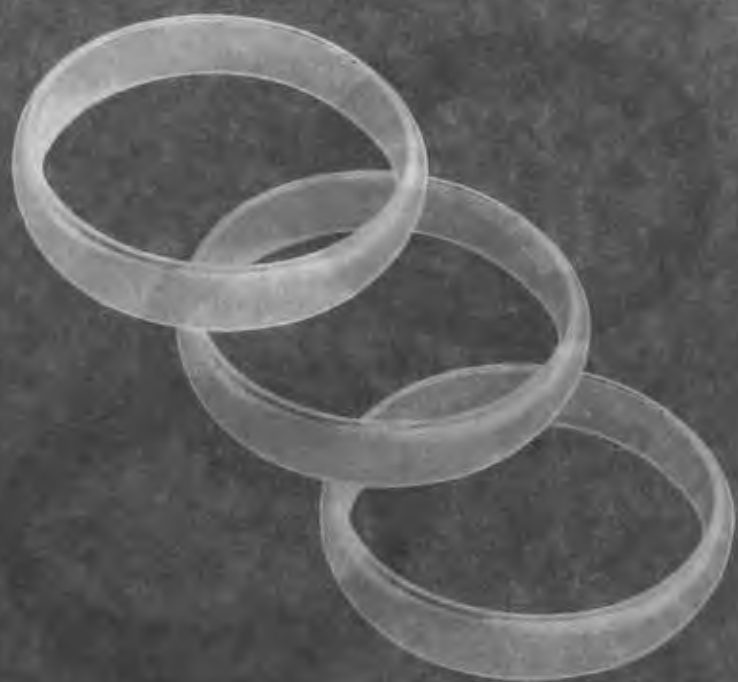
Это что ж это такое?
И на что ж это похоже?
Ведь лежать не можно стоя
И стоять не можно лежа.

Можно ж нервный тик
Заработать так.
Тик-
так.

1992

**“Нет, не люблю
я этих марсиан...”**





Хозяйке на заметку

Нас ебут, а мы крепчаем
И того не замечаем,
Что, покуда нас ебут,
Годы лучшие идут.

1978

* * *

В здоровом теле —
Здоровый дух.
На самом деле —
Одно из двух.

1983

* * *

— И неимущим, и богатым
Мы в равной степени нужны, —
Сказал патологоанатом
И вытер скальпель о штаны.

1983

*** * ***

**Соком живым брызнем,
В солнечный диск метя,
Да — половой жизни!
Нет — половой смерти!**

1986

* * *

С другом мы пошли к путанам,
Там сказали: — От винта! — нам. —
За бумажные рубли
Вы бы жен своих могли.

1989

Картинка с рынка

Лежит груша —
Нельзя скушать.

1990

* * *

Тут как-то раз мне дали в глаз,
Вот, собственно, и весь рассказ.

1990

K NN

Твои глаза синее озера,
А может быть, еще синей,
Люблю тебя сильнее бульдозера,
А может быть, еще сильнее.

1990

*** * ***

**КПСС антинародной
Покажем орган детородный!**

1991

*** * ***

Меня спросили на иврите:

— Вы на иврите говорите?

А я в ответ на чистом идиш:

— Ты че, в натуре, сам не видишь?!

1991

Опять к NN

И за что, такую тлю,
Я, козел, тебя люблю?!

1992

* * *

Свой путь земной на две прошедши трети,
Познав богатство, славу и гастрит,
Одно я понял — счастья нет на свете,
И зря народ насчет него шустрит.

1992

Александр Билоси

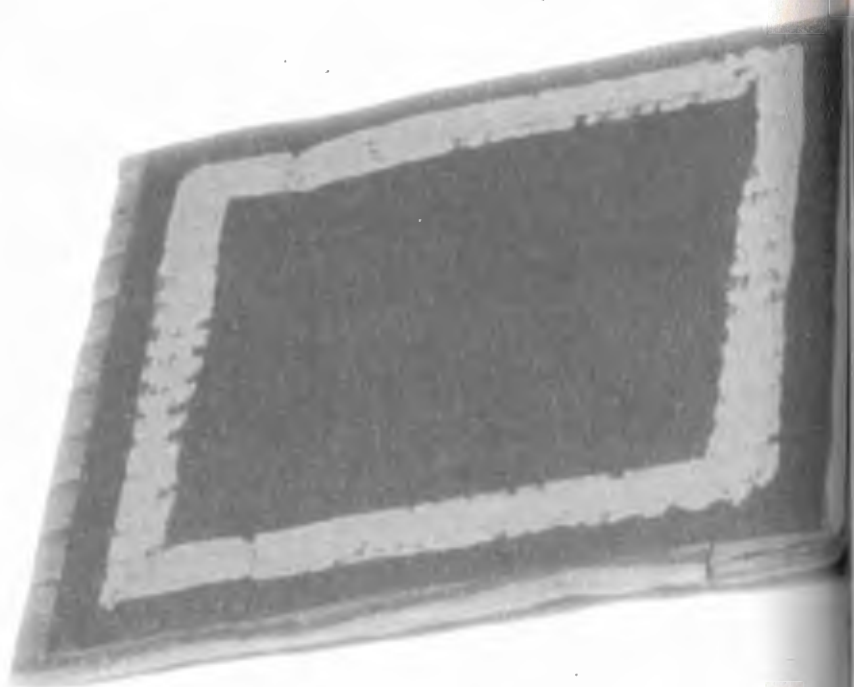
КНИГА

05

И. ИРТЕНДОВ

1997.

Москва



Андрей Билыко
Книжка
до
И Иргеньев



МОСКВА
1997
ТИРАЖ 1000

Всего экземпляров
в серии 1000
в том числе
подписанных
10 мая 1997
Андрей Билыко



И. ИРТЕНОВ ЧИТАЕТ
КНИГУ.

РИС. 1



рис. 2

И. ИРТЕНОВ. ПИШЕТ
СТУЖИ



рис. 3 И. КРТОМЬЕВ ЕСТ
СОЛЕНКИ.

ИЗДАНИЕ



рис. 4 И. ИРТЕНБЕК ПЬЕТ
ВОАКУ.

ВСТУПА-
ПО ТЕЛЕВИЗОРУ.



И. И. РТЕНЬЕВ ВЫСТУПА.
ЕТ НА СЦЕНЕ

Рис. 5

Рис.

Солнце



РИС. 6

И. ИРТЕМЬЕВ ВЫСТУПА-
ЕТ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ



РИС. 7

И. ИРТЕМБЕК РЕ-
АКТИРУЕТ РУКОПИСИ

РИС. 8

И. ИРТЕМБЕК ВЫСТУПА-
ЕТ НА СЦЕНЕ.



РИС. 8 В. ЦРТЕМЬЕВ ГОВОРИТ
ПО ТЕЛЕФОНУ.



И. ИРТЕНЬЕВ ГУЛЯЕТ
ПО МОСКВЕ

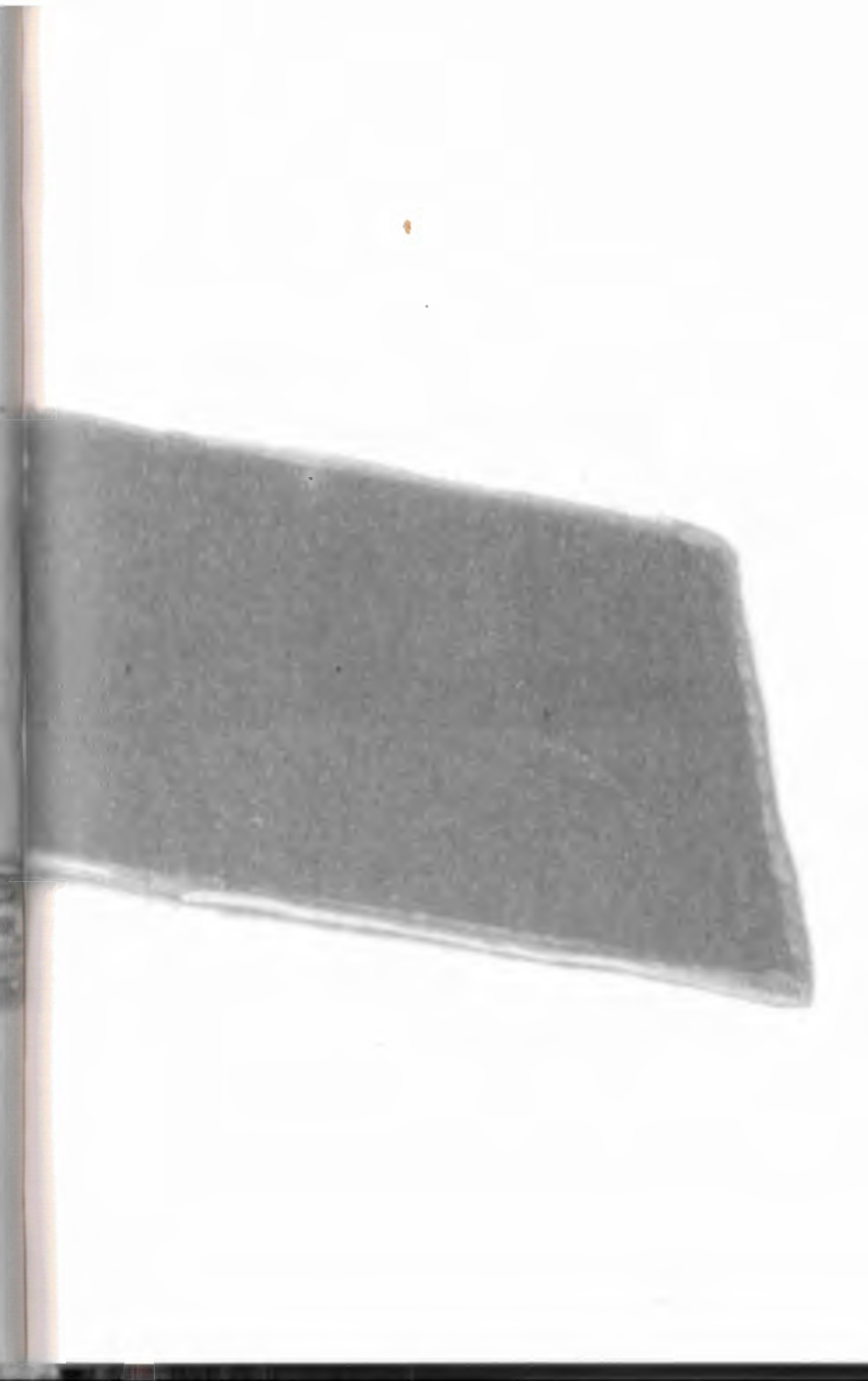
Рис. 9



10 Л. ЛРТЕН ДЕР СЛТ.



рис. 12 И. Иртеньев
проснулся.
С добрым утром Иртеньев!
И. Иртеньев
по Москве





* * *

Все накрылось медным тазом,
Но, покуда тлеет разум,
Ощущения конца
Все же нету до конца.

1992

* * *

Иду я против топора,
В руке сжимая лом
Как символ торжества добра
В его борьбе со злом.

1993

* * *

Я обычно, как напьюсь,
Головой о стенку бьюсь.
То ли вредно мне спиртное,
То ли просто возрастное.

1994

*** * ***

**Куда Россия подевалась,
Неужто канула во мглу?
Вчера ведь только продавалась
На каждом что ни есть углу.**

1995

* * *

Я в детстве сильно поддавал
И образ жизни вел развратный,
Я с детства не любил овал,
Но обожал трехчлен квадратный.

1995

* * *

Ко мне тут киллер приходил
Да, видно, дома не застал,
В прихожей только наследил,
Но я уж возникать не стал.

1996

* * *

Стоит могила
Незнамо чья.
А все же мило,
Что не моя.

1997

*** * ***

**Промышленность не может быть тяжелой,
Ей надлежит быть легкой и веселой.**

1997

* * *

Выпивать поэтам нужно в меру,
А иначе портится рука,
Взять того же Пушкина, к примеру,
Или, я не знаю, Маршака.

1997

* * *

Ну сколько можно о говне!
Давайте лучше обо мне.

1997

* * *

Такого кризиса
Еще не видел свет.
Пиздец уж близится,
А кризиса все нет.

1998

* * *

Нет, не люблю я этих марсиан,
Народец, скажем прямо, хероватый,
К тому же пьющий, да и вороватый,
В отличие от нас, от россиян.

1998

Российский правдоруб простой...”







* * *

Я человек язвительный и колкий.
И в личном плане, говорят, непрост,
Но стоя здесь, у новогодней елки,
Произнести хотел бы добрый тост.

Пусть скажут, что объелся белены я,
Что мой светильник разума угас,
Я пью за вас, политики родные,
Поскольку кто-то должен пить за вас.

За вашу неустанную заботу,
Покуда в жилах кровь еще течет,
Я вам обязан по большому счету,
Хоть оплатить не в силах этот счет.

И как бы вас в газетах ни пинали,
Я вам симпатизирую тайком,
Когда б не вы, кого б мы вспоминали,
По пальцам попадая молотком.

Позвольте же поздравить с Новым годом
От всей души ваш пестрый хоровод.
А если вам не повезло с народом —
Так мы другой подыщем вам народ.

1997



* * *

Отвратительно, страшно, мохнато,
Воплощая всемирное зло,
На восток расширялося НАТО
И до нас невзначай доползло.



Над страной нависло злое,
Заслонивши нам солнечный свет,
И зажало в железные клещи,
От которых спасения нет.

Мы тут сеяли мирно и жали,
Добиваясь рекордов в труде,
На соседей мы зла не держали,
Мы добром их держали в узде.

Достижали совместных успехов
И кормили их щедрой рукой,
Всяких разных поляков да чехов,
Что сдались нам незнамо на кой.

А теперь наши бывшие братья,
Не вернув миллиардных долгов,
Жадной сворой рванулись в объятья
Наших общих недавних врагов.

А раз так, мы должны, я считаю,
Как один, всей великой страной,
Обратив свои взоры к Китаю,
Повернуться к Европе спиной.

И, слегка наклонившись при этом,
Брючный пояс ослабить чуток...
Что и явится лучшим ответом
Расширеньям любым на восток.

1997



* * *

В тоске французы, в панике японцы,
Поник зулус кудрявой головой.
Как с дуба рухнул индекс Доу-Джонса,
Что предвещает кризис мировой.

На биржах Рима, Токио, Парижа
Анархия, смятение и разброд.
Курс акций опускается все ниже,
Накал страстей растет, наоборот.

Но лично я тревогу бить не стану —
Вселенский этот хипеш не про нас.
Что Джонс, что Доу — нам по барабану,
Да нам и Джоуль с Ленцем не указ.

Все тихо-мирно в нашем огороде,
Нас греет свет далеких маяков,
Которые зажгли для нас Мавроди
И незабвенный Леня Голубков.

1997



* * *

Дело пахнет керосином,
Чую, каша подгорит,
Снова Саша в небе синем
Белым дембелем парит.

Александр Иванович Лебедь,
Чую, года через два,
Полканом тебе в Кремле быть,
Помяни мои слова.

Нам чего — мы только рады,
Под вождем так под вождем.
Отожмемся, если надо,
Коли надо — упадем.

Прилетай же, бляха-муха,
Из Сибирского даля,
Чтоб скорее стала пухом
Нам советская земля.

1998



* * *

Хорошо, что рядом тот, кто за все в ответе,
Кто на порку, чуть чего, первый кандидат.
Если в кране нет воды — виноваты эти,
Если в жизни счастья нет — этот виноват.

Скажем, сперли у кого кошелек с зарплатой,
Или на ногу упал чайник со стола,
Или грохнули в углу дедушку лопатой —
Это все как есть его, рыжего, дела.

Всероссийский аллерген, он нам хуже грыжи,
Но пускай себе живет, полагаю я,
Потому что позарез всем нам нужен рыжий,
Сорока с немногим лет, мальчик для битья.

1998

* * *

Ну ты делов наделал, Билл,
Все Штаты на уши поставил,
Ты дядю Сэма оскорбил,
Который самых честных правил.

Вообще-то я и сам не прочь,
Но надо ж меру знать при этом,
Ведь у тебя жена и дочь
Плюс дом с Овальным кабинетом.

Вот наш, смотри, себя блюдет,
Он, правда, возрастом постарше,
Ему и в мысли не придет
Нырнуть под юбку секретарше.

И ты б два срока отгрубил,
Не погори на той Левински.
Похоже, Билл, твой час пробил.
А не веди себя по-свински!

1998



* * *

Ходил недолго в президентах
Михал Сергеич Горбачев,
Но был на разных континентах
Любим при этом горячо.

Простые люди всей планеты,
Я сам свидетелем тому,
Дарили мелкие предметы
На день рождения ему.

Он наихудшую систему
Из существующих систем
Разрушил, как тараном стену,
До основания, а затем

На радость порешил потомкам
Построить мир, где все равны,
Но тут придавлен был обломком
Той самой рухнувшей стены.

А дальше — баррикады, танки,
Героев жуткое число...
Три дня трясло нас в лихоманке,
Но, слава богу, пронесло.

А вскоре, с гиканьем и плясом,
Под троекратное «ура!»,
Смещен был лысый седовласым
По наущению двора.

Так и ушел со сцены Горби,
Так и покинул пьедестал.
Предметом всенародной скорби
Его уход отнюдь не стал.

Но все ж сказать ему спасибо,
Хотя б подать ему пальто
Вполне мы, думаю, могли бы,
Да воспитание не то.

1998





* * *

Много лет ты славно правил,
Дорогой товарищ Коль.
На кого ж ты нас оставил,
Нас, прожорливую голь.

Твой преемник — жесткий малый,
Не тебе, видать, чета,
Но в ментальности, пожалуй,
Он не смыслит ни черта.

Много ль надо человеку,
Чтоб не впасть ему в коллапс, —
Яйки, курки, масло, млеко,
Ну, еще, понятно, шнапс.

Так что мы и дальше рады
Ваши трескать пироги.
А советов нам не надо.
Для других побереги.

1998

* * *

Американская эскадра,
Всего живого злейший враг,
Прозится ядерные ядра
Обрушить снова на Ирак.

Она в Персидского залива
Затем вошла морскую гладь,
Чтоб нефть багдадского разлива
В свой Вашингтон по трубам гнать.

Нет, господа, у вас не выйдет.
Придется вам умерить прыть.
Народы мира правду видят,
Ее ничто не в силах скрыть.

И вместе с вашим Пентагоном
Вы зарубить себе должны —
Ирак не станет полигоном
Для новой ядерной войны.

Дадим друзья, отпор разбою
Со стороны отдельных стран.
Народ Ирака, мы с тобою.
Аллах акбар! Но пасаран!

1998



* * *

Мальчик Сережа подрастает быстро,
Вчера еще он был пионер,
Потом комсомолец, потом министр,
Сегодня Сережа всем ребятам премьер.

Мальчик Сережа не похож на наших,
Мальчик Сережа совсем другой,
Мальчик Сережа слушается старших,
Головой кивает, шаркает ногой.

Но запомните, дети, слова правдоруба,
Пусть не станет это сюрпризом для вас —
У мальчика Сережи отличные зубы
И активный кислотно-щелочной баланс.

Любит Сережу дедушка Боря,
Ласковой рукою гладит по волосам,
И если не съест он Сережу вскоре,
То вскоре Сережа вас скушает сам.

1998

* * *

Внешний вид товарный,
Честные глаза,
Утвердили парня
С первого раза.

Генерал Степашин,
Козырной валет,
Генерал Степашин,
Черный пистолет.

Не гляди так строго,
Не гони понты,
Погоди немного —
Отдохнешь и ты.

1999



* * *

Максимиыч справный был служака,
Все вроде делал по уму,
Как и положено, однако,
Не пофартило и ему.

Хотя в его сужденьях резких
Порою громыхал металл,
Он избегал движений резких,
Он вообще их избегал.

Он улыбался крайне редко,
Был нрав его местами крут,
Таких берут с собой в разведку.
Хотя и не таких берут.

Он дипломатом был неслабым,
Он все планету облетел,
А если тяготел к арабам —
То кто же к ним не тяготел?

Непроницаемый, как Будда,
На мир взирая тяжело,
Он все надеялся на чудо,
Но чуда не произошло.

1999



* * *

Международные бандиты
Всех рангов, видов и мастей
Пытались навязать кредиты
Стране застенчивой моей.

Хоть ей выламывали руки
И раздевали догола,
Она терпела молча муки,
Но, стиснув зубы, не брала.

И все же, опоив дурманом,
Под сладкий рокот МВФ,
Кредит всучили ей, обманом
Сопровиление одолев.

Кто ж, соблазнив ее халявой,
Потом использовал всю?
Французик жалкий и вертлявый,
Плешивый щеголь Камдессю.

Простоволосая, босая,
Она лежала на стерне
И, губы черные кусая,
Сжимала деньги в пятерне.

Напрасно, вокруг нее сомкнувшись,
Толпились подлые враги,
В надежде, что она, очнувшись,
Начнет им возвращать долги.

Но нет, не такова Россия,
Она свободна и горда.
Ей можно что-то дать насильно,
Но взять обратно — никогда.

1999



* * *

О, дай воспеть мне силы, муза,
Как натянули мы француза,
Поймав за хвост последний шанс,
В тот славный день на Стад де Франс.

Мы долго молча отступали,
Очки теряя на бегу,
И наконец туда попали,
О чем при детях не могу.

Но тут пружина распрямилась,
И, катастрофу упредив,
Явил Господь внезапно милость,
Свое налицье подтвердив.

Ликуй, великая Россия!
Твои отважные сыны,
Полураздетые, босые,
Не абы как, не хоть бы хны,

Но в самом логове злодея
Ему вогнали в сердце кол.
Так славься ж, Русская идея,
Под гордым именем Футбол.

1999

* * *

«Коммерсант» сегодня — не просто газета,
«Коммерсант» — это ужас, сплотивший нас.
Я всю свою звонкую силу поэта
Тебе отдаю, атакуемый класс.

Кинут властью, раздавлен дефолтом,
На «Фольксваген-гольф» поменявший джип,
Серпом — по яйцам, по пальцам — молотом
Сполна получивший, ты, верю, — жив!

Тебе ли быть истории шлаком?
Не ты ли удачу держал за грудь?
Путь твой, отмеченный твердым знаком, —
Сегодня единственно верный путь.

Шагай же вперед, generation P,
Как завещал великий Пелевин,
Дружбу свою с газетой крепи,
Читай «Коммерсант» без унынья и лени.

Хочу, чтоб ты из широких штанин,
Из рук отцов приняв эстафету,
Не шприц доставал бы, не кокаин,
А газету. Причем не любую — но эту!

1999





* * *

Закончен творческий простой,
И вновь, друзья, я с вами вместе,
Российский правдоруб простой,
Невольник НТВ и чести.

Мое разящее перо
К борьбе по-прежнему готово,
Все так же метко и остро
Мое решающее слово.

Защитник павших и сирот,
Бельмо в глазу бездушной власти,
Я всей душою за народ,
Поскольку сам народ отчасти.

Я весь ему принадлежу —
И в этом высшая награда.
На нем стоял, на нем сижу,
На нем и лягу, если надо.

1999

* * *

Пусть не тщатся русофобы,
Не постичь им нашу суть.
У России путь особый —
Из варяг да в греки путь.

Рюрик, тот, что нами правил
В достославные года,
Впечатление оставил
У потомков навсегда.

Наглотавшись мухоморов,
Ибо зелья он не пил,
Проявлял державный нор,
Государственность крепил.

Всем в стране всего хватало,
Жизнью был доволен всяк,
А как Рюрика не стало,
Все поперло враскосяк.

Чтобы нынешнего века
Дотянуть нам до конца,
Не послать ли к братьям-грекам
За подмогою гонца?

Нам без импортной опеки
Не исправить общий крен,
А варяги или греки —
Не один ли, в общем, хрен.

1999



Депутатская прощальная

Здесь с умным видом лысину скребя,
Четыре года я сидел подряд,
Как неохота выезжать мне из тебя
Охотный ряд, Охотный ряд.

Четыре года жил я, не тужил
И министерский получал оклад.
Ну, ты, в натуре, под конец мне удружил,
Охотный ряд, Охотный ряд.

Прощайте ж, тачки с номерами спец
И спецбуфет, и праздничный наряд,
Слезайте, граждане, приехали, конец,
Охотный ряд, Охотный ряд.

1999

За день до выборов

Закон велит сомкнуть уста,
Хоть просятся слова наружу,
Моя задача непроста —
Шаг в сторону — и сядешь в лужу.

Того я помню хорошо,
На нем я крепко фразернулся,
Я с ним в разведку бы пошел,
Чтоб он оттуда не вернулся.

А тот, ну типа, ну такой,
Весь из себя такой, короче,
Ему давно бы на покой,
А он опять лицом хлопочет.

А этот грозен и мордаст
И все горюет о народе.
Я удивляюсь каждый раз —
С таким лицом — и на свободе.

Я лично выбрал бы того,
Хоть все в него швыряют комья,
Мужик он вроде ничего,
Ну, сами знаете, о ком я.

Его идеи мне милы,
Принципиальность всем известна.
А в общем, все они — козлы!
И мы не лучше, если честно.

1999



* * *

Я пережил внезапный шок
И в землю чуть не врос,
Когда с подарками мешок
Открыл мне Дед Мороз.

Оттуда выскочил презент,
Весь новенький такой,
Я, говорит, твой президент,
Причем не только твой.

Ну, ты мне, дед, и удружил,
Да ладно б только мне —
Такой подарок подложил
На Новый год стране.

Зачем тебе, несчастный дед,
Открыл я сдуру дверь,
С тебя, понятно, спроса нет,
А мне с ним жить теперь.

1999



* * *

Хорошо ли это или плохо,
Плохо это или хорошо...
Что рядить — закончилась эпоха,
И со сцены дедушка ушел.

Был актером дедушка масштабным,
Хоть нетвердо текст читал порой,
Мир следил с вниманьем неослабным
За его отвязанной игрой.

Приводя в отчаянье помрежей
И суфлеров доводя до слез,
Он резвился с грацией медвежьей
И такое с этой сцены нес!

Мы над ним тут всласть поизмывались,
На углу на каждом понося,
Но при этом деда не боялись —
Вот в чем загогулина-то вся.

Он ушел, не требуя оваций,
Как обычно всех врасплох застав,
Дальше — перемена декораций,
Дальше — трупы сменится состав.

Дальше — не успеешь оглянуться,
Как, бывлые вспомнив времена,
В свой черед за публику возьмутся —
Больно распоясалась она.

2000



**Каждый охотник
желает знать,
где сидит фазан”**



ANTHONY & CO.
FINE FURS
NEW YORK



Трансцендент в трамвае

Действующие лица:

Пассажир, Контролер



Т

стой салон трамвая. За окнами темно.

На сиденье рядом с кассой, приняв к черному стеклу, сидит единственный пассажир. К нему подходит Контролер.

КОНТРОЛЕР. Ваш билет, гражданин.

ПАССАЖИР. Билет? Какой билет?

КОНТРОЛЕР (строго). Вы оплатили свой проезд, гражданин?

ПАССАЖИР (с горькой иронией). Оплатил... Для этого, друг мой, нужны деньги, а у меня их нет. (Продолжает горячечно.) У меня нет денег, нет родных, друзей. Я один в этом чужом, незнакомом мне городе. Вам когда-либо случалось оказаться одному в чужом городе? Если нет, вы меня просто не поймете, да и зачем меня понимать — кто я для вас? Жалкий бродяга, без роду без племени, затертая игральная кость в руках безжалостного рока!..

КОНТРОЛЕР (дуря). Гражданин! Сейчас же покажите ваш билет, или я доставлю вас куда следует.

ПАССАЖИР. Конечно, что вам стоит вытащить несчастного из последнего пристанища, безжалостно скрутить, сомкнуть на его запястьях позорные оковы и под улюлюканье разнузданной черни бросить в гулкое подземелье, где с потолка сочится вода, а пол усеян крысиным пометом. (Вдруг с неожиданным воодушевлением.) Но взгляни на меня попристальнее. Ведь ты брат мне. Пусть разным молоком мы вспоены, но дышим мы одним воздухом, нам светит одно солнце, какие бы тучи ни затягивали этот вечный свод, и один вселенский вихрь овеивает наш утлый шар, бешено мчащийся в холодном мраке.

КОНТРОЛЕР (из последних сил противясь распаду сознания). Гражданин, перестаньте морочить мне голову. Если у вас нет билета, платите штраф, или я действительно приму меры.

ПАССАЖИР (с отчаянной решимостью). Ну нет. Живым я вам не дам. Пусть на мне бедное платье и род мой не знают, но рука тверда и клинок, слава Всевышнему, еще не сросся с ножнами. Извольте встать в позицию, сударь! Да не будет нам помехой тряский экипаж! Тому порукой бывшие abordажные схватки на ускользающей из-под ног палубе, когда глаза застилает багровый туман, из груди вырывается хриплый клекот, а в ушах стоит леденящий хохот демонов бури. Какое оружие выбираете? Шпагу, рапиру, палаш? Мне, признаться, более по сердцу шпага. Рапира с ее лживым изяществом несет на себе печать придворного коварства. Что ни говорите, это оружие дворцовых переворотов. Палаш, напротив, прям и бесхитростен, но грубые раны, оставляемые им, более всего напоминают следы мясницкого топора. Остается шпага — оружие честных солдат и лихих бретеров. Итак, выбирайте.

КОНТРОЛЕР (окончательно ополоумев). Ладно, пусть будет шпага. Но где я ее возьму?

ПАССАЖИР Я отдам вам свою.

КОНТРОЛЕР. А вы как же?

ПАССАЖИР Пустяки.

КОНТРОЛЕР (улыбается). Я так не могу.

ПАССАЖИР Хорошо. Давайте сначала я, а потом вы.

КОНТРОЛЕР. А если вы меня сразу убьете?

ПАССАЖИР. Тогда вопрос решится сам собой.

КОНТРОЛЕР. Может быть, вы просто возьмете билет? Если у вас нет денег, я одолжу.

ПАССАЖИР (в сторону). Не пристало дворянину одалживаться у податного! Хотя в худые времена случалось мне одалживаться и у кабатчиков. Впрочем, все мы слуги его величества... (Контролеру). Идет, мой бедный друг. Развязывайте свой кошель. Судя по вашему потрепанному платью, он не так уж туг, но истинная добродетель бежит, как известно, роскошных одежд, в то время как за дворцовыми стенами так часто свивает себе гнездо порок. Но что за странные монеты вы мне даете? Ни в одной из известных мне стран — а я их на беспокойном своем веку повидал, поверьте, немало, — так вот, повторяю, ни в одной из них я не держал в руках подобных монет. Пойдите, пойдите... (Приглядывается к контролеру, потом к монетам, потом опять к контролеру.) Кто вам их дал?

КОНТРОЛЕР. Не помню. Какая разница?

ПАССАЖИР. Что значит — какая разница? Да с этими деньгами вас схватят в первой же корчме. Ну-ка, пока-зывайте остальные.

Контролер, трясаясь от страха, протягивает кошелек.

ПАССАЖИР *(роясь в кошельке)*. Так и есть. Все до одной фальшивые. Ну что с тобой сделать? Довести до городских ворот, а там сдать в караул, где тебя безжалостно скрутят, сомкнут на твоих запястьях позорные оковы и под улюлюканье разнузданной черни бросят в гулкое подземелье, где с потолка сочится вода, а пол усеян крысиным пометом?..

Возница, гони!

КОНТРОЛЕР *(стуча от ужаса зубами, валится на пол)*. Умоляю, не губите меня! Я сам не ведаю, что творю. Это какое-то помрачение. Ради всего святого, отпустите меня с миром. Какой ужасный город! Бежать, бежать!

ПАССАЖИР *(смеясь)*. Твои лицемерные мольбы, кажется, тронули мое сердце, бездельник. Ладно. Если через десять минут ты будешь у городских ворот, считай, что ты родился в сорочке. Я, так и быть, отвернусь. *(Отворачивается.)* Возница, выпусти его!

Контролер пулей вылетает из трамвая.

ПАССАЖИР *(роясь в кошельке контролера)*. Семьдесят, восемьдесят, рубль. Что он, на паперти, что ли, стоял? Ага, вот еще бумажные. Пятерка, правда рваная. Итого, шесть рублей. *(Подходит к водителю.)* Шеф, какое сегодня число? Третье? Еще месяц кататься. Дай-ка, пожалуй, единый.

Про человека

У одного человека было две головы.



Одна — правая, другая — левая.

Правая, как у большинства людей, была развита больше. Левая, соответственно, меньше.

И вот эту свою левую голову человек любил, как любят слабого ребенка. Он кормил ее шоколадными конфетами, покупал ондатровые шапки, а стриг исключительно в салоне «Чародейка». Будь его воля, и банты бы ей вплетал, но это было бы уже слишком, поскольку он был мужчиной, и вдобавок уже немолодой.

А вот правую голову человек держал в черном теле. Она давилась столовскими гуляшами и пятый год ходила в облезлой кроличьей шапке. Человек мыл ее хозяйственным мылом, а стриг за пятнадцать копеек под полубокс. Надо ли говорить, что от такой жизни она часто болела, и за это хозяин не любил ее еще больше.

Однажды летом человек пошел купаться. Он доплыл до середины реки и перевернулся на спину. Левая голова моментально наглоталась воды. Казалось, беды не миновать, но правая голова не подкачала. Она набрала полные легкие воздуха и изо всей силы закричала: «Тонем!» Но, сообразив, что это звучит странно, поправилась: «Тону!»

Когда человека вытащили на берег, левая голова была совсем плоха. Но правая сделала ей искусственное дыхание по методу «рот в рот», и та пришла в себя.

С тех пор человек пересмотрел свое отношение к правой голове. Он купил ей новую собачью шапку, моет яичным шампунем и стрижет под полку. Правда, не в «Чародейке», а в парикмахерском салоне на улице Панферова. Но это тоже очень хороший салон. И, рассказывая о своей истории знакомым, каждый раз не устает повторять: «Нет, что ни говорите, одна голова, конечно, хорошо, но две все-таки лучше!»

Звезда Капюшонова



Поздним вечером Капюшонов вместе с женой

Зинаидой возвращался со дня рождения шурина. Погуляли хорошо. Уже перед самым уходом Капюшонов и шурин заспорили, кто сильнее, и пошли на кухню бороться руками. Шурин пытался жухать и все норовил свободной рукой ухватиться за табуретку, но Капюшонов все равно положил родственника.

Вечер был на редкость теплый, и супруги решили прогуляться пешком. Дойдя до подъезда, Капюшонов опустился на скамейку:

— Ты, Зинаида, поднимайся, а я пока воздухом здесь подышу.

Капюшонов достал из пачки сигарету, не спеша размял ее, затянулся. Ему было хорошо. В голове медленно, как золотые рыбки в аквариуме, тыкаясь о стенки, плавали толстые, добродушные мысли. Легкий ветерок шевелил редющие капюшоновские волосы, приятно щекотал затылок. Он погладил себя по животу, и тот, словно сытый домашний кот, довольно заурчал в ответ на хозяйскую ласку. Для ощущения полного единения с природой Капюшонов снял туфли и остался в одних носках.

— «Санни,— донеслась из чьего-то раскрытого окна не первой свежести запись,— ай лав ю».

«Эх, Саня, Санек...» — размягченно подумал Капюшонов.

Черное небо, раскинувшееся над ним, не пугало его своей бездонностью, скорее наоборот. Ставшие привычными полеты космических экипажей сделали его, несмотря на черноту, совсем домашним. Чем-то вроде чердака в капюшоновском доме. Поэтому он поглядел вверх с некоторым превосходством. Был конец лета, и звезды,

словно созрев, непрерывно падали, косо прочерчивая во всех направлениях ночное небо. Рядом с ним на лавку сели двое.

— Смотри, звезды так и сыплются, — сказала девушка. — Давай загадаем желание.

— Давай, — согласился парень. — А какое?

Она что-то прошептала ему на ухо, и оба рассмеялись.

— Идет, — согласился парень, и в это время еще одна светящаяся точка чиркнула по небу.

— Успел?

— Успел. — И они опять засмеялись.

«Мне, что ли, попробовать?» — подумал Капюшонов. Он откинулся на спинку и стал ждать оказии. Прошло пять минут, десять. Ничего. Звездопад прекратился так же внезапно, как в одно мгновение на всем скаку прекращается вдруг проливной дождь. Движение в небе замерло одновременно и во всех направлениях. Парень с девушкой давно ушли, а Капюшонов, задрав голову, неотрывно вглядывался в ночное небо и постепенно наливался злобой. В аквариуме у него забурило.

«Это что же выходит, — думал он. — Теперь, значит, простому человеку и желание изъяснить нельзя. Им, стало быть, можно, а нам, стало быть, нельзя. Тут целый день за баранкой гнешься, а эти только в тискотеках своих полы трамбуют, и им, выходит, пожалуйста».

Возмущение переполнило Капюшонова. Выбрав посреди неба подходящую звезду, он мысленно приказал ей: «Падай!»

Звезда и не подумала стронуться с места.

— Падай, кому говорят! — страшным голосом закричал про себя Капюшонов, и в этот момент звезда, словно сорвавшись с невидимого гвоздя, заскользила вниз.

«То-то же, — удовлетворенно подумал Капюшонов, — нет чтобы сразу».

Первое желание не заставило себя ждать.

— Для начала машину новую получить надо. Старую Колька-сменщик совсем раздолбал. В прошлом месяце еле сто сорок заработал, да слесарям еще за ремонт двадцатку отстегнул.

Звезда, набирая скорость, неслась к земле.

— Погодь, — приказал звезде Капюшонов, — тут подумать надо.

Звезда послушно замедлила ход, а Капюшонов погружился в раздумья. За тридцать восемь лет жизни желаний у него накопилось немало, и требовалось vybrать самые заветные.

— Чтоб Зинаиде отпуск летом дали, тогда на юг вместе махнем.

Прошлым летом он отдыхал отдельно от жены, в желудочном санатории по горящей путевке. Тощица была смертная, хоть вой. Поселили его с двумя очкариками. Целый день они толкали друг другу про какие-то поля, а что они растят на тех полях, Капюшонов, сколько ни слушал, в толк взять не мог. Еле дождался конца срока.

— Чего бы еще такое загадать? — он почесал затылок и опять задрал голову вверх. Звезда была уже на уровне телевизионных антенн, натканных на крыше его дома.

«С собаками чтоб не шлѣлись», — пронеслось в голове. Собак Капюшонов не любил, а из живой природы больше всего уважал огурцы. А звезда уже тем временем скрылась за домом.

— И бачок, бачок, чтоб не тек, — плачущим голосом закричал Капюшонов, чувствуя, что его мысленная энергия уже на исходе.

За домом что-то сочно шлепнулось словно упал большой бутерброд с колбасой. Капюшонов, крикнув, нагнулся, обул туфли и пошел домой спать.

1980



Недавно у нас собрание было. Среди прочих

решался вопрос, кому из коллектива предоставить право приобрести автомобиль «Запорожец». Была предложена кандидатура лаборанта Кряквина. Говорят, мол, ударник, и работает давно, и с точки зрения моральных качеств сомнений тоже не вызывает. Председатель спрашивает:

— Какие будут мнения?

— Поставить! — все кричат.

А я смотрю из четвертого ряда на этого Кряквина и вижу: что-то в нем не то. То есть вроде и одет нормально, и туфли на нем отечественные, а есть в нем что-то такое, неуловимое. В глазах, может, а может, и не в глазах, но есть, одним словом.

Я тогда встаю и говорю:

— Я не знаю, кто как, товарищи, но я бы, например, с Кряквиным в разведку не пошел.

И сел.

Кряквин тут же вскочил, галстук на себе рванул, руками махать начал. Сразу стало видно, что это за человек. А тут у него от волнения еще и голос сел.

— Не надо мне, — сипит, — вашего «Запорожца»!

Понятно, что не надо. Кто ж его теперь тебе даст, горемыке?

С тем и разошлись.

Но, чувствуя, что ко мне после этого собрания как-то уважительнее относиться стали. В дверь первым пропускают. За советами обращаются. В жилищную комиссию избрали.

Проводим мы как-то заседание. Рассматриваем заявление экономиста Низрюхиной об улучшении ее жилищных условий. Она проживает с мужем и двумя детьми в однокомнатной квартире. Работает на предприятии восемь лет.

— Какие будут мнения? — спрашивает председатель.

— Поставить! — все кричат.

А я сижу за длинным столом на угловом стуле, смотрю на эту Низрюхину и вижу — не тот она человек. То есть вроде бы все у нее как у всех, а вместе с тем что-то не то.

— А ваше мнение, товарищ Верзаев? — спрашивает меня председатель.

— Дело, конечно, ваше, товарищи, — говорю, — но лично я бы с экономистом Низрюхиной в разведку не пошел.

Растерялась Низрюхина, глазом заморгала, губы у ней задрожали.

— Почему это, — говорит, — Верзаев, вы бы со мной туда не пошли?

А я в ответ только руками развел — в том смысле, что сердцу, мол, не прикажешь.

Тут все как-то немножко поостыли и решили с улучшением Низрюхиной пока повременить. А через полгода меня избрали в другую комиссию.

Сижу я как-то в торце стола, провожу заседание. Обсуждается кандидатура инженера Черноплодова на предмет его туристической поездки по странам Средиземноморья. Вроде бы по всем показателям товарищ подходит. А я на него смотрю — и весь он у меня как на ладони. Поднимаюсь я с председательского места и говорю:

— Я не знаю, товарищи, какие будут мнения, только я бы с товарищем Черноплодовым в разведку не пошел. Не пошел бы я с товарищем Черноплодовым в разведку!

И сделал Черноплодову окорот.

Выхожу я после заседания из своего кабинета. Пляжу, стоит Черноплодов у окна. Головой к стеклу прижался. В руке окурков догорает, к пальцам подбирается. Жалко мне его стало, и думаю я про себя: «И чего ты, дурак, разнюнился? Да я бы и без тебя в разведку не пошел. Чего я там забыл, в разведке этой?!»

Каждый охотник желает знать, где сидит фазан



Четыре дня выступал в городе Калачаеве

известный иллюзионист Альберт Замарин. Каждый вечер зал калачаевского Дворца культуры был переполнен до отказа, однако всем желающим места все равно не хватало. И тогда работники местного радио решили пригласить Замарина к себе в студию, чтобы дать всем своим землякам возможность если не увидеть, то хотя бы услышать выступление замечательного артиста.

В назначенное время все сознательное население Калачаева сгрудилось у радиоприемников. Сердца калачаевцев радостно трепетали в ожидании предстоящего чуда. И лишь одно сердце оставалось холодным и бестрепетным. Принадлежало оно кладовщику Грелкину — человеку в силу своей профессии материалистическому и ни в какие чудеса не верящему. С ранних лет Грелкин решил для себя, что все на свете фокусники — обыкновенные жулики либо, в лучшем случае, халтурщики. И теперь, отравленный ядом скептицизма, он сидел у приемника вместе со своей женой Зинаидой, в отличие от него сгоравшей от нетерпения.

Наконец раздался щелчок включаемого микрофона, и...

— Добрый вечер, дорогие зрители. Виноват, слушатели, — начал Замарин. — Сейчас я покажу вам, вернее, расскажу, короче говоря, сейчас я исполню свой первый номер. Передо мной на столике лежит обычная шляпа. В ней, как вы сами... В общем, в ней ничего нет, поверьте мне на слово. А сейчас слушайте внимательно Раз, два, три! Ап! Я достаю из нее живого зайца.

Восхищенные слушатели дружно захлопали у своих приемников, и только Грелкин процедил сквозь зубы:

— Все врет. Уши он оттуда достал. От мертвого осла. Нет там никакого зайца, и шляпы тоже нет.

Зинаида толкнула мужа в бок, а Замарин, откланявшись, приступил к исполнению следующего номера.

— У меня в руке обычный газетный лист. Теперь внимание — я рву газету на мелкие клочки. Готово. А сейчас следите за моими руками. Раз, два, три! — И в следующий момент Замарин неуловимым движением развернул перед потрясенными слушателями абсолютно целую газету.

Город взорвался аплодисментами.

— Не было у него никакой газеты, все липа, — сплюнул Грелкин.

— Заткнись, — отрубила жена.

В этот вечер Замарин был явно в ударе. Решительно все удавалось ему. По ходу программы студию постепенно заполняли гирлянды живых цветов, аквариумы с золотыми рыбками, целая стая голубей и даже начальник местной пожарной охраны, непостижимым образом оказавшийся в рукаве иллюзиониста. Калачаевцы были вне себя от восторга.

— И в заключение, — сказал Замарин, — я исполню номер, который был отмечен специальным призом жюри на международном конкурсе в Болонье. Номер называется «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Сразу предупреждаю — с фазаном он никак не связан. Каждое слово в названии соответствует цвету шарика. Всего шариков семь. Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Все эти шарики я буду поочередно извлекать из своего правого уха и жонглировать ими в воздухе. Когда я достану последний, фиолетовый, свет в студии погаснет, шарики же, наоборот, зажгутся и будут прыгать в воздухе как бы сами собой, оставляя в темноте разноцветные следы. Те, кто успел побывать на моем выступлении, знают, как это красиво, тех же, кто не имел такой возможности, я призываю довериться собственному воображению. Итак, начинаем. В руках у меня, как обычно, ничего нет. Раз! — И из уха фокусника появился красный шарик. — Два! — Вслед за ним выскочил оранжевый. — Три! — Желтый. — Четыре! — Зеленый. — Пять! — Голубой. — Шесть! — Синий.

Шесть разноцветных шариков плясали в его руках. Город замер. Сделав эффектную паузу, Замарин выкрикнул: — Семь!

Но тут же осекся — фиолетового шарика не было.

— Извините, товарищи, накладка, — запинаясь, пробормотал иллюзионист. Сердца калачаевцев захлестнула теплая волна сочувствия.

«Не волнуйся, — мысленно подбадривали они своего любимца, — попробуй еще раз. Мы тебе верим, и ты не можешь нас разочаровать».

Словно уловив этот мощный импульс, Замарин вновь шагнул к микрофону:

— Я повторяю номер. Внимание, начали. Раз! Я достаю из уха красный шарик. Два — оранжевый...

— Лапшу он оттуда достает, — злорадно шепнул Грелкин, но жена не слышала его. Мысленно она была рядом с артистом.

— ...три — желтый, четыре — зеленый, пять — голубой, шесть — синий...

В городе прекратилось всякое движение.

— ...Семь! — отчаянно крикнул Замарин.

Фиолетового шарика опять не было.

— Извините, товарищи. Видимо, непривычная обстановка слишком подействовала на меня. Мой коронный номер у меня не получился...

— Факир был пьян, — ловко сострил Грелкин, но наткнулся на испепеляющий взгляд жены.

Щелкнул микрофон, наступила тишина. Грелкин встал с дивана, с хрустом потянулся, и в этот момент что-то упало из его уха на пол, прямо к ногам жены.

— Смотри, Паша! — закричала она, нагибаясь. — Шарик! Фиолетовый! Нашелся все-таки!!!

— Чего раскудаhtалась, — цыкнул на жену Грелкин. — Он же в моем ухе нашелся, а не в его. Правильно я тебе говорил — все они халтурщики.

В дверь позвонили, я открыл. На пороге стояли

двое. Один высокий, в вязаной коричневой кепке, в сером пальто с каракулевым воротником, в красно-зеленом мохеровом шарфе, коричневых диагональных брюках и черных ботинках с развязанными шнурками. Второй не помню в чем.

В вязаной шапке достал из кармана блокнот, послушав палец, открыл нужную страницу.

— Вы Дудов Никанор Степанович?

— Я, — ответил я.

— Родились 25 мая 1936 года?

— Точно.

— Место рождения — город Острогожск Воронежской области?

— Он самый.

— Русский?

— Русский.

— С 1955 по 1958 год проходили службу в рядах Советской Армии?

— Проходил.

— После окончания службы с января 1959 по апрель 1967 года работали водителем механизированной колонны Новоогурцовского автокомбината?

— Работал.

— В 1963 году поступили на первый курс заочного отделения автомеханического института?

— Поступил.

— 26 декабря 1963 года вступили в брак с гражданкой Тимофеевой Анной Петровной, после брака принявшей фамилию Дудова?

— Вступил.

— 14 марта 1965 года у вас родилась дочь Дудова Эльвира Никаноровна?

— Родилась.

— В июне 1965 года вам была предоставлена двухкомнатная квартира, где вы и проживаете в настоящее время?

— Была.

— Окончив в 1970 году заочное отделение автомеханического института, вы перешли на должность инженера по технике безопасности с окладом 140 рублей в месяц?

— Перешел, но на 135.

— Точно помните, что не 140?

— Точно.

— Действительно не он, — сказал первый и плюнул в сердцах на пол.

— А я тебе что говорил? А ты — «он, он»... — И второй тоже плюнул на пол в то же самое место.

— Извини, друг, ошибка вышла, — сказал первый.

Они повернулись и пошли вниз по лестнице. Один высокий, в вязаной коричневой кепке, в сером пальто с каракулевым воротником, в красно-зеленом мохеровом шарфе, коричневых диагональных брюках и черных ботинках с развязанными шнурками. Второй не помню в чем.



Мягкий характер



Я, вообще-то, жизнью своей доволен.

Единственное, что мне в себе не нравится, — характер у меня слишком мягкий. Никому ни в чем отказать не могу. На базу идти — Мухин. Газету стенную делать — Мухин. Билеты лотерейные распродавать — опять Мухин. А отказать людям не могу, внутри что-то не позволяет.

Как-то подходит ко мне Полатьев, технолог наш.

— Слушай, — говорит, — Мухин, тут у меня дело к тебе одно есть.

— Какое? — спрашиваю, а сам чувствую, что опять меня о чем-нибудь попросит. И точно. Как в воду глядел.

— Понимаешь, — говорит, — человека тут одного убить надо. Сделаешь, а? Кроме тебя некому.

«Понятно, — думаю, — что некому. Куда бы вы без Мухина делись?»

— Какого, — спрашиваю, — человека? Я его хоть знаю?

— Да знаешь, конечно. Плавбук наш, Севастьянов.

— Это лысый, что ли, такой? На четвертом этаже работает?

— Ага, на четвертом. Ну как, выручишь?

— Ладно, — говорю, — выручу. Что с вами поделаешь.

Поднимаюсь на четвертый этаж, вхожу в отдел. Сидит Севастьянов за столом, накладные подписывает. Увидел меня, голову поднял.

— Вы ко мне? — спрашивает.

— К вам.

— Слушаю вас.

— А чего тут, — говорю, — слушать?

Беру со стола дырокол — и хватъ главбуха по голове. Он со стула упал и лежит. Я подошел к нему, нагнулся. Пульс пощупал.

Все нормально вроде.

Нет пульса.

Прихожу обратно в отдел.

— Ну как? — спрашивает Полатьев, а сам улыбается.

— Нормально, — говорю.

— Что «нормально»?

— Убил.

— Кого убил?!

— Как кого? Главбуха нашего. Севастьянова. Лысый такой. На четвертом этаже работал. Вы же сами попросили. Забыли, что ли?

— Ты что, с ума сошел?! Я же пошутил.

— А я откуда знал. Вы сказали, я сделал. Хороши шутки.

— Что же делать теперь?

— А я почему знаю? Раньше надо было думать.

В общем, кое-как замяли мы это дело.

А через месяц к нам нового главбуха взяли.

Но с тех пор перестали меня дергать.

По пустякам.

1981



Вы здесь не стояли

Моя очередь в кассу уже подходила, когда

прямо передо мной внезапно вырос он.

— Вы здесь не стояли, — возмутился я, пытаясь вытеснить нахала из очереди.

— Ошибаетесь, — уверенно отразил он мою попытку, — я занял очередь десять минут назад и отошел, а вы подошли уже позже.

Я стоял пять минут, но на всякий случай возразил:

— Это вы ошибаетесь. Я стою здесь полчаса и вас в глаза не видел.

— А я стою здесь час и вас тоже что-то не припоминаю.

— А я занял очередь еще до обеда.

— А я пришел к открытию.

— А я с вечера занял.

— А я здесь уже неделю стою.

— А я — месяц.

— А я — еще с прошлого года.

— А я — с позапрошлого.

— А я как институт окончил, так здесь и встал.

— А я — в десятом классе.

— А я — в первом.

— А я — еще в детском саду.

— Как вам не стыдно врать, — не выдержал я, — этот магазин всего неделю как открылся.

— А вы зачем врете?

— Потому что я здесь стоял.

— И я стоял.

— Хорошо. На чем мы остановились?

— На том, что я стоял здесь еще в детском саду.

— А я — в яслях.

— А я как родился, так сразу сюда и встал.

— А я еще не родился, когда сюда встал. Вернее, мать моя встала. Как раз за месяц до моего рождения.

— А моя — за семь.

— А моя — за девять.

— А моя — за десять.

— Касса, за ряженку больше не пробивайте, — крикнула продавщица.

— Вообще-то, — вздохнул он, — если честно, то моя мать здесь не стояла. Она тогда в Воронеже жила.

— А моя — в Соликамске.

— И в яслях я здесь не стоял, — потупился он.

— А я — в детском саду, — признался я.

— А я — в первом классе.

— А я — в десятом. Я, по правде, всего восемь окончил.

— А я после школы в армию пошел. В авиации служил.

— А я — на флоте.

— А я потом летное училище окончил.

— А я — мореходку.

— А меня потом в отряд космонавтов зачислили.

— А я флотом командовал.

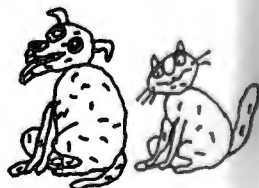
— Граждане, больше не стойте, — крикнула продавщица.

— Ну что, полетели? — вздохнул он.

— Поплыли, — вздохнул я.

Мы вышли из магазина и пошли по жизни каждый своим путем.

1981



Записка



Как-то

в начале января Сквозняков, доставая

из почтового ящика газету, обнаружил вчетверо сложенную бумажку. Будучи от природы человеком любопытным, Сквозняков бумажку развернул. Черным фломастером там было написано: «Через год». И все. Ни числа, ни подписи. Повертев загадочную записку в руках, Сквозняков скомкал ее и бросил за батарею. А что еще делать с такой запиской?

Спустя некоторое время зима кончилась, уступив свое место весне. А потом и весна кончилась.

И вот как-то в начале лета Сквозняков, доставая из ящика газету, вновь обнаружил там вчетверо сложенный листок.

Развернув его, он прочитал: «Через полгода».

Тут он вспомнил, что уже получал подобную записку полгода назад. Сопоставив факты, Сквозняков уловил во всем этом определенную тенденцию, суть которой, однако, осталась для него неясной. Записку он на этот раз не выбросил, а, напротив, положил в карман пиджака. Потом он уехал в отпуск, потом еще много всякого произошло, и в конечном итоге Сквозняков про записки забыл.

И вот однажды, в начале осени, Сквозняков, по обыкновению доставая из ящика газету, опять обнаружил там знакомую бумажку. Нужно ли говорить, что ее вид возбудил в Сквознякове острое чувство любопытства? Не нужно. Развернув листок, он прочел: «Через три месяца». Но что «через три месяца» и почему «через три месяца», было совершенно неясно. По крайней мере, из содержания записки это никак не вытекало. С этого дня в душе Сквознякова поселилась тревога. Он стал замкнут и угрюм. Впервые он ощутил себя не полноправным гражданином, а ничтожной пылинкой в безжалостной игре роковых стихий. «Что я?» — думал, бывало, Сквозняков, глядя на свое

мрачное отражение в зеркале институтского лифта. «Что они?» — горько размышлял он, всматриваясь в беспечные лица коллег. «Что все мы?» — кричала его душа и, не находя ответа, металась в тесных своих пределах.

А время шло, и в первых числах декабря, когда лед уже сковал гладь водоемов, а последние птицы улетели в страны с более высокой среднегодовой температурой, Сквозняков достал из рокового ящичка новую записку. «Через месяц — вот что было там написано на этот раз. В преддверии неизбежного Сквозняков взял из кассы взаимопомощи четыреста двадцать рублей, выправил у знакомого врача бюллетень с невразумительным диагнозом и пустился в бешеный разгул. До сих пор завсегда! кафе «Ветерок», расположенного рядом с его домом, ежата, вспоминая, что отчебучивал терзаемый роковыми предчувствиями Сквозняков.

Четыре недели пролетели как один день. Четыре недели вошедший в штопор Сквозняков не подходил к зловещему ящичку, а когда наконец открыл его, то среди вороха газет отыскал вещий листок. Строчки заплясали перед его глазами, слились в один хоровод, а когда наконец распались, образовали: «Сегодня». Силы покинули его. Цепляясь за перила, Сквозняков поднялся к себе в квартиру, лег на диван и, накрыв голову подушкой, забылся тяжелым сном.

Когда он проснулся, на часах было десять. Стояло сухое морозное утро. По улице в разных направлениях двигался транспорт, люди спешили по своим делам. Он побрился, принял душ и надел чистую рубашку. На душе было пусто и светло. Сквозняков позавтракал, оделся и, насвистывая что-то, спустился вниз. Открыв ящик, он достал оттуда свежую газету. Из газеты выпал вчетверо сложенный листок. Продолжая насвистывать, Сквозняков развернул его. Знаете, что там было написано? Там было написано «Вчера». Вот что там было написано! Повертев глупую бумажку в руках, Сквозняков небрежно скомкал ее, бросил за батарею и пошел жить дальше.

Добродеев и Негодяев

Поучительная история



Эта история, несмотря на внешнюю незатейли-

вость, глубоко поучительна, поскольку в доступной форме объясняет читателю возможные последствия того или иного поступка.

В переполненный трамвай, номер которого по понятным причинам здесь не указывается, вошла скромно одетая пожилая женщина с хозяйственной сумкой в руках. Оплатив свой проезд, она прошла в салон и остановилась рядом с передним сиденьем, на котором расположились двое физически крепких молодых людей. Один из сидящих носил фамилию Негодяев, второго звали Добродеевым. Оба они работали в одном и том же учреждении, название которого по вышеизложенным причинам здесь указано быть не может.

При виде пожилой женщины молодой человек по фамилии Негодяев демонстративно отвернулся к окну и с преувеличенным вниманием углубился в созерцание городского пейзажа, который, к слову сказать, никакими особенными красотами не отличался. Просто Негодяеву не хотелось уступать место женщине, поэтому он так и поступил.

Добродеев же не только не последовал примеру своего невоспитанного сослуживца, но, напротив, принял в судьбе женщины живейшее участие, а именно: проворно поднялся и со словами: «Садитесь, мамаша, я постою», — уступил женщине приличествующее ее преклонному возрасту место.

Пожилая женщина случайно оказалась волшебницей. И последствия этого факта не замедлили в скором времени сказаться на судьбе как Добродеева, так и, в равной степени, Негодяева.

Буквально через месяц после описываемого здесь случая Добродеев женился на скромной работающей девушке, которая, кстати говоря, ехала в том же трамвае, но в прицепном вагоне. Через десять месяцев у них родился очаро-

вательный мальчуган, получивший имя Толик, в честь водителя трамвая, которого они специально разыскали через городское управление пассажирского транспорта, а еще через год — двойняшки, Мишенька и Машенька. Они живут в уютной двухкомнатной благоустроенной квартире. По воскресеньям Добродеев с Люсей (так зовут его жену) оставляют детей на попечение Анны Кузьминичны (так зовут Люсину маму) и идут в кино. После окончания сеанса они иногда заходят в расположенное неподалеку кафе-мороженое и едят там вкусный сливочный пломбир, политый вареньем. Придя домой, Добродеев провожает Анну Кузьминичну до остановки, а вернувшись, слушает вместе с Люсей грампластинки.

С Негодяевым же волшебница обошла сурово. Когда, проехав две остановки, она вышла, на ее место села женщина, дорого, но безвкусно одетая. Она оказалась директором вагона-ресторана, в прошлом неоднократно судимой. Негодяев, как уже, наверно, догадался проницательный читатель, спустя некоторое время женился на ней. Но судьба его сложилась совершенно иначе. То есть она, вообще-то говоря, никак не сложилась, и, более того, полетела под откос. Негодяев ушел из родного учреждения, где проработал восемь лет, и устроился поваром в вагон-ресторан, которым заведовала его жена. Теперь они вдвоем колесят по железным дорогам, пытаются построить свое личное благополучие на основе умышленного недовложения продуктов в порционные блюда. Деньги пусть и немалые, но накопленные нечестным путем, как это обычно бывает, не приносят им счастья.

В «Тойоте», на которую Негодяевы заработали в очередном рейсе Андижан — Москва, заедает левый «дворник», да и кондиционер, прямо сказать, оставляет желать... Дом на взморье отнимает уйму времени, и в довершение всего (и тут уж ему никуда не деться) Негодяев в последнее время начал заметно лысеть.



Про Колю и его маму



Анна Михайловна последний раз целует сына

и выходит на перрон.

— До свидания, мама, — говорит на прощанье Коля, — не волнуйся, все будет в порядке.

Анна Михайловна не первый раз провожает сына к бабушке в Анапу, но всегда остро переживает предстоящую разлуку. Шутка ли сказать, двое суток предстоит провести мальчику в поезде без родительского присмотра. Правда, она уже договорила с Колиной соседкой, пожилой учительницей Валентиной Ивановной, чтобы та присмотрела за сыном. И все-таки материнское сердце не может успокоиться.

Анна Михайловна подходит к окну и слегка барабанит пальцем по стеклу. В окне появляется Коля. Теплая волна захлестывает Анну Михайловну при виде сына.

«Какой стал, — думает она, украдкой смахивая слезу, — совсем взрослый».

— Яблоки обязательно помой, — говорит Анна Михайловна. — Я мыла, но ты еще раз ополосни. На всякий случай.

Коля послушно кивает. За пять лет он уже привык, но все-таки каждый раз чувствует себя немножко неловко.

— Может, ты пойдешь, — говорит он, — я, честное слово, нормально доеду.

— Что ты, Коленька, — машет на него руками мать, — я же потом себе места не найду.

Поезд трогается. Анна Михайловна неловко семенит вслед за вагоном.

— Пирожки я положила тебе сверху. Не ешь всухомятку, подожди, когда принесут чай.

— Хорошо, мама, — соглашается Коля. Ему очень хочется съесть пирожок именно сейчас, не дожидаясь

никакого чая, но с мамой лучше не спорить, это он знает твердо.

Перрон качается, но Анна Михайловна не отстает от поезда. Бежать нелегко, мелкий гравий забивается в боты, но она не обращает на это внимания.

— Огурцы обязательно почисти! — кричит Анна Михайловна. Прохот колес порой заглушает ее голос, поэтому ей приходится напрягаться.

— Ладно! — кричит Коля.

Ему слегка неудобно перед соседями, но что поделаешь, такая уж у него мама.

Поезд постепенно набирает ход. За окнами проносятся дома, платформы, колхозные поля.

— На остановках не выходи, — кричит Анна Михайловна, уступая колею встречному товарняку, — ты можешь отстать от поезда! Я сказала Валентине Петровне, чтобы она за тобой присмотрела, но ты все равно постарайся не выходить.

— Хорошая у тебя мама, — одобрительно говорит Валентина Петровна, — заботливая.

Она приветливо машет Анна Михайловне рукой, затем показывает в сторону Коли: мол, не волнуйтесь, все будет в порядке.

На подъеме Анна Михайловна слегка обгоняет состав и, пока он преодолевает сложный участок, поправляет выбившуюся из-под платка прядь волос.

За окном темнеет. Проводница разносит по купе горячий чай.

— Не пей сразу, — доносится из ночи голос Анны Михайловны, — пусть немного остынет. Пойди пока вымой руки.

— Ну ладно, Валентина Петровна, я вас до Курска провожу и — домой, — кричит Анна Михайловна, — мне завтра вставать рано, да и годы уже не те. А вы уж тут присмотрите за ним. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — отвечает Валентина Петровна и заботливо поправляет висящую на вешалке Колину курточку.

Железная игра



Я стоял в тамбуре, рассеянно наблюдая

за сменой ландшафта.

— Далеко едете? — послышалось за моей спиной.

Я обернулся. Передо мной стоял плотный мужчина в синем тренировочном костюме с белой полосой — традиционной униформе путешественников по стальным магистральям. Я ответил и в свою очередь поинтересовался:

— А вы?

Удовлетворив таким образом острый взаимный интерес, мы разом замолчали.

— Ты спортсмен? — спросил он, смерив меня оценивающим взглядом.

— Бывший.

— Заметно, — несколько двусмысленно констатировал он.

— Что бывший? — слегка обиделся я.

— Что спортсмен, — примирительно ответил он. — Я, между прочим, тоже бывший спортсмен, — добавил он, пытаясь навести переправу.

Я пригляделся к нему повнимательнее. Выпуклая грудь, короткая шея, крепкие ноги, мощные бицепсы.

— Штангист? — спросил я.

— Что, заметно? — польщенно улыбнулся он.

— Рыбак рыбака...

— Вы, значит, тоже?

Я с достоинством кивнул.

— В каком весе?

— Закончил в полусреднем. А вы?

— Аналогичный случай. Что-то ваше лицо мне знакомо.

А как ваша фамилия?

Я назвал.

— Так это, значит, вы и есть. Ну дела! А я Беляков из Читы. Между прочим, должен был выступить с вами во

Львова в семьдесят четвертом на первенстве «Трудовых резервов». Но на сборах потянул дельтовидную, и вы стали чемпионом. Ничего не скажешь, повезло тогда вам.

— Что значит «повезло»? — обиделся я. — Мне в тот год равных не было.

— Зря вы так. Если б не травма, я бы вас наверняка там обошел.

— Не уверен.

— Зато я уверен. Надо же, как все вышло. Да я б в толчке у вас и сейчас выиграл, — азартно воскликнул он.

— Прямо здесь? — усмехнулся я.

— Да хоть здесь!

— Вы, наверное, и штангу с собой в чемодане возите?

— Зачем мне ее возить. Я бы вас одной психологической подготовкой задавил. Что, не верите?

— Не верю.

— Тогда заказывайте.

— Что заказывать?

— Начальный вес. Мы сейчас с вами соревнование проведем. Но мысленно.

— То есть как «мысленно»?

— А очень просто. Прежде чем взять какой-то вес, самое главное — убедить себя, что он тебе по силам. А остальное уже техника. Разве не так?

«Ну ладно, — подумал я про себя, — держись, Чита».

— На штанге сто двадцать, — объявил я. Мысленно обхватил полированный гриф, сделал разножку, и в следующую секунду снаряд послушно лег на грудь, а еще три секунды спустя застыл над головой.

Казалось, не было десятилетнего перерыва, настолько четко все было проделано.

— Вес взят, — объявил я с деланной небрежностью.

Он заказал сто двадцать пять.

«Резко начинаешь, парень, — подумал я, — посмотрим, надолго ли тебя хватит».

— Есты! — крикнул он, не скрывая радости.

Сто двадцать семь килограммов покорились мне со второй попытки.

Поколебавшись, он заказал сто двадцать девять с половиной. На лбу у него выступили капли пота, шея по-

краснела, он закрыл глаза, напрягся, и гримаса досады исказила его лицо.

— Не удержал. С груди толкнул, а потом повело. Ничего, два подхода за мной.

За окном тянулись освещенные солнцем поля, вишневые сады, покрытые белой пеной, словом, природа ликовала вовсю, а в душном тамбуре между тем шла жестокая железная игра.

Сто сорок килограммов стоили нам огромного труда. Три следующих подхода к весу сто сорок два оказались безуспешными. У меня же в запасе оставалась еще одна попытка. И в самый решающий момент, когда я, собрав последние силы, взвалил снаряд на грудь, дверь открылась и в тамбур вошла полная женщина с крахмальной наколкой в волосах.

— Кефир, ряженка, сырки плавленые, — радостно попела она.

— Отойди, зашибу! — взревел я страшным голосом.

Насмерть перепуганная разносчица пульей выскочила из тамбура, но было уже поздно — стальная махина с грохотом обрушилась на пол.

— Подход не считается! — крикнул я. — Она мне помешала.

— Ничего не знаю, — быстро сориентировавшись, закричал он. — Подход вы использовали. Победитель определяется взвешиванием. Какой у вас вес? Только честно.

— Восемьдесят семь, — сказал я и, подумав, грустно прибавил: — пятьсот...

Теперь все зависело от него. Он не спеша достал из кармана платок, вытер обильно струящийся пот и сокрушенно произнес:

— Надо же, какое невезение! У меня восемьдесят семь шестьсот. Ну что ж, ничего не поделаешь, опять ваша взяла...

И, глубоко вздохнув, протянул мне свою натруженную, короткопалую пятерню настоящего бойца.

Строгий экскурсовод, поигрывая указкой, пере-

ходил от одного стенда к другому, а за ним, словно утиный выводок, неуклюже переваливаясь и шаркая ногами, обутыми в огромные стоптанные музейные тапочки, ползла наша экскурсия.

— Музей-усадьба, в котором вы сейчас находитесь, — бесстрастным профессиональным голосом чеканил экскурсовод, — открылся недавно. Нашим сотрудникам пришлось буквально по крупицам собирать экспонаты, имеющие хотя бы какое-то отношение к жизни и творчеству владельца усадьбы. Тем не менее все они подлинные и каждый несет на себе отпечаток той или иной эпохи. Перед вами кресло.

— В этом кресле он сидел? — благоговейно догадались мы.

— В этом кресле он мог сидеть, — уточнил экскурсовод. — Во всяком случае, мы не располагаем фактами, которые бы доказывали обратное. А теперь взгляните на этот рояль.

— На этом рояле он играл, — зачарованно прошептали мы.

— Этот рояль принадлежал прямому потомку его кормилицы. Интересна судьба инструмента. В начале века он использовался в качестве бильярдного стола в трактире «Трансвааль», располагавшемся неподалеку. Перед Первой мировой войной его приобрел австрийский морской аташе, и лишь теперь, после стольких лет неустанных поисков, удалось вернуть экспонат на его законное место.

Мы не без труда справились с нахлынувшим волнением, но главное ожидало нас впереди.

— Обратите внимание на эту зубочистку, — продолжал экскурсовод свой увлекательный, рассказ, — на ее

замшевом футляре отчетливо видны инициалы М. Ф. Сотрудникам музея удалось с высокой степенью достоверности доказать, что первый из них до мельчайших деталей совпадает с первым инициалом владельца усадьбы.

— Авторой? — не веря своему счастью, воскликнули мы.

— Выяснение его происхождения стоит в плане работы музея на ближайшие годы. Однако не будем отвлекаться. Печная заслонка, которую вы видите на этом стенде, — предмет нашей особой гордости. Нам удалось отыскать ее на бывшей квартире гимназического товарища владельца усадьбы. Если бы она умела говорить, кто знает, сколько неизвестных доселе страниц в его биографии открылось бы потомкам.

— Но она молчит, — с неодобрением покосились мы на упрямую заслонку.

— Придет время, и мы заставим ее заговорить, — сказал экскурсовод, и по его тону мы поняли, что время это не за горами.

— Скажите, а это пальто на гвозде — оно тоже принадлежало владельцу усадьбы? — деликатно кашлянув, спросил самый смелый из нас.

— Владелец усадьбы, как полагает наиболее радикально настроенная часть его биографов, принадлежал гвоздь, — ответил экскурсовод. — Что же касается пальто, то оно, и это сегодня можно сказать с полной уверенностью, принадлежит нашему бухгалтеру.

Музей еще молод, и многие организационные вопросы, в том числе и устройство раздевалки для сотрудников, остаются пока открытыми. Благодарю вас за внимание. Если кому-нибудь из вас когда либо посчастливится напасть на след любого предмета, связанного с именем владельца усадьбы, непременно сообщите об этом нам. Можете быть уверены, что ему найдется место в нашей экспозиции.

Николай — мужик что надо



Я вошел в троллейбус, сел на свободное место,

достал из кармана газету и погрузился в текст. Некоторое время спустя, почувствовав чей-то пристальный взгляд, я поднял глаза и увидел сидящего напротив мужчину. Его лицо показалось мне знакомым. Мы явно виделись, причем совсем недавно. Но где? Похоже, что и он мучительно искал ответ на этот вопрос,

— Здравствуйте, — сказал я на всякий случай.

— Добрый день, — радостно подхватил он. — Как дела?

— Идут помаленьку. А у вас?

— Тыфу-тыфу, не сглазить, пока все в порядке.

Мы одновременно замолчали, доброжелательно разглядывая друг друга. Говорить было решительно не о чем, но и прервать начавшуюся беседу казалось неприличным.

И тут я вспомнил, где мы встречались. Это произошло на одном дне рождения, куда я попал совершенно случайно. Судя по всему, его появление тоже не относилось к разряду запланированных. Во всяком случае, новорожденный, имя которого начисто вылетело у меня из головы, тихо спросил у жены, показав вилкой в его сторону:

— Ты не знаешь, что это там за тип в клетчатой рубашке?

— Наташка привела, — не разжимая губ, ответила жена. — А это кто? — в свою очередь поинтересовалась она, покосившись на меня.

— Кажется, с Цыплаковыми пришел.

— Дождутся у меня твои Цыплаковы. А заодно и Наташка.

— Что делать, — вздохнул виновник торжества, — не гнать же их теперь.

В тот вечер мы вступали с ним в контакт дважды. В первый раз я передал ему салат из тертой моркови, во второй — стряхнул пепел на его пиджак. И вот теперь судьба столкнула нас вновь.

Молчание между тем становилось невыносимым.

— Что ни говорите, а приятный парень Николай, — неожиданно для себя выпалил я, каким-то чудом вспомнив имя хозяина.

— Николай — мужик что надо, — с энтузиазмом поддержал он, — умница, прекрасный товарищ.

— Пользуется уважением в коллективе, — подбросил я полено в костер вновь разгоревшейся беседы.

— В каком коллективе? — осторожно переспросил он, пытаясь исподволь выяснить степень моей осведомленности.

— В любом, — не растерялся я. — В какой бы коллектив судьба ни забросила нашего друга Николая, он немедленно начинает пользоваться там уважением.

— А любовью?

— Любовью он не пользуется. Во всяком случае, в личных интересах. Но это не означает, что Николая не любят. Его любят за отвагу, доброту и... как это, — пощелкал я в воздухе пальцами, почувствовав, что полено догорает.

— Душевную щедрость, — подсказал он, — Николай — человек необычайно щедрой души,

— Щедр до безрассудства, — поддержал я, вспомнив, как Николай подкладывал мне в тарелку заливного окуня. — Готов отдать всего себя буквально первому встречному.

— А как вы думаете, Николай принципиален?

Он явно пытался переложить тяжесть беседы на мои плечи. Но не тут-то было.

— Принципиален ли Николай? — задумчиво переспросил я. — А почему, позвольте узнать, вы задали мне этот вопрос? У вас есть основания для сомнений?

— Ни малейших. Просто мне хотелось, чтобы вы на каком-либо примере ярко проиллюстрировали эту черту его характера.

— Пожалуйста. Однажды я встретил Николая в очереди за квасом и попросил пропустить меня вперед. Он с негодованием отклонил мое предложение. На недоуменный вопрос «почему?», он с гордостью ответил: «Из принципа!»

— В этом весь Николай, — восхищенно прошептал мой собеседник. — Вы, кстати, когда выходите?

— Через три остановки.

— Однако. А я через четыре. Итак, на чем мы закончили?

— Если мне не изменяет память, речь шла о принципиальности Николая. Попробуйте вспомнить, чем еще вам дорог этот человек.

— Он в совершенстве владеет рядом европейских языков.

— Например?

— Английским, французским, немецким со словом, кажется, итальянским. Впрочем, насчет последнего я не уверен.

— А вам не кажется, что он много курит? — обеспокоено спросил я.

— Честно говоря, это его увлечение внушает мне серьезные опасения. А вам?

— Разумеется, — с жаром согласился я. — Николая срочно нужно спасать. Любой ценой.

— Завтра же позвоню ему и скажу, чтобы бросал.

— Я сделаю это сегодня же. Извините, — вздохнул я, — но мне нужно выходить. Было приятно вновь встретиться с вами.

— Мне тоже. Как все-таки здорово, когда у твоих друзей такие замечательные друзья.

Мы тепло пожали друг другу руки, и я вышел.

Провожая взглядом обогнавший меня троллейбус, я увидел в окне своего недавнего собеседника. На его лице было написано облегчение. Вероятно, он думал о Николае. Я погрозил троллейбусу кулаком и зашагал к дому.



Как я встречался со знаменитостями



Последнее время я все реже пишу стихи. Это

обстоятельство меня очень беспокоит, учитывая, что предыдущие лет десять поэт исправно кормил во мне гражданина.

Чем же будет перебиваться поэт Иртеньев, лишившись кормильца-однофамильца? — задал я себе как-то тревожный вопрос и решил: воспоминаниями. Какие воспоминания публикуют охотнее всего? Естественно, о встречах со знаменитостями. К счастью, в моей жизни они были. Вот некоторые из них.

Две встречи с Евгением Александровичем Евтушенко навсегда запали в мою неокрепшую душу. Первая произошла в Москве лет семь назад во время книжной ярмарки. На стенде прогрессивной организации «Апрель» среди произведений писателей-демократов была представлена трогательная ксерокопия газеты «Советский цирк» с моими стихами. Книжек в ту пору у меня еще не было.

Помните строки из знаменитой дворовой песни: «Под вечер в этот порт ворвался теплоход в сиянии своих прожекторов»? Именно так в скромном апрелевском закутке возник Евгений Александрович Евтушенко.

Дав в течение нескольких минут ряд эксклюзивных интервью, он, не снижая темпа, приступил к осмотру экспозиции. Внезапно его взгляд остановился на ксерокопии. Видимо, мои бесхитростные строки задели какие-то струны в душе славного шестидесятника. Во всяком случае, он с чувством прочел стихотворение собравшимся, а затем, ласково потрепав меня по плечу, произнес несколько слов в мой адрес — в том смысле, что вот, мол, какая талантливая смена у нас подрастает. Но лиру, что характерно, не передал.

Второй раз мы встретились месяц спустя на заседании того же «Апреля» в Большом зале ЦДЛ. Надышав-

шись воздухом свободы, я вышел малость перекурить. Внезапно тяжелая дверь резко отворилась и со всего размаху заехала мне по уху. Вслед за этим появился сам Евгений Александрович, напоминавший тот же теплоход, но на этот раз уже покидающий порт. Увидев скромного меня, потирающего ушибленное место, он, как воспитанный человек, собрался уже извиниться, но, видимо узнав, внезапно передумал и произнес фразу, достойную олимпийца: «А нечего под дверью стоять!» — после чего стремительно скрылся одновременно во всех направлениях.

С Андреем Вознесенским мы сталкивались неоднократно, но одна встреча запомнилась навек.

Увидев меня как-то в коридоре «Юности», Андрей Андреевич широко улыбнулся и приветливо произнес:

— Такие люди и без охраны! — После чего приобнял за талию и живо поинтересовался: — Вы, случайно, не в Нью-Йорк летите?

— Нет, вроде бы, — смутился я.

Вознесенский чуть погрузстнел, но тут же сообразил:

— А, так вы, наверно, в Копенгаген летите?

— И в Копенгаген не лечу, — чувствуя свою никчемность, повинился я.

— А куда же вы тогда летите? — удивился Андрей Андреевич.

— Да вроде пока никуда.

— Обязательно нужно куда-нибудь лететь, — настойчиво заметил Вознесенский и в следующее мгновение, превратившись в маленькую точку, растаял в небе весенней столицы.

Сводила меня жизнь и с третьим птенцом гнезда Хрущева — Василием Аксеновым. На излете перестройки, входя в редакцию все той же «Юности», я столкнулся с выходящим оттуда Василием Павловичем. За полгода до этого, во время первого визита знаменитого изгнанника в преображенную Россию, я на одном из вечеров всучил ему номер «Юности» со своей свежей подборкой.

— Василий Павлович, здравствуйте. Я Иртеньев. Помните, дарил вам журнал?

— Как не помнить, — радостно солгал демократичный кумир.

— Теперь вот хочу подарить книжку.

— Сделайте милость, — церемонно произнес Аксенов.

Я раскрыл свою неподъемную сумку, где, помимо книжек, имелся пакет белья из прачечной, десяток яиц, пара батонов хлеба, бутылка кефира, запустил туда руку — и похолодел. Поскольку вспомнил, что книжки, лежащие там, уже были подписаны. После редакции я как раз собирался зайти на почту и разослать их своим иногородним приятелям.

Отчетливо представил, как достаю из сумки одну книжку — извините, Василий Павлович, это не вам, вторую — пардон, опять не вам, третью — что за черт, и эта не вам. Ситуация, мягко говоря, идиотская. Проклинаю свое тщеславие, вытащил наугад первую попавшуюся. Вообразите, единственную не подписанную!

— Подпишите, — строго сказал Василий Павлович, — непременно прочту.

Я подписал. Аксенов придирчиво перечитал надпись и, благосклонно кивнув мне, величественно побрел в далекий город Вашингтон (федеральный округ Колумбия).

Спустя год я оказался в Америке. Из Сан-Франциско позвонил профессору Эткинду, который накануне опубликовал в журнале «Время и мы» мои стихи с весьма лестным предисловием, а к моменту моего приезда преподавал в университете маленького городка Юджин в штате Орегон.

— Как хорошо, что вы позвонили, — обрадовался Эткинд, — а мы тут как раз пару дней назад разговаривали с Аксеновым. Представляете, он так вас нахваливал!

Прошло еще месяца два. Лежу я у себя дома как-то ночью, не могу заснуть. От полной безнадеги включаю приемник, натыкаюсь на «Голос Америки». Диктор объявляет программу. В самом конце должна состояться беседа Василия Аксенова и Игоря Губермана о современной иронической поэзии. Я даже приосанился. «Ну наконец-то, — думаю, — мир обо мне узнает».

Прослушиваю всю программу. Захватывающая информация о повышении кредитных ставок. Феминистки за «круглым столом». Жизненно необходимые сведения из истории мормонов. Веки постепенно тяжелеют. Наконец долгожданная беседа. Страшным усилием воли

вырываюсь из объятий сна. Василий Павлович непри-
нужденно общается с Игорем Мироновичем. Мелькают
имена, цитаты, восторженные эпитеты. Обо мне ни
звука. Остается секунд тридцать. Внезапно Аксенов
хлопает себя по лбу:

— Да, чуть не забыл. Мне тут Эткинд рассказывал,
есть в Москве один мальчонка, фамилию я, правда, за-
был, но суть не в этом. Так вот, он написал замечатель-
ное четверостишие: «В здоровом теле — здоровый дух,
на самом деле — одно из двух». Скажите, лихо!

— Лихо, — согласился Губерман, и передача за-
кончилась.

Заснуть неизвестным и проснуться знаменитым
сможет любой дурак. Заснуть оплеванным и про-
снуться безымянным — по плечу не многим.

Впрочем, не буду кокетничать своей безызвест-
ностью.

Одно время ко мне сильно благоволила програм-
ма «Взгляд». В течение месяца они ухитрились вы-
дать меня в эфир три раза. Тут-то я и понял, что
значит настоящая слава.

Захожу как-то в туалет рядом с Белорусским
вокзалом. Скромно стою. Мой сосед справа, за-
нятый примерно тем же, время от времени лю-
бовно и как-то хитровато на меня поглядывает.
Наконец, застегнувшись, он широким жестом
протягивает мне шершавую ладонь, крепко
пожимает руку и радостно сообщает: «Я вас
узнал! Отличные стихи!»

Вот так-то.

Вадим Жук, автор вступительной статьи, — режиссер, литератор.
Живет в Санкт-Петербурге.

«Какое время было, блин!..»

1979–1985

Вертикальный срез

Опубликовано впервые в журнале «Аврора», № 4, 1985.

Странный гость

Опубл. впервые в еженедельнике «Литературная Россия»
(далее — «Лит. Рос.»), № 14, 1982.

Похвала движению

Впервые — в ж. «Аврора», № 11, 1985.

Съедобное

Первая публикация — в ж. «Юность», № 10, 1988.

«Сияло солнце над Москвою...»

Впервые опубл. в ж. «Юность», № 1, 1988.

Страшная картина

Впервые опубл. в газ. «Вечерний Волгоград», февраль 1988.

«Блестят штыки, снаряды рвутся...»

Впервые под названием «Война и мир» — в ежен. «Собеседник»,
сентябрь 1988.

«Конечно, это горько, но...»

Печатается по книге «Попытка к тексту», изд-во «Московский
рабочий», М., 1989.

Дорожное

Впервые — в ежен. «Лит. Рос.», март 1982.

Вступающему в жизнь

Впервые — в ежен. «Неделя», март 1986.

Песнь

Первая публ. — в ж. «Юность», № 4, 1986.

Случай на воде

Печатается по книге «Империя добра», изд-во «Раритет-537», М., 1994.

Мечта о крыльях

Впервые опубликовано в газ. «Гудок», февраль 1983.

«Любовь. На вид простое слово...»

Публикуется по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Меня зовут Иван Иванович...»

Впервые напечатано в газ. «Смена», Л., ноябрь 1989.

Автобус

Первая публикация — в газ. «Гудок», январь, 1985.

Гриппозное

Печатается по книге «Ряд допущений», Изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

Городским поэтам

Впервые под названием «Люблю я городских поэтов...» — в ж. «Юность», № 1, 1988.

Про искусство

Публикуется по тексту в ж. «Юность», № 3, 1987.

Часовой

Впервые опубликовано в ж. «Юность», № 10, 1989.

Что зачем

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

Танго в стиле кич

Впервые напечатано в ж. «Аврора», № 8, 1985.

«Чтобы написать стихотворение...»

Впервые — в ежен. «Лит. Рос.», октябрь 1986.

«О чем мечтаешь ты, товарищ...»

Первая публикация — в ж. «Студенческий меридиан», № 6, 1984.

Землекоп

Напечатано впервые под заголовком «В жаркий полдень...» в газ. «Московский комсомолец» (далее — «МК»), сентябрь, 1985.

«На стуле женщина сидела...»

Первая публикация — в ежен. «Лит. Рос.», июль 1986.

Подражание французскому

Печатается по тексту — ж. «Крокодил», № 9, 1986.

Невольное

Впервые под заголовком «Я Алту люблю Пугачеву...» — в ж. «Аврора», № 11, 1985.

«Желаю восславить любовь я...»

В первой публикации в ж. «Юность», № 4, 1986. стихотв. имело название «Хотел бы восславить любовь я...»

Электрический ток

Впервые — в ж. «Юность», № 1, 1988.

Клеветнику

Впервые — в ж. «Юность», № 3, 1987.

Поэт и Муза

Печатается по публикации в ежен. «Лит. Рос.», апрель 1989.

Баллада о четырех Дедах Морозах

Впервые под названием «О Дедах Морозах» напечатано в ежен. «Лит. Рос.», декабрь 1985.

Забывтый вальс

Стихотв. впервые опубликовано в газ. «МК», ноябрь 1984.

Отец и сын

Печатается по первой публикации в ежен. «Лит. Рос.», март 1987.

Астроном

Впервые — в ж. «Аврора», № 11, 1985.

Прощание

Впервые — в ж. «Юность», № 4, 1986.

Палехская роспись

Первая публикация — в ж. «Огонек», № 1, 1988.

Электромонтерам

Впервые — в ж. «Аврора», № 4, 1986.

Угасший костер

Первая публикация — в газ. «МК», сентябрь 1985.

Поэт и прозаик

Первая публикация — в ежен. «Лит. Рос.», февраль 1988.

Пастораль

Впервые — в газ. «МК», июль 1986.

Пловец

Впервые — в альманахе «День поэзии», 1986.

1986—1991

«Куда ушли товарищи мои...»

Первая публикация — в ежен. «Собеседник», октябрь, 1988.

«Когда сгорю я без остатка...»

Впервые — в ж. «Юность», № 1, 1988.

Джентльмен и обмен

Публикуется впервые.

Цветы и чувства

Под заголовком «Когда я нюхаю цветы...» впервые — в газ. «МК», август 1986.

Летающий орел

Первая публикация — в ежен. «Лит. Рос.», октябрь 1986.

Стихотв. имело название «Летит по воздуху орел...»

Про Петра

Печатается по тексту первой публикации — в ж. «Новый мир», № 3, 1988.

Камелия

Впервые — в ежен. «Лит. Рос.», февраль 1988.

«Бывают в этой жизни миги...»

Публикуется по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

Моя Москва

Впервые — в ж. «Юность», № 1, 1988.

Случай в больнице

Первая публикация — в ежен. «Лит. Рос.», май 1988.

Меланхолический пейзаж

Впервые опубликовано в газ. «МК», март 1987.

«Ероплан летит германский...»

Первая публикация — в ж. «Юность», № 10, 1989.

«Подайте, граждане, поэту...»

Печатается по тексту первой публикации — в альманахе «Поэзия молодых», 1988.

Встреча

Под названием «День весенний был погож и светел...» — ж. «Огонек», апрель 1988.

Прощание матроса с женой

Впервые — в газ. «МК», ноябрь 1987.

«Ах, отчего на сердце так тоскливо...»

Впервые опубликовано в ж. «Юность», № 1, 1988.

Попытка к тексту

Впервые опубликовано в ж. «Юность», № 1, 1988.

Заявление для печати

Впервые — в газ. «Авто», май 1989.

Монолог на выдохе

Первая публикация в ж. «Юность», № 10, 1989.

«Ответь мне, искусственный спутник Земли...»

Под заголовком «Скажи мне, искусственный спутник Земли...» впервые — в газ. «Смена», август 1988.

Неопубликованная стенограмма

Печатается по книге «Повестка дня», изд-во «Амга», Париж, 1989.

Версия

Впервые — в газ. «Вечерний Волгоград», февраль 1989.

Про Федота

Первая публ. — в ж. «Огонек» № 4, 1990.

Приглашение в Мытищи

Впервые — в газ. «Вечерний Волгоград», февраль 1989.

Ряд допущений

Впервые опубл. в газ. «Смена», февраль 1989.

Так и живу

Первая публ. — в газ. «Советский цирк», апрель 1989.

Застойная песнь

Впервые опубликовано в ж. «Юность», № 10, 1989.

Сюжет впотьмах

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

Подражание древним

Под заголовком «Гекзаметры» — опубл. в ж. «Огонек», сентябрь, 1989.

Ходоки

Публикуется впервые.

Все отлично

Впервые опубл. под заголовком «Отличные парни отличной страны...» в газ. «Авто», май 1989.

«Вот дождь прошел, и солнце вышло...»

Впервые — в газ. «Авто», май 1989.

«Печален за окном пейзаж...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

Мой ответ Альбиону

Печатается по первой публ. в ж. «Огонек», апрель 1990.

Двести лет спустя

Впервые — в ж. «Юность», № 10, 1990.

Сделай сам

Впервые — в ж. «Огонек», апрель 1990.

«Есть у меня один эрдель...»

Первая публикация — в газ. «Кот и пес», № 2, 1991.

Чей старичок?

Впервые — в ежен. «Собеседник», сентябрь 1989.

«Я шел к Смоленской по Арбату...»

Первая публ. — в ж. «Юность», № 7, 1991.

В Стране восходящего солнца...

Под заголовком «Размышления о Японии» впервые — в ж. «Огонек», апрель 1990.

Песнь о юном кооператоре

Впервые — в ж. «Огонек», сентябрь 1989.

«Я женщину одну любил...»

Первая публ. — в газ. «Атмода», Рига, январь 1990.

«Во дни державных потрясений...»

Первая публ. — в газ. «Атмода», Рига, январь 1990.

«Человек сидит на стуле...»

Впервые — в газ. «Смена», декабрь 1989.

«Вот человек какой-то мочится...»

Первая публ. — в газ. «Атмода», Рига, январь 1990.

Депутатский запрос

Впервые опублик. в «МК», апрель 1991.

Елка в Кремле

Первая публ. — в газ. «Атмода», Рига, январь 1990.

«Ты куда бежишь, нога...»

Первая книжная публикация.

«Кончился век, XX век...»

Впервые — в ж. «Юность», № 7, 1991.

Прогулка на два оборота

Впервые — в ж. «Юность», № 7, 1991.

«Оставил мясо я на кухне...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Вот ползет по стенке клоп...»

Впервые — в газ. «Невский курьер», апрель 1990.

На смерть героя

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

Букет цветов

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«В помойке роется старушка...»

Первая публ. — в ж. «Огонек», апрель 1991.

«Как на площади Таганской...»

Впервые опублик. в ж. «Юность», № 7, 1991.

«С улыбкой мимолетной на устах...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Гуляли мы по высшей мерке...»

Печатается по книге «Елка в Кремле», Библиотечка ж. «Огонек», М., 1991.

«Когда в вечернем воздухе порой...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Идет по улице скелет...»

Впервые — в ж. «Столица», апрель 1991.

«Поймали арабы еврея...»

Впервые опубли. в ж. «Огонек», апрель 1991.

«Вчера явился мне во сне мужик...»

Впервые опубли. в ж. «Юность», № 7, 1991.

«Я раньше был подвижный хлопчик...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«На Павелецкой-радиальной...»

Впервые — в ж. «Столица», апрель 1991.

Девичья

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

Колыбельная

Первая публикация — в ж. «Magazine», № 5, 1994.

«Просыпаюсь с бодуна...»

Впервые опубли. в газ. «Час пик», ноябрь 1991.

Баллада о гордом рыцаре

Впервые опубли. в газ. «Час пик», ноябрь 1991.

«Кому-то эта фраза...»

Впервые опубли. в газ. «Час пик», ноябрь 1991.

«Нам тайный умысел неведом...»

Впервые опубли. в газ. «Час пик», ноябрь 1991.

«Не нам бродить по тем лугам...»

Впервые опублик. в газ. «Час пик», ноябрь 1991.

«Уронил я в унитаз...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

Старинная казачья песня

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Бывало, выйдешь из трамвая...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Только сел — звонят. Давай скорее...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

1992—2000

«Ночь темна, как камера обскура...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Трудно тем на свете очень...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Провел я молодые годы...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Некомпетентность правит бал...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Среди толпы мятежной...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Я вчера за три отгула...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Ах, что за женищина жила...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Жизнь проходит как-то глупо...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Дружно катятся года...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«В одном практически шнурке...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Она лежала на кровати...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Не доливайте водку в пиво...»

Впервые — в ж. «Magazine», № 6, 1993.

«Ничего мне так не надо...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Не могу не вспомнить факта...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Как хорошо, что мы успели...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Весь объят тоской вселенской...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

Скороговорка

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Сгущалась тьма над пунктом населенным...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1994.

«Встретил как-то раз девицу...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1994.

«Будь я малость помоложе...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1994.

«Мне для Алки ничего не жалко...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 3, 1995.

«Мужчина к женщине приходит...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 3, 1995.

«Наш Ту-154...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 3, 1995.

«Стихи мои, простые с виду...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 6, 1995.

«Кончилось время военных походов...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 6, 1995.

Пастораль II

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Одиноко брожу средь толты я...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 2, 1996.

«Уход отдельного поэта...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 6, 1996.

«Мой друг, побудь со мной вдвоем...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 6, 1996.

«Порой мне кажется как будто...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 6, 1996.

«Выхожу один я на дорогу...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 6, 1996.

«Я в юности во сне летал...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 6, 1996.

«Был ты, Лева, раньше бедный...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Женщины носят чулки и колготки...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 6, 1996.

Короткие встречи

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1997.

«Три раза в ЗАГС меня водили...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Страна моя не так уж и проста...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 1, 1998.

День открытых дверей

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 1, 1998.

«Я не ханжа, не фарисей...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 1, 1999.

«Чей портрет на стенке в школе...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 1, 1999.

«Что-то главное есть в винегрете...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 1, 1999.

Плачь по атаману

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 1, 1999., под названием «Гей, ты, Петр Афанасьич...»

«Я всю Америку проехал...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 1, 1999.

«Возьмем, товарищи, козла...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1999.

«Среди шумной халявной туссовки»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1999.

«Лежишь бессонными ночами...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1999.

Народ. Вход-выход

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1999.

«Моя неизбывная вера...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1999.

«Прелюдией Баха хоральной...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1999.

Из хорватского дневника

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1999.

«Как это исстари ведется...»

Впервые опубли. в ж. «Magazine», № 5, 1999.

Баллада о железном наркоте

Публикуется впервые.

«Это кто такой красивый...»

Случай возле бани

Впервые опубли. в ежен. «Неделя», февраль 1980.

Пират дядя Петя

Впервые — в газ. «МК», апрель 1988.

Сюрприз

Первая публ. — в газ. «МК», апрель 1988.

Вожатый и трамвай

Первая публ. — в «МК», июнь 1984.

Портрет

Впервые — в ж. «Юность», № 4, 1986.

Иван Петрович и какаду

Впервые опубли. в газ. «Вечерняя Казань», июнь 1982.

Это кто?

Первая публ. — в газ. «МК», октябрь 1982, под заголовком «Это кто такой красивый...»

Сцена у фонтана

Впервые опубли. в газ. «Гудок», сентябрь 1983.

Точный адрес

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

Песенка о бесхвостой кобыле

Первая публ. — в газ. «Гудок», апрель 1984., под заголовком «Печальная кобыла»

Сколько будет четырежды три

Первая публ. — в газ. «МК», декабрь 1985.

Точность — вежливость королей

Первая публ. — в газ. «МК», февраль 1986.

Иван Петрович и НЛО

Впервые — в книге «Вертикальный срез», изд-во «Советский писатель», М., 1990.

Считалочка для всех

Впервые под заголовком «Считалочка» — в газ. «МК», сентябрь 1986.

Концерт на малой эстраде

Печатается по книге «Пират дядя Петя», изд-во «Белый город», М., 1998.

Лесная школа

Первая публ. — в ежен. «Лит. Рос.», сентябрь 1987.

Это что?

Под заголовком «Это что растет у вас?» впервые — в газ. «Смена», февраль 1989.

«Как у нашей Яночки...»

Печатается по книге «Пират дядя Петя», изд-во «Белый город», М., 1998.

Тик-так

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Нет, не люблю я этих марсиан...»

Хозяйке на заметку

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Соком живым брызнем...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«С другом мы пошли к путанам...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

Картинка с рынка

Впервые — в газ. «МК», апрель 1991.

«Тут как-то раз мне дали в глаз...»

Публикуется впервые.

К NN

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995. Стихотв. имело название «Твои глаза синее озера».

«КПСС антинародной...»

Публикуется впервые.

«Меня спросили на иврите...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

Опять к NN

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995. Стихотв. имело название «И за что такую тлю...»

«Свой путь земной на две прошедши трети...»

Публикуется впервые.

«Все накрылось медным тазом...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Иду я против топора...»

Публикуется впервые.

«Я обычно, как натьюсь...»

Печатается по книге «Три Петра и два Ивана», РИА «Magazine», М., 1995.

«Куда Россия подевалась...»

Впервые — в ж. «Magazine», № 6, 1995.

«Я в детстве сильно поддавал...»

Впервые — в ж. «Magazine», № 6, 1995.

«Ко мне тут киллер приходил...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Стоит могила...»

Впервые опубл. в ж. «Magazine», № 1, 1998.

«Промышленность не может быть тяжелой...»

Впервые опубл. в ж. «Magazine», № 1, 1998.

«Выпивать поэтам нужно в меру...»

Впервые опубл. в ж. «Magazine», № 1, 1998.

«Ну сколько можно о говне...»

Впервые опубл. в ж. «Magazine», № 1, 1998.

«Такого кризиса...»

Впервые опубл. в ж. «Magazine», № 5, 1999.

«Нет, не люблю я этих марсиан...»

Впервые опубл. в ж. «Magazine», № 1, 1999.

«Российский правдоруб простой...»

«Я человек язвительный и колкий...»

Публикуется впервые.

«Отвратительно, страшно, мохнато...»

Первая публ. — в ж. «Magazine», № 1, 1998.

«В тоске французы, в панике японцы...»

Публикуется впервые.

«Дело пахнет керосином...»

Печатается по книге «Ряд допущений», изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

«Хорошо, что рядом тот, кто за все в ответе...»

Публикуется впервые.

«Ну ты делов наделал, Билл...»

Публикуется впервые.

«Ходил недолго в президентах...»

Первая публ. — в ж. «Magazine», № 1, 1998.

«Много лет ты славно правил...»

Публикуется впервые.

«Американская эскадра...»

Публикуется впервые.

«Мальчик Сережа подрастает быстро...»

Публикуется впервые.

«Внешний вид товарный...»

Публикуется впервые.

«Максимыч справный был служака...»

Публикуется впервые

«Международные бандиты...»

Публикуется впервые.

Проверка

Впервые опубл. в газ. «МК», сентябрь 1981.

Мягкий характер

Публикуется впервые.

Вы здесь не стояли

Впервые опубл. в ежен. «Собеседник», июль 1984.

Записка

Впервые — в газ. «МК», май 1982.

Добродеев и Негодяев

Первая публ. — в «Литературной газете», декабрь 1983, под заголовком «Поучительная история».

Про Колю и его маму

Впервые опубл. в газ. «МК», декабрь 1982.

Железная игра

Напечатано впервые в ежен. «Лит. Рос.», май 1985.

Экскурсия

Впервые — в газ. «МК», ноябрь 1985.

Николай — мужик что надо

Впервые опубл. в газ. «МК», июнь 1985.

Как я встречался со знаменитостями

Первая публ. — в ж. «Magazine», № 1, 1995.

Книжные издания

«Повестка дня»

изд-во «Амга», Париж, 1989..

«Попытка к тексту» (стихи)

«Московский рабочий», М., 1989.

«Вертикальный срез» (стихи)

«Советский писатель», М., 1990.

«Елка в Кремле» (стихи)

Библиотечка журнала «Огонек», М., 1991.

«Империя добра» (стихи)

«Раритет-537», М., 1994.

«Три Петра и два Ивана» (стихи)

РИА «Magazine», М., 1995.

«Вдоль по жизни»,

изд-во «Бесэдер», Иерусалим, 1996.

«Пират дядя Петя»

изд-во «Белый город», М., 1998.

«Ряд допущений» (стихи)

изд-во «Независимая Газета», М., 1998.

Литературно-художественное издание

Иртеньев Игорь Монсеевич

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том пятый

Редактор-корректор *Е. Остроумова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых монтажей 4.11.2000.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Доп. тираж 5000 экз. Заказ 6111.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой:

Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс. (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

Магазин «Академкнига»

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Унитрон индастри». Книжная ярмарка в СК «Олимпийский».

г. Москва, Олимпийский пр-т, д. 16, метро «Проспект Мира».

Тел.: 785-10-30. E-mail: bookclub@cityline.ru

Дистрибьютор в США и Канаде — Дом книги «Санкт-Петербург»

Тел.: (718) 368-41-28. Internet: www.st-p.com

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90

Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86

Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ГУП ОЦ МДК «Дом книги в Коптево». Тел.: 450-08-84

Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 31/1

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

ISBN 5-04-004895-5



9 785040 048953 >

Суди как вѣдѣть ко рѣшѣ
Мне спешитъ спешу
Добродѣль не въ рѣшѣ "Куря"

Суди рѣшѣ ко рѣшѣ,
~~Суди рѣшѣ ко рѣшѣ~~ Суди рѣшѣ ко рѣшѣ
~~Суди рѣшѣ ко рѣшѣ~~ Суди рѣшѣ ко рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ

Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
Куря не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ

А не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ

А не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ
А не въ рѣшѣ, а въ рѣшѣ

Спрос как вбавь по раскубе
Мен спросил Спрос
Рассказано мне по раскубе "Куря"

Спрос также по раскубе,
~~Спрос также по раскубе~~ Спрос также по раскубе
~~Спрос также по раскубе~~ Спрос также по раскубе
Куря по раскубе, Куря по раскубе
Куря по раскубе, Куря по раскубе
Куря по раскубе, Куря по раскубе
Куря по раскубе, Куря по раскубе

Куря по раскубе
Куря по раскубе
Куря по раскубе
Куря по раскубе
Куря по раскубе
Куря по раскубе
Куря по раскубе
Куря по раскубе
Куря по раскубе
Куря по раскубе

Итак спрос по раскубе

А спрос по раскубе
А спрос по раскубе

Срочно являясь на заседание,
руководителям сообщив.
Возвращаясь из поездки "руковод."
из его сказав, товарищ прав

Курьера разослав, собравшись
на все собрание, себе,
на заседании, лучше всего,
для молодежи из КСБ

Григорьевича КСБ.

Вручил всем участникам
только что собрано
Теперь из списка участников,
А на каждой - все 4 2

Скоропостижно в основном

Кому-то вид не нравится,
А как же, ведь только что 3 числа только

Получить, издать, издать,
Соборный ком. 4 числа в день

То же самое решение
принять всем другим

Но если - вдруг издать он, для всех.

Решение принять

~~КСБ~~

Коллектив принять

То же самое решение

принять всем

По всем этим вопросам, для всех.

Решение принять

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Игорь Иртеньев

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Элегия

Он тихо умер на рассвете
Вдали от Бога и людей.
Светило солнце, пели дети,
Омыта струями дождей
Планета мерно совершала
Свой долгий повседневный путь.
Ничто страдальцу не мешало
Спокойно ноги протянуть.

1964

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века